

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Симонова Марина Владимировна

ОБРАЗ КРЕСТЬЯНСКИХ ВОЖДЕЙ XVII–XVIII ВЕКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ:
ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Томск – 2017

Оглавление

Введение.....	3
1 Дореволюционная историография	23
1. 1 Иван Исаевич Болотников.....	23
1. 2 Степан Тимофеевич Разин	28
1. 3 Кондратий Афанасьевич Булавин	39
1. 4 Игнат Фёдорович Некрасов	46
1. 5 Емельян Иванович Пугачёв	50
2 Советская историография.....	56
2. 1 Советские историки об Иване Исаевиче Болотникове	56
2. 2 Степан Тимофеевич Разин в советской историографии.....	67
2. 3 Кондратий Афанасьевич Булавин в историографии советского периода	75
2. 4 Игнат Фёдорович Некрасов в историографии советского времени	81
2. 5 Портрет Емельяна Ивановича Пугачёва в трудах советских историков .	83
3 Современная историография о вождях крестьянских восстаний XVII–XVIII вв.	106
3. 1 Современные историки об И. И. Болотникове	106
3. 2 С. Т. Разин в свете современной историографии	112
3. 3 К. А. Булавин в трудах современных отечественных историков	118
3. 4 И. Ф. Некрасов в работах историков современности.....	123
3. 5 Постсоветская историография о Е. И. Пугачёве.....	126
Заключение	147
Список использованных источников и литературы	153
Приложение А Сюжетная схема легенд о «возвращающихся царях-избавителях»	178
Приложение Б Изображение С. Т. Разина	181
Приложение В Изображение С. Т. Разина.....	182
Приложение Г Изображение С. Т. Разина	183
Приложение Д Песни о Степане Разине	184

Введение

Актуальность темы. Писание истории невозможно без личностей. Первые, дошедшие до нас исторические сочинения есть восхваление подвигов героев и правителей. В разные времена отношения к героям было разное. В античности писатели считали, что роль личности является определяющей в истории. В Средние же века история рассматривалась как реализация божественного замысла, поэтому личность не играла такой роли. В периоды Возрождения и Просвещения роль личности в истории снова становится для исследователя важной, потому что человек представлялся творцом, помощником бога на земле в совершенствовании мира. В XIX в. личность рассматривалась уже как элемент общества, действующий в рамках определённых обстоятельств. Такой же позиции придерживались марксисты, которые ключевую роль в истории отводили народным массам, что отразилось на трудах советских историков XX века. Особое видение роли личности в историческом процессе предлагали такие мыслители как Г. В. Ф. Гегель¹ (личность как доверенное лицо всемирного духа – теория провиденциализма), Л. Н. Толстой² (ход истории зависит от суммы волеизъявления многих людей, а действия одного человека не могут изменить ход истории), Н. К. Михайловский³ (зависимость роли и силы личности от ситуации), Г. В. Плеханов⁴ (инвариантность истории, соответственно минимальная роль личности) и др. В середине XX века стала популярной теория порядка-хаоса⁵, по которой общество, выпав из состояния порядка, может пойти по иному пути развития (точка бифуркации). И как раз в такие моменты может появиться личность, которая в силах влиять на ход истории. На основе этой теории, Л. Е. Гринин выдвинул тезис о том, что «роль личности обратно пропорциональна

¹ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / перевод А. М. Водена. М., 2000. 477 с.

² Толстой Л. Н. Война и мир: в 4 т. М., 1993. Т. 3. 506 с.; Сиземская И. Н. Л. Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2010 URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=205 (Дата обращения 04.08.2017).

³ Михайловский Н. К. Герои и толпа : Избр. тр. по социологии : В 2 т. СПб., 1998.

⁴ Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории. М., 1941. 44 с.

⁵ Пригожин И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой. М., 1986. 431 с.

стабильности и прочности общества»⁶. В целом, современные исследователи придерживаются мнения о взаимозависимости роли личности и складывающихся условий, в которых личность оказывается. Одним из принципиальных вопросов для историка и сейчас, таким образом, является выяснение роли личности в историческом процессе.

Любое массовое движение возглавляется или выдвигает лидеров и ни одно народное движение невозможно полноценно изучить без учёта личности его вождя. Он является средоточием и отражением воли толпы и времени. Ярким примером этого является деятельность вождей крестьянских восстаний в России в XVII-XVIII веках. Во все последующие века личности И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, И. Ф. Некрасова и Е. И. Пугачёв, оставались в народной памяти как герои и защитники, привлекали внимание историков. Но, в отличие от благодарной народной памяти, историки в разные времена очень по-разному оценивали деятельность крестьянских вождей. Однако до сих пор в отечественной историографии не было попытки изучить этот феномен. В этом заключается актуальность избранной автором темы исследования.

На сегодняшний день накопился огромный массив литературы по изучению крестьянских войн и значительно менее масштабный блок литературы о жизни их предводителей. Автор предпринимает попытку обобщения имеющихся в исторической литературе результатов исследования личностей крестьянских вождей восстаний XVII-XVIII вв., чтобы способствовать дальнейшему изучению социальных движений в России.

Для изучения литературы по теме в диссертации используется общепринятое деление историографических работ на три периода: дореволюционный (XVIII-XIX вв.), советский (XX в.) и современный. В диссертации была изучена научная и художественная литература о следующих персонах – И. И. Болотников, С. Т. Разин, К. А. Булавин, И. Ф. Некрасов и

⁶ Гринин Л. Е. Лекция: Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. Выпуск №4(64)/2011. С. 175-193.

Е. И. Пугачёв. Эти личности весьма неравномерно отражены в исторической литературе.

Иван Исаевич Болотников – руководитель восстания, имевшего значительный размах в 1606–1607 гг. во время Смуты, прославился как «большой воевода» царя Дмитрия (Лжедмитрий I).

Особенностью восстания под руководством И. И. Болотникова является то, что в состав его участников входили разные социальные группы, а именно: служилые люди, горожане, крестьяне и казаки. Поэтому так важно выяснить, как оценивали вождя восстания историки разных эпох. Необходимо отметить особенность изучения данного сюжета, которая заключается в малочисленности источниковой базы.

Бунт, поднятый Степаном Тимофеевичем Разиным в 1670–1671 гг. оставил яркий след в истории России и в народном сознании людей. Это проявляется в обширном количестве сведений о С. Т. Разине как в научно-исторической литературе, так и в художественной. Но у С. Т. Разина был предшественник. Еще в 1666 году донской атаман Василий Родионович Ус предпринял поход на Москву. Ему удалось собрать большую армию из казаков и беглых крестьян. Позднее В. Ус руководил одним из отрядов разинцев. Уместен вопрос, почему именно С. Т. Разин стал народным любимцем, а не В. Ус, чем выделялся этот человек?

Кондратий Афанасьевич Булавин возглавил восстание на Дону и его притоках в 1707–1708 гг. На протяжении XVIII–XX веков появлялись всё новые сведения об этом событии, но каждый раз, одним и тем же фактам давались разные оценки.

Из вождей крестьянских восстаний XVII–XVIII вв. Игнат Фёдорович Некрасов является наиболее загадочной фигурой. О нём практически нет свидетельств в документах и записках современников, хотя он сыграл заметную роль в истории российского казачества. Он был сподвижником атамана Кондратия Булавина и руководил восставшими казаками после убийства К. Булавина заговорщиками-старшинами.

Во время разгара Северной войны многие рекруты бежали на Дон в поисках свободной жизни. Бежали не только рекруты, но и крестьяне от своих помещиков. С целью розыска и возврата беглых людей Пётр I послал князя Юрия Владимировича Долгорукого с вооружёнными отрядами на Дон. В этой операции царь обязал участвовать и представителей старшины Войска Донского, которое являлось управляющим органом донских казаков. Деятельность отрядов Ю. В. Долгорукова сопровождалась жесточайшими расправами над теми, кто отказывался выдавать беглых. Поэтому Войсковая старшина негласно снарядила отряд из казаков во главе с К. А. Булавиным против Ю. В. Долгорукова.

9 сентября 1707 г. близ реки Айдар в Шульгинском городке К. А. Булавин напал на отряд Долгорукого. Сам князь был убит, некоторые казацкие старшины, сопровождавшие его, бежали. Представители Войсковой старшины были вынуждены объявить Булавина разбойником, так как была получена царская грамота с требованием поимки Булавина. Это стало поводом к началу булавинского восстания, в ходе которого К. А. Булавин сам стал Войсковым атаманом, захватив город Черкасск – столицу Войска Донского. После этого Булавин писал Петру I с повинной, а также с угрозами о том, что если царь не отступится, то казаки уйдут на другую реку. Этот план осуществить казацкий вождь не сумел, так как 7 июля 1708 года его убили заговорщики из представителей казачьей верхушки. После смерти Булавина его дело продолжали атаманы Н. Голый и И. Некрасов, которые не переставали рассылать прелестные письма и собирать армию в Паншине⁷. Некрасов также смог осуществить переселение казаков с Дона на Кубань на территорию подвластную Крымскому хану.

Емельян Иванович Пугачёв возглавил самое крупное крестьянское выступление в истории России в 1773–1774 гг. Он являлся уроженцем казачьей Зимовейской станицы на Дону, как и С. Т. Разин. До восстания участвовал в Семилетней войне и в первой русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Во время

⁷Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России в IXVII-XVIII вв. М.-Л., 1966. С. 196.

восстания Пугачёв выдавал себя за спасшегося императора Петра III. Самым крупным его поражением стала неудачная осада Оренбурга, длившаяся шесть месяцев. Но ему были подчинены Башкирия, Южный Урал, Казань. В сентябре 1774 г. после ряда поражений Пугачёв был выдан правительству, а десятого января 1775 г. казнён на Болотной площади в Москве. Восстание было настолько мощным, что, несмотря на смерть Пугачёва, оно продолжалось весь 1775 г. и правительственным войскам пришлось приложить немало усилий для его подавления.

Степень изученности. Интерес к изучению темы нашёл своё отражение в многочисленных исследованиях российских и зарубежных авторов. Уже с XIX века крестьянские восстания вызывали интерес историков, и исследование этого феномена зависело от бытовавших тогда концепций, общественно-политического строя, доступной историкам источниковой базы и методики использования источников. Характерной чертой работ дореволюционных историков была монументальность, так как в основном они создавали многотомные работы по истории России – Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский. Историографических работ относительно темы диссертации в дореволюционный период не было.

Поверхностные историографические обзоры литературы о крестьянских восстаниях появились только в советское время, когда главной формой осмысления исторической действительности стала авторская монография. Авторы монографий считали необходимым предварять материал историографическими обзорами. Это, скорее, историографические заметки, нежели полноценные историографические исследования. Они невелики – от одной до пяти страниц печатного текста. В советский период не предпринимались фундаментальные труды по истории России, исключением является незавершённое издание 1960–1970-х гг., которое создавалось в рамках марксистской методологии⁸. Историки советского периода создавали монографии по узким темам. Распространённой формой научного труда стали также статьи, посредством которых

⁸ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. М., 1967–1980.

разворачивались дискуссии в специализированных журналах, что приветствовалось. Именно советские историки очень много времени уделяли подготовке и публикации документов по крестьянским восстаниям. Обычной была критика работ дореволюционного периода и переосмысление событий в соответствии с марксизмом. Единственной в своём роде для советской исторической науки стала книга, подготовленная В. И. Бугановым в виде указателя литературы о И. И. Болотникове, С. Т. Разине, К. А. Булавине, Е. И. Пугачёве, В. Усе, И. Белобородом, С. Юлаеве за последние 10–15 лет к выходу книги (1979 г.). Как и до революции, специальных историографических трудов не было создано отечественными историками, но подобные труды создавались зарубежными исследователями, такова, например, работа С. О. Кристенсена «История России XVII в. Обзор исследований и источников» (1989 г.). Но этот труд имеет очень широкий спектр, он охватывает весь XVII век.

Особого внимания заслуживают историографические заметки Р. Г. Скрынникова и В. И. Буганова при рассмотрении восстания И. И. Болотникова. Р. Г. Скрынников рассмотрел позиции дореволюционных историков, а также историков советского периода. Историки-классики именуются Р. Г. Скрынниковым как дворянские (это по отношению к Н. М. Карамзину) и буржуазные (С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.). Кроме этого, рассматривая историографию советского времени, автор выделил ранний период, к которому отнёс работы М. Н. Покровского, Б. Д. Грекова и И. И. Смирнова. По словам Руслана Григорьевича, ранняя советская историография не имела целостного взгляда на Смуту, как на единый сложный процесс. Особого внимания Р. Г. Скрынникова удостоилась работа В. И. Корецкого, «всесторонне исследовавшего на огромном архивном материале социальную политику государства на разных этапах «Смуты»⁹. Р. Г. Скрынниковым были отмечены также труды В. И. Буганова, Б. Н. Флори, В. Д. Назарова.

⁹Скрынников Р. Г. Введение // Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 5.

В.И. Буганов во введении к работе «Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв.»¹⁰ также разделил историографию восстания И. И. Болотникова на ряд этапов: 1) дворянский (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин и др.); 2) буржуазный (С. М. Соловьёв, В. О. Ключевский); 3) дворянских революционеров (А. Н. Радищев и декабристы) и революционеров-демократов (В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов и др.); 4) марксистский (В. И. Ленин); 5) послевоенный марксистский (И. И. Смирнов, В. И. Корецкий).

Уже упомянутый датский исследователь С. О. Кристенсен в работе «История России XVII в. Обзор исследований и источников»¹¹ выделил историков-консерваторов и прогрессистов. К консерваторам автор отнёс так называемых «государственников», которые «рассматривали государство как движущую, позитивную силу в русской истории»¹². Именно поэтому «государственники» оценивали восстание негативно, рассматривая его в качестве посягательства на закон и порядок. К прогрессивным С. О. Кристенсен отнёс историков, которые считали восстания XVII века «выражением классовой борьбы между эксплуататорами-феодалами и эксплуатируемыми крестьянами»¹³. Работа С. О. Кристенсена является в своём роде единственной полноценной историографической работой по XVII веку.

Е. И. Кобзарева проследила оценки Смуты историками в разные исторические периоды. В литературе дореволюционного периода Смута «рассматривалась как социальный конфликт»¹⁴ между В. И. Шуйским и средним боярством. Историки советского периода давали оценку Смуты с точки зрения классовой борьбы. Е. И. Кобзарева выделила работы Р. Г. Скрынникова и А. Л. Станиславского, так как именно эти историки пересмотрели концепцию «крестьянской войны», существовавшую в советский период. Авторы новейшей

¹⁰ Буганов В. И. Введение // Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. Книга для учителя. М., 1989. С. 3–9.

¹¹ Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников: Пер. с дат. / Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Буганова. М., 1989. 256 с.

¹² Там же. С. 79.

¹³ Кристенсен С. О. История России XVII в... С. 80.

¹⁴ Кобзарева Е. И. Рец. на кн.: Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II // Отечественная история, 2002. №3. С. 170.

исторической литературы, по словам Е. И. Кобзаревой, характеризуют Смуту как первую гражданскую войну, в которой участвовали «неудовлетворённые своим социальным положением категории населения – служилые люди и казаки»¹⁵.

Более широкую историографию имеет движение С. Т. Разина. Здесь отмечены труды В. И. Буганова, В. М. Соловьёва, Е. В. Чистяковой, А. В. Шестакова.

При характеристике историографии движения С. Т. Разина В. И. Буганов обращает особое внимание на источниковую базу, которой пользовались историки. Первым историком, который дал обзор источников этого восстания стал А. Н. Попов. В. И. Буганов отметил историков, которые занимались изучением сочинений иностранцев – Ф. Аделунг и В. И. Веретенников. По мнению Виктора Ивановича, более подробно рассмотрел источники по истории разинского возмущения Б. Н. Тихомиров, который разделил их на пять групп: 1) официальные правительственные акты; 2) ведомственная переписка правительственных учреждений и отдельных лиц; 3) сказания хронографов и повести о разинщине и ее отдельных эпизодах; 4) известия иностранцев; 5) исторические песни о Разине¹⁶. Но работа Б. Н. Тихомирова, по словам В. И. Буганова, имеет свои недостатки: «всё изложение пронизано ультрареволюционной фразеологией 20-х–начала 30-х годов»¹⁷. Был охарактеризован сборник документальных материалов А. А. Покровского, Н. П. Чулкова, С. Г. Томсинского, которые подняли вопрос об «архиве» Разина (документы, которые представители правительства называли «прелестными» и «воровскими» письмами). Следующим важным этапом в публикации документов о восстании Разина стал четырёхтомный сборник документов подготовленный Е. А. Швецовым. В. И. Буганов лучшим обзором источников по этой тематике назвал работу И. В. Степанова. Как существенный момент работы Степанова отмечено наличие специального параграфа о расспросных и пыточных речах пленных повстанцев. Последняя работа, которой дал характеристику

¹⁵ Кобзарева Е. И. Рец. на кн.: Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия... С. 170

¹⁶ Буганов В. И. Разин и разинцы. М., 1995. С. 4.

¹⁷ Там же. С.5.

В. И. Буганов, принадлежит А. Г. Манькову, опубликовавшему описания бунта современников-иностранцев.

Экспертом в вопросе разиновщины является современный историк В. М. Соловьёв, который защитил кандидатскую (1982 г.) и докторскую (1995 г.) работы по восстанию Разина. При этом его докторская работа имеет код специальности 07.00.09. Историографию разинского движения он разделил на два крупных блока – дореволюционный и советский. Первый представлен работами декабристов, народовольцев, консерваторов-крепостников и либералов, социал-демократов и революционеров, а также трудами крупнейших историков того периода - С. М. Соловьёва и Н. И. Костомарова. Историография второго блока является самой обширной. Из работ советского периода В. М. Соловьёв выделил труды Б. Н. Тихомирова «Разинщина», М. Н. Сменцовского «Степан Разин в науке, литературе и искусстве» и И. В. Степанова «Крестьянская война в России в 1670–1671 годах». Автор отметил, что произошла смена методологии в истории и возрастание роли дискуссии. Главным содержанием научной полемики, по словам исследователя, стал поиск истины, выработка принципов, путей и методов для достижения этой цели¹⁸. Кроме этого, происходит переосмысление работ дореволюционного периода, возвращение к результатам исследований XIX – начала XX вв.

Авторы книги «Степан Разин и его соратники» перечисляют основные работы по истории разинщины. Четыре тома актовых материалов, выполненные научным сотрудником ЦГАДА Е. А. Швецовой, которые выходили в 1954–76 гг.¹⁹ Сборники документов «Записки иностранцев о восстании Степана Разина» (Л., 1968) и «Иностранные известия о восстании Степана Разина» (Л., 1975) под редакцией А. Г. Манькова. 1966 год – два обобщающих капитальных труда – «Крестьянские войны в России в XVII-XVIII вв.» и «Крестьянская война в России в 1670–671 гг.» И. В. Степанова. Сборник 1974 года – «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.: проблемы, поиски, решения». Книга В. И. Буганова

¹⁸ Соловьёв В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина. М., 1991. С. 5

¹⁹ Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С.4

«Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.» (М., 1976). Монография А. П. Пронштейна и Н. А. Мининкова «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество» (Р-н-Д, 1983). Биографические работы в статьях В. И. Буганова, Е. В. Чистяковой, А. Н. Сахарова.

Ярким примером работы советской школы стала книга «Материалы к теме "Крестьянские войны и восстание угнетенных народов в XVII веке"»²⁰ под редакцией профессора А. В. Шестакова. В ней содержится краткий историографический обзор темы, уместённый на одной странице книги. Присутствует критика, направленная на дореволюционные работы. Оценка разинского движения Н. И. Костомаровым и С. М. Соловьёвым названа «лживой»²¹. Взгляды Г. В. Плеханова, «который все крестьянские войны рассматривал с меньшевистской точки зрения, как контрреволюционные», приравнены к взглядам Костомарова и Соловьёва. М. Н. Покровский укорён в том, что в своей работе «Русская история с древнейших времён» «совсем упустил описание этого восстания крестьянских масс». Историк – «враг народа» Томсинский не учёл крестьянский характер разинщины. Неверными названы оценки разинщины историков Тхоржевского, Тихомирова и др.

Историографический обзор о восстании К. А. Булавина содержит книга В. И. Буганова «Булавин». Историк прослеживает изменения в историографии о К. А. Булавине от первых известий и официальных трудов, создаваемых по велению Петра I, до 60-х годов XX века. Первыми летописцами названы Ф. И. Соймонов и И. А. Желябужский. В апологетических сочинениях о Петре Великом и его царствовании (например, в «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова и т. д.) деятельность Булавина и булавинцев рассматривалась с позиций самодержавия. Не обошёл стороной В. И. Буганов историков казачества: «их труды царская цензура или запрещала, или держала десятилетиями под сукном»²². Историк выделил труды «буржуазных» авторов – С. М. Соловьёва и

²⁰ Материалы к теме "Крестьянские войны и восстание угнетенных народов в XVII веке" / под ред. проф. А. В. Шестакова. Смоленск, 1938. (вып.3). 68 с.

²¹ Материалы к теме "Крестьянские войны и восстание угнетенных народов в XVII веке" ...С.5.

²² В. И. Буганов. Булавин [Электронный ресурс]. 1988. Электрон. версия печат. публ. URL: http://royallib.com/book/buganov_viktor/bulavin.html (Дата обращения 26.10.15).

Н. И. Костомарова. С. М. Соловьёв, как и все подобные события антиправительственного характера, видит в К. А. Булавине разрушительное начало, называя его «новым Разиным», Костомаров видел в казачестве, его бунтах «противодействие старого новому», зародыш разрушения, анархического бунта. По мнению Буганова, от историков буржуазного и дворянского толка пошли выдуманные сообщения о «лживости и хвастовстве» булавинских манифестов, а также о пособничестве Мазепы Булавину. После событий Октябрьской революции в воззваниях Булавина отмечаются «демократические лозунги» (Н. Н. Фирсов, 1924 г.). В период 30-х годов были созданы работы В. И. Лебедева, Н. С. Чаева, С. Г. Томсинского, в которых даётся высокая оценка К. А. Булавину и его действиям. Но в работах этого периода, Буганов усматривает ряд преувеличений и теоретических ошибок («революционная вспышка» начала XVIII в., терминологические неточности и противоречия в определении характера крестьянской войны; тем более — выступления нерусских народов — «колониальная революция»!!). В период 50–60-х годов свет увидели: коллективный труд «Очерки истории СССР», в котором царствованию Петра I посвящен 7 том (1954 г.), работы А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII в.» (1961 г.) и Е. П. Подъяпольской «Восстание Булавина. 1707—1709» (1962 г.).

В историографии восстания Е. И. Пугачёва также нельзя увидеть отдельных историографических работ, а только общие обзоры (Ю. А. Лимонов, Е. Н. Трефилов, В. Я. Мауль).

Ю. А. Лимонов не берёт во внимание дореволюционную историографию, но акцентирует внимание на заслугах советских историков в изучении темы пугачёвщины. Как основная работа выделен трёхтомный труд «Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва», изданный под редакцией профессора В. В. Мавродина и при участии коллектива авторов Института истории СССР АН СССР и Ленинградского университета²³.

В журнале «Наша история. 100 великих имен. Емельян Пугачёв»²⁴

²³ Лимонов Ю. А. Емельян Пугачев и его соратники. Л., 1975. С. 4.

²⁴ Наша история. 100 великих имен: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО "Де Агостини". М., 2010.

содержится поверхностный историографический обзор. Сообщается, что XVIII–XIX века характерны искоренением любых упоминаний о восстании и его руководителе. С этой целью правительство некоторые объекты переименовывало, например, Зимовейскую станицу (место рождения Пугачёва) в Потёмкинскую станицу, а реку Яик в Урал (так как именно яицкие казаки помогали Пугачёву). Показательным произведением XIX века названа работа Н. Ф. Дубровина, которая уже самим названием своим («Пугачёв и его сообщники») подчёркивает преступный характер деятельности Е. И. Пугачёва. Переломным моментом в отношении к Пугачёву стала «Капитанская дочка» Пушкина, который показал атамана как яркую личность. После 1917 года, та же самая станица, где родился Пугачёв, снова была переименована в Пугачёвскую, так как сам Е. И. Пугачёв стал символом освободительной народной борьбы. В советский период «Капитанская дочка» не раз была сыграна на сцене театра и переснята кинорежиссёрами. Новейшее время характеризуется появлением «сниженных» версий «Капитанской дочки» – мультфильмы и мюзиклы.

По словам биографа Пугачёва Е. Н. Трефилова, негативная оценка личности Пугачёва современниками отразилась на дальнейшей историографии. О том, что казацкий атаман был подконтролен яицким казакам, писали А. С. Пушкин, Н. Ф. Дубровин, С. М. Соловьёв, П. Л. Лавров (считал, что личность Пугачёва не соответствовала великому движению, которое он возглавил). Есть и позитивные оценки личности и способностей Пугачёва, которые также отражены в литературе научной и художественной: В. Б. Броневский – «История войска донского», А. С. Пушкин – «Капитанская дочка», декабрист А. В. Поджио, профессиональные историки А. П. Щапов, Д. Л. Мордовцев, В. И. Семеновский. В советский период положительная характеристика Пугачёва сложилась не сразу. В 1920 г. был переиздан третий том «Русской истории с древнейших времён», в котором М. Н. Покровский не изъясил характеристику Пугачёва, которая была дана им до революции. В ней Е. И. Пугачёв представлен как интриган²⁵. Позднее М. Н. Покровский от этой оценки отказался и признал Пугачёва одним из

²⁵ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 8.

выдающихся крестьянских вождей. С 1930-х гг. преобладала положительная оценка Пугачёва. Более всего оценили вождистские качества Пугачёва Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин и В. М. Панеях. Со второй половины 1980-х годов произошла радикальная переоценка крестьянских войн. Доказательством тому являются работы Н. И. Павленко, Н. Н. Шахмагонова, В. И. Лесина. Уделено внимание работе о Пугачёве современного исследователя В. Я. Мауля. Особая заслуга в издании архивных документов, связанных с восстанием Пугачёва, принадлежит Р. В. Овчинникову.

Среди работ историографической направленности о пугачёвщине необходимо выделить статьи В. Я. Мауля²⁶, который анализирует состояние российской историографии о пугачёвском бунте на современном этапе развития исторической науки. Историк отмечает исследовательское равнодушие к данной теме. Кроме этого, он подверг сравнительному анализу три биографические работы о Пугачёве составленные А. И. Гайсиновичем (1937 г.), В. И. Бугановым (1984 г.) и Е. Н. Трефиловым (2015 г.). Он заключает, что все три биографии Пугачёва написаны мастерски, но три образа, созданные историками, получились неравноценны, так как они написаны с различных концептуальных позиций. Как метко замечает автор, историк – это дитя своего времени. Гайсинович и Буганов – представители исторического материализма, поэтому они подвергли героизации личность Пугачёва. Трефилов же, не обременённый концептуальными рамками, даёт сдержанные характеристики Пугачёва, занимая позицию объективного исследователя.

Взгляды историков на личности вождей крестьянских восстаний XVII-XVIII вв., несмотря на большое количество литературы по истории крестьянских войн, не получили до нашего времени подробного анализа ни в российских, ни в зарубежных работах. Таким образом, можно констатировать отсутствие полноценной обобщающей историографической работы по теме диссертации.

²⁶Мауль В. Я. Образ Емельяна Пугачёва на страницах книг серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 180-199; Мауль В. Я. Российская историография начала XXI века о пугачёвском бунте (некоторые аспекты проблемы) // Вестник Сургутского гос. пед. ун-та. 2015. № 4 (37). С. 160-169.

Объектом диссертации являются труды отечественных исследователей крестьянских войн и восстаний XVIII – XXI вв.

Предметом настоящего исследования стали концепции крестьянских войн и трактовки личностей их вождей в отечественной историографии.

Цель исследования состоит в том, чтобы путем сравнения образов крестьянских вождей XVII-XVIII веков в отечественной историографии в различные исторические периоды выявить факторы и последствия изменений этих оценок, их влияние на историописание.

Задачи в связи с этим поставлены следующие:

- проанализировать работы историков дореволюционного периода и выявить характеристики И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, И. Ф. Некрасова и Е. И. Пугачёва;
- рассмотреть работы историков советского периода с целью поиска суждений о личностях крестьянских вождей;
- изучить работы историков постсоветского периода для выявления характеристик крестьянских вождей;
- выявить связь политических условий деятельности историков с их оценками личностей крестьянских вождей;
- обобщить представления историков о роли личности каждого из рассматриваемых крестьянских вождей в истории.

В качестве **методологии** исследования использован формационный подход к объяснению истории. Он позволяет четко выделить социальные причины трансформации взглядов историков. В диссертации использована также категория цивилизационной парадигмы – «культура», которая включает такие понятия как способ мышления, ценности и нормы, меняющиеся в соответствии с эпохами развития человечества.

Применялись как общенаучные методы исследования, так и специальные. Из общенаучных использованы следующие: принцип историзма, который предусматривает рассмотрение конкретного события в его изменении, в связи с особенностями периода истории. Принцип системности, позволяющий провести

комплексный анализ личности крестьянского вождя. В его рамках появляется возможность проследить взаимодействие истории, литературы, медицины, психологии.

Из специальных методов исследования применялись методы истории. Сравнительно-исторический метод позволил выявить общие и различные черты в оценке крестьянских вождей отечественными историками. При изложении материала использовался проблемно-хронологический метод, что дало возможность разделить историографию изучения крестьянских войн и их вождей на периоды.

Для выявления особенностей субъективных оценок крестьянских вождей историками разных периодов изучен блок биографических работ об исследователях, их жизненном пути и творческой деятельности²⁷.

Необходимым элементом историографической работы является анализ теоретико-методологических принципов исторического познания, которые применяли историки. Поэтому в работе используются труды по методологии истории, касающиеся рассматриваемой проблемы: В. Я. Мауль «Намеренные умолчания» как историографический приём (бунты и бунтари в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского)²⁸; В. Я. Мауль «Историография отечественной истории (с древнейших времен до начала XX века)²⁹; О. В. Сидоренко «Историография IX - нач. XX вв. Отечественной истории»³⁰.

Положения, выносимые на защиту:

образ крестьянского вождя в дореволюционной историографии

²⁷ Цамутали А. Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьев // Историки России. XVIII-начало XX вв. М., 1996. С. 215-243; Памяти Р. Г. Скрынникова // Российская история, 2010. № 1. С. 203-205; Киреева Р. А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России. XVIII - начало XX вв. М., 1996. С. 268-314; Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история, 2005. №4. С. 140-151; Гулыга А. В. Ключевский – мыслитель и художник // Искусство истории. М., 1980. С. 176-194; Брачев В. С. Жизнь и труды С. Ф. Платонова // Платонов С. Ф. Сочинения в 2 т. СПб., 1993. Т.1. С. 11-35; Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 т. Т.1. М.: Наука, 1989. С. 514-551; Артизов А. Н. М. Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история, 1998. № 1. С. 77-96.

²⁸ Мауль В. Я. Намеренные умолчания» как историографический приём (бунты и бунтари в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского) // Вестник Томского гос. ун-та. 2013. № 369. С. 81-83.

²⁹ Мауль В. Я. Историография отечественной истории (с древнейших времен до начала XX века). Курс лекций для студентов исторического факультета. Комсомольск-на-Амуре, 1999. 120 с.

³⁰ Сидоренко О. В. Историография IX - нач. XX вв. Отечественной истории, Владивосток, 2004. 299 с.

характеризовался крайне негативно в связи с государственной установкой – все антиправительственные деятели являются изменниками;

советская историография неоднородна, в ней выделяются периоды, в которых оценки крестьянских вождей отличались друг от друга в зависимости от складывавшейся политической ситуации: 1920-е гг. - переходный период от немарксистской к марксистской историографии (от негативной к позитивной), 1930-1950-е гг. - период жёсткой регламентации образа крестьянского вождя как народного героя, 1970-е гг.- снижение партийного контроля за деятельностью историков в этом направлении и накопление опыта объективного анализа фактов. Советская историография с 1930-х гг. вырисовывала в целом апологетический образ крестьянского вождя вследствие установки официальной идеологии, что классовая борьба являлась главной движущей силой исторического прогресса, а бунтари и революционеры - главными героями отечественной истории;

образ крестьянского вождя в современной литературе выстраивается и распространяется среди населения по большей части на основе научно-популярных работ как негативный. В современной профессиональной исторической литературе не наблюдается особого интереса к теме, но можно выделить небольшую группу историков, которые изучают личности крестьянских вождей как реальных исторических персонажей (О. Г. Усенко, В. Я. Мауль, Е. Н. Трефилов, Д. В. Сень);

психология крестьянских вождей стала изучаться лишь несколько десятилетий назад, поэтому это направление является перспективным, что, несомненно, относится к достоинствам современной литературы;

фольклорный позитивный образ крестьянского вождя прямо противоположен негативному образу, созданному дореволюционными правительственными документами и современной научно-популярной литературой;

особое положение занимает казачья историография, в рамках которой авторы в апологетике казацких вождей доходят до оправдания их государственной измены;

выявление объективного образа крестьянского вождя на всех этапах

историографии было принципиально не достижимо, так как общий порок историографии темы - недостаток информации усугублялся классовой тенденциозностью авторов. Вместе с тем накопление информации и совершенствование методов исследования позволили за изучаемый период историографии более четко представить портреты крестьянских вождей. Речь идёт как об уточнении биографий, так и о более чётком представлении мотивов их деятельности.

Использованные **источники** разделены на следующие три группы:

1. Самая многочисленная группа источников – труды отечественных историков. В их число входят фундаментальные труды по истории России, которые появлялись в период до революции (Н. М. Карамзин³¹, С. М. Соловьёв³², В. О. Ключевский³³). Эти работы показательны тем, что они освещают крестьянские восстания и их вождей в контексте истории России, а значит авторы не ставили перед собой задачу подробнейшего изучения личностей крестьянских вождей. В советский же период основной формой исследования стала статья (И. И. Смирнов³⁴, В. И. Корецкий³⁵, А. А. Зимин³⁶), затем, с середины века появились и монографии, посвящённые отдельным историческим событиям (Р. Г. Скрынников³⁷, А. Н. Попов³⁸, В. И. Буганов³⁹). Научная статья является оперативным отражением событий, происходящих в научной среде. Именно посредством статей в 1950-е гг. велись жаркие дискуссии по вопросу крестьянских войн в России. К этой же группе относятся и изданные лекционные материалы (Б. Б. Граве⁴⁰, М. П. Вяткин⁴¹) и аналитические работы,

³¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: монография в 12 т. Калуга, 1993.

³² Соловьёв С. М. История России с древнейших времен: монография в 15 кн. М., 1960.

³³ Ключевский В. О. Курс русской истории: монография в 9 т. М., 1988.

³⁴ Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории, 1958. № 12. С. 116-131.

³⁵ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. 1971. № 5. С. 130-152.

³⁶ Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории, 1958. № 3. С. 97-113.

³⁷ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. 283 с.

³⁸ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. 132 с.

³⁹ Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII- XVIII вв. М., 1976. 223 с.

⁴⁰ Граве Б. Б. Восстание Пугачева : Стенограмма лекции тов. Б. Граве, прочит. 23 июня 1936 г. Л., 1936. 29 с.

⁴¹ Вяткин М. П. Емельян Пугачев : Стенограмма публичной лекции. Л., 1951. 40 с.

характеризующие художественный и фольклорный образ народных вождей (Т. В. Гераськин – «Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст»⁴², Н. Г. Евстратов – «Набеглый царь» В. Г. Короленко»⁴³, Г. Г. Копылова – «Художники рисуют Пугачёва»⁴⁴). Лекционные материалы дают возможность увидеть обобщенную точку зрения академической науки советского периода. Труды историков, входящие в данную группу источников, содержат концепции крестьянских войн и отражают взгляды историков, являясь показателем особенностей историографических периодов.

2. Сборники опубликованных документов и материалов. На сегодняшний день огромный массив документов по крестьянским восстаниям опубликован, поэтому, нет острой необходимости работать в архивах («Материалы для истории Пугачевского бунта» Я. К. Грота⁴⁵, В. И. Недосекин – «Новые данные о Булавинском восстании»⁴⁶, «Три путешествия» Я. Я. Стрейса⁴⁷, Н. И. Фомин – «Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот»⁴⁸). Огромный вклад в издание документов внесли Е. И. Индова⁴⁹ и Р. В. Овчинников⁵⁰. Последний является специалистом по пугачёвщине, поэтому

⁴² Гераськин Т. В. Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст [Электронный ресурс] // Интеграция образования, 2015. Т. 19 № 1 (78). С. 141-148. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/15-1.pdf> (Дата обращения 30.04.2017).

⁴³ Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. : сб. ст. Челябинск, 1973. С. 76-95.

⁴⁴ Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева. : сб. ст. Челябинск, 1973. С. 115-130.

⁴⁵ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. СПб, 1876. 144 с.

⁴⁶ Недосекин В. И. Новые данные о Булавинском восстании [Электронный ресурс] // Советские архивы. 1967. № 3. С. 107-111. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Nov_dannye/text.htm (Дата обращения 21.02.2016).

⁴⁷ Стрейс Я. Я. Три путешествия, 1880 [Электронный ресурс] Электрон. версия печат. публ. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/strejs-yan/tri-puteshestviya> (дата обращения: 15.04.2017).

⁴⁸ Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот. М, 1836. 65 с.

⁴⁹ Индова Е. И. Проблемы крестьянской войны 1773-1775 гг. в свете новых источников / Е. И. Индова, М. Д. Курмачева, Р. В. Овчинников, С. С. Дрейзен, Е. И. Самгина // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Тез. докл. Оренбург, 1973. С.5-10.

⁵⁰ Емельян Пугачев на следствии : Сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко]. М., 1997.463 с.; Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют. // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И.

он публиковал документы именно по этому периоду. В целом, эта группа источников позволила увидеть источниковедческий аспект работы некоторых историков, сравнить источниковую базу исследователей;

3. Фольклор (песни, сказки, легенды), например, русские народные песни (сборник, составленный И. Н. Розановым⁵¹), татарские народные песни (Н. Ф. Ибрагимов⁵²), локальные предания (предания Оренбурга – Б. Ф. Любеченко⁵³). Материалы фольклора как исторический источник стали использовать советские историки, поэтому важно и в рамках данной диссертации увидеть, с каким материалом работали историки и какие подходы и методы при этом использовали.

Помимо источников привлекалась дополнительная литература. Она позволила проследить историографию вопроса, изучить концепции историков, методологические особенности исторической науки в целом и историографии в частности.

Научная новизна предпринятого автором исследования заключается в первом специальном исследовании эволюции трактовки роли крестьянских вождей XVIII – XIX вв. в отечественной историографии.

Практическая значимость. Материалы и обобщения, содержащиеся в диссертации, могут быть полезны при подготовке обобщающих исследований по отечественной историографии, для подготовки аналитических сообщений, учебных пособий и специальных курсов в ВУЗах по направлению «История России».

Апробация результатов. Выводы и материалы диссертации были апробированы в рамках XI и XII Международных научных конференций молодых ученых и студентов «Актуальные вопросы истории, международных отношений и

Пугачева. : сб. ст. Челябинск, 1973. С. 37-64; Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковед. исслед. М., 1980. 280 с.

⁵¹ Русские песни / Сост. проф. Ив. Н. Розанов. М., 1952. 404 с.

⁵² Ибрагимов Н. Ф. Татарские народные предания о пугачёвском восстании // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Тез. докл. Казань, 1974. С. 35-37.

⁵³ Любеченко Б. Ф. Оренбургские предания о крестьянской войне 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. Тез. докл. Оренбург, 1973. С. 48-51.

документоведения» в апреле 2015 и апреле 2016 годов.

Достоверность полученных выводов диссертации обеспечена широким кругом использованных историографических и документальных источников; использованием соответствующей методологии; соблюдением основных принципов исторического исследования.

Публикации по теме диссертации. К моменту окончания обучения в аспирантуре опубликованы четыре статьи по теме диссертации, три из которых размещены в журналах, рекомендованных ВАК для публикации материалов диссертаций на соискание ученых степеней:

1. **Симонова М. В.** Портрет И. И. Болотникова в российской историографии / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 394. – С. 135–142. – DOI: 10.17223/15617793/394/23. – 0,77 п.л.

2. **Симонова М. В.** Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 401. – С. 160–164. – DOI: 10.17223/15617793/401/24. – 0,49 п.л.

3. **Симонова М. В.** К. А. Булавин в отечественной историографии / М. В. Симонова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 3 (41). – С. 121–128. – DOI: 10.17223/19988613/41/17. – 0,82 п.л.

Web of Science:

Simonova M. V. Cossack leader K. A. Bulavin in Russian historiography / M. V. Simonova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-istoriya. Tomsk State University Journal of History. – 2016. – Vol. 3. – P. 121–128. – DOI: 10.17223/19988613/41/17.

Статья в сборнике материалов конференции:

4. **Симонова М. В.** Что известно о происхождении И. И. Болотникова? / М. В. Симонова // Вопросы истории, международных отношений и документоведения : сборник материалов XI Международной научной конференции. Томск, 08–10 апреля 2015 г. – Томск, 2015. – Вып. 11, т. 1. – С. 116–120. – 0,23 п.л.

1 Дореволюционная историография

Данная глава содержит пять разделов, каждый из которых характеризует взгляды историков дореволюционного периода на деятельность каждого рассматриваемого в диссертации исторического персонажа (И. И. Болотников, С. Т. Разин, К. А. Булавин, И. Ф. Некрасов, Е. И. Пугачёв). Замысел состоит в том, чтобы на основе анализа каждого из указанных персон составить общую характеристику личности крестьянского вождя XVII-XVIII вв. в трудах историков за период до 1917 года.

1.1 Иван Исаевич Болотников

В рамках классической историографии для изучения личности И. И. Болотникова в диссертации анализируются труды Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, которые наиболее полно отразили взгляды дореволюционной историографии на личность Болотникова. Историков в личности Болотникова интересовали происхождение, жизненный путь, политические взгляды, черты характера.

Необходимо отметить, что историкам-классикам при изучении темы Смутного времени пришлось столкнуться с серьёзной проблемой – малочисленностью источников. Из-за нехватки отечественных сочинений в середине XIX в. историки стали привлекать даже мемуары поляков-участников Смуты. Впервые комплексный анализ русских сказаний, повестей и хронографов о Смутном времени провёл С. Ф. Платонов. Архивы же с документами Смутного времени первыми стали изучать и публиковать поляки во второй половине XIX в. Затем события мировой истории приостановили эту работу до 60-х гг. XX в.⁵⁴

Дореволюционная дворянская и либеральная историография в личности крестьянского вождя прежде всего интересовалась его происхождением – сословным статусом. Описание происхождения И. И. Болотникова

⁵⁴ Тюменцев И. О. Дневники, мемуары и письма иностранцев о событиях смутного времени в начале XVII в.: итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс] // Средние века, № 72, 2011. С. 164-174. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17692106> (Дата обращения 1.05.2017).

М. Н. Карамзиным, С. М. Соловьёвым и Н. И. Костомаровым⁵⁵ очень схоже, что наводит на мысль об использовании одного и того же источника. Они не знают кто его родители, но пишут, что в молодости он попал в плен к татарам, затем был продан туркам, где был галерным невольником. Через некоторое время он был выкуплен немцами, либо венецианцами, после чего какое-то время жил в Венеции. Из Венеции И. И. Болотников отправился на родину через Польшу, где и познакомился с Михаилом Молчановым (который выдавал себя за спасшегося царевича Дмитрия), и был им отправлен с письмом к Григорию Шаховскому.

Историки ничего не сообщают о социальном положении И. И. Болотникова до того момента, когда он попал в плен. Можно предположить, что он мог быть служилым человеком, так как все авторы упоминают об обладании И. И. Болотниковым некоторыми военными навыками, да и само пленение могло произойти именно во время службы.

Больше историки сообщают о чертах его характера. Сметливость, дерзость и ум – основные качества, которыми характеризуют историки-классики И. И. Болотникова. С. М. Соловьёв причиной включения И. И. Болотникова в восстание называет именно эти его качества, которые привлекли инициатора бунта князя Г. П. Шаховского: «...надобно было подкрепить восстание, давши ему вождя смелого, таким явился Болотников»⁵⁶. М. Молчанов отказался играть роль Дмитрия, а это грозило спадом движения, что не было выгодно Г. П. Шаховскому.

В. О. Ключевский приводит наименее подробную характеристику руководителя восстания. Анализируя его основные качества, историк называет И. И. Болотникова «дельцом»⁵⁷. На наш взгляд, именуя И. И. Болотникова дельцом, автор характеризует его как человека предприимчивого и обладающего прозорливым умом.

Один из первых исследователей феномена Смуты – С. Ф. Платонов прямо не указывает на происхождение И. И. Болотникова, но выделяет основные причины его участия в восстании: помимо приверженности к первому самозванцу

⁵⁵ Костомаров Н. И. Смутное время в Московском государстве в начале XVII столетия. М., 1994. 800 с.

⁵⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен в 15 кн. Кн. IV. М., 1960. С. 467.

⁵⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т.3. М., 1988. С. 44.

и патриотических чувств, которые он проявляет при знакомстве с М. Молчановым, он «нёс к Москве вражду к высшим классам вообще»⁵⁸. Таким образом, автор указывает на низкое социальное положение И. И. Болотникова, иначе говоря – конфронтация между сословиями стала причиной деятельности Болотникова.

Лозунги, исходящие от И. И. Болотникова стали объектом изучения историков, так как они помогают характеризовать руководителя восстания, прояснить цель, которая заставляла Ивана Болотникова действовать. Классики сходятся на том, что лозунги И. И. Болотникова привлекали крестьян, а именно – лозунги о социальном перевороте, о возможности наживы за счёт имущих. И опять мы здесь видим сословную конфронтацию.

Н. М. Карамзин писал, что Иван Болотников «...шёл вперед и восстанавливал державу Самозванца»⁵⁹, вовлекал в восстание регионы посредством агитации, в том числе и Рязанскую землю. Агитация носила характер обещаний о лучшей жизни: вожди крестьян «...приказывали им резать дворян и людей торговых, брать их жён и достояние, обещая им *богатство и воеводство...*»⁶⁰.

Н. М. Карамзин не назвал лозунги, которые исходили от И. И. Болотникова, но прямо указал, что тот делал всё во имя Лжедмитрия. Сам И. И. Болотников величал себя «большим воеводой» царя Дмитрия. Так, после победы болотниковцев под Кромами И. И. Болотников «ругался над пленными: называл их кровопийцами, злодеями, бунтовщиками, а царя Василия *Шубником*»⁶¹. В. И. Шуйский был выборным царём, а Дмитрий был царём по наследству как помазанник божий, поэтому И. Болотников истинным царём видел именно Дмитрия.

В статусе казака предстаёт И. И. Болотников у С. М. Соловьёва. Он, в соответствие со своей концепцией казачества как антигосударственного элемента, описывает тягу казаков к грабежу: И. И. Болотников «...обратился к своим,

⁵⁸ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. Переиздание. М., 1937. С. 248.

⁵⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 т. Т.12. Калуга, 1993. С. 469.

⁶⁰ Там же. С. 471.

⁶¹ Там же. С. 469.

обещая волю, богатства и почести под знамёнами Димитрия, и под эти знамёна начали стекаться разбойники, воры, ...беглые холопы и крестьяне, казаки, ...посадские люди и стрельцы ...»⁶². Именно из-за тяги к лёгкой наживе казаки присоединялись к отрядам И. И. Болотникова, да и сам руководитель этих отрядов, исходя из работы С. М. Соловьёва, преследовал именно цель грабежа имущих. Получается, что в отличие от С. Ф. Платонова, С. М. Соловьёв усматривает основной причиной деятельности Болотникова экономическую, а не социальную.

На основе грамот, которые И. И. Болотников рассылал, находясь под Москвой, С. М. Соловьёв определяет характер восстания: бунтовщики «велят боярским холопам побить своих бояр, жён их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам ворах велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольнічество и дьячество»⁶³. Таким образом, по мнению С. М. Соловьёва, восстание имело разбойничий и грабительский характер, а его руководитель был главным бандитом.

Властолюбие как важную черту портрета И. И. Болотникова можно выявить из описания С. М. Соловьёвым событий раскола в лагере повстанцев. Историк, подобно Н. М. Карамзину, указывает на раскол в лагере повстанцев уже в то время, когда они находились у села Коломенского. Здесь, по мнению С. М. Соловьёва, обнаружился грабительский характер движения, поэтому дворяне начали выходить из лагеря И. И. Болотникова: «...увидав, с кем у них общее дело, из двух, по их мнению, зол, решились выбрать меньшее, т. е. снова служить Шуйскому»⁶⁴. Историк называет причину перехода Истомы Пашкова на сторону правительства: «...Болотников не хотел уступать ему первенство, а Пашков не хотел быть ниже холопа»⁶⁵.

⁶² Соловьёв С. М. История России с древнейших времен в 15 кн. Кн. IV. М., 1960. С. 468.

⁶³ Там же. С. 470.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 471.

Стоит отметить вывод В. О. Ключевского о том, что политических стремлений у крестьянства не было, они лишь хотели облегчить своё тяжёлое положение: «Холопы поднимались, чтобы выйти из холопства, стать вольными казаками, крестьяне – чтобы освободиться от обязательств, какие привязывали их к землевладельцам, и от крестьянского тягла, посадские люди – чтобы избавиться от посадского тягла и поступить в служилые или приказные люди»⁶⁶. Здесь можно поставить вопрос, относился ли сам И. И. Болотников к этим крестьянам (или беглым холопам), или же просто умело пользовался антагонистическими противоречиями между феодалами и крестьянами?

В. О. Ключевский разделил лозунги, исходящие от И. И. Болотникова на две части. К первой части он отнёс лозунги, благодаря которым предводитель пополнял ряды восставших: «...натравлял их против воевод, господ и всех власть имущих»⁶⁷. Ко второй части отнёс лозунги, или «прокламации», как называет их сам историк, которые распространялись по Москве. Текст этих «прокламаций» совпадает с тем текстом, который приводили С. М. Соловьёв и Н. И. Костомаров: «Велят боярским холопам побить своих бояр, жен их, вотчины и поместья им сулят, шпыням и безыменникам вора велят гостей и всех торговых людей побивать, именье их грабить, призывают их, воров, к себе, хотят им давать боярство, воеводство, окольниковство и дьячество». Таким образом, И. И. Болотников в оценке В. О. Ключевского выступает как умелый политик, использующий разные приёмы убеждения в соответствии со складывавшейся ситуацией.

В целом портрет И. И. Болотникова в дворянской и либеральной отечественной историографии противоречив: историки, обладая весьма скудной информацией, отмечают его личную воинскую смелость, популярность, вместе с тем указывают на властолюбие, на низменные корыстные цели его деятельности, подчеркивают его низкое социальное происхождение.

⁶⁶ Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. Т.3. М., 1988. С. 45.

⁶⁷ Там же. С. 44.

1.2 Степан Тимофеевич Разин

Историография разинского движения в дореволюционное время была представлена работами значительно большего числа авторов, чем писавших о И. Болотникове. Из специальных трудов стоит назвать книгу первого русского гидрографа Фёдора Ивановича Соймонова «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого», написанную им в 1723 году (напечатана она была только через сорок лет в 1763 г.), небольшую по объёму, но красочно иллюстрирующую события разинщины книгу Александра Петровича Сумарокова «Сокращенная повесть о Стеньке Разине» 1774 года, труды Н. И. Фомина «Стенька Разин» (1836 г.) и А. Н. Попова «История возмущения Стеньки Разина» (1857 г.). В трудах С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова и С. Ф. Платонова сюжет разиновщины исследуется историками в рамках истории российского государства.

Аристократ, государственный деятель петровской эпохи и периода дворцовых переворотов, остававшийся до глубокой старости приверженным своему делу – Фёдор Иванович Соймонов крайне негативно характеризует С. Т. Разина: «вор, крестоотступник, изменник»⁶⁸. Как акт богохульства описано в его книге повеление С. Т. Разина венчаться около вербы⁶⁹. Здесь же уместно сказать об упоминании о том, что Разин стрелял в церкви и отказывался соблюдать церковные обряды: в Астрахани «побитых людей он вор Стенька велел в Троицком монастыре в яму закопать без гробов, и службы погребальные над ними петь не велел...»⁷⁰. Он также устраивал надругательства над священниками, монахами и монахинями⁷¹. Ещё одно качество С. Т. Разина по Ф. И. Соймонову – это клеветничество. Это проиллюстрировано сюжетом о том, как Разин обманул жителей Царицына, сказав, что царские войска направляются в город с целью покарать жителей. Ярко описаны действия Разина по разорению купцов,

⁶⁸ Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого...СПб, 1763. С. 361.

⁶⁹ Там же. С. 364.

⁷⁰ Там же. С. 366.

⁷¹ Там же. С. 367.

государственных обозов, убийства царских начальников. Особый акцент автором сделан на том, что Разин всячески мучил своих противников, например, «а иных в воду пометал мучительно»⁷²; «мучил разным томлением и муками»⁷³. Образ Разина как клеветника дополняет информация Соймонова о том, что он распускал слухи о присутствии с ним царевича Алексея Алексеевича (умершего 17 января 1669 г.) и бывшего патриарха Никона (находившегося на тот момент в Феропонтовом монастыре на Белом озере).

Уже самые ранние описания восстания Разина содержат сведения о всенародном сочувствии этому движению. Так Ф. И. Соймонов описывает реакцию людей, получавших сведения о ведущемся противостоянии правительства и разинцев: «...где скажут Великого Государя войско солгав побили, и люди тому радовались; а как скажут, что воров Великого Государя ратные люди побили, и люди станут унылы лицом и печальны о воровской гибели»⁷⁴.

Работа А. П. Сумарокова как и труд Ф. И. Соймонова иллюстрирует государственный подход к восстанию Разина. Писатель отвергает мнение о том, что у Разина могла быть весома причина для мятежа. Он отвергает как причину месть за казнённого старшего брата, который самовольно покинул военный лагерь, за что был приговорён к смерти. А. П. Сумароков приводит следующие доводы: если Разин хотел наказать людей виновных в смерти брата, то почему он совершил грабительский поход против Персии, а только потом пошёл против русских городов. После чего автор делает вывод, что причиной бунта Разина было «злое стенькино сердце, и алчба властолюбия»⁷⁵.

С. Т. Разин открыто привлекал в свое войско «легкомысленный народ»⁷⁶, который легко поддавался на его обещания. Но военных служилых людей он вербовал скрыто: «тайно приводил стрельцов к предательству»⁷⁷. Именно

⁷² Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря... С. 366.

⁷³ Там же. С. 367.

⁷⁴ Там же. С. 373.

⁷⁵ Сумароков А. П. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб., 1774. С. 4.

⁷⁶ Там же. С. 5.

⁷⁷ Сумароков А. П. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб, 1774. С. 6.

благодаря стрельцам, ему удавалось так легко захватывать города. Сумароков тоже обращает внимание на несоблюдение церковных обрядов, грабёж не только государственного, купеческого, но и церковного имущества. Не обошёл вниманием писатель участь женщин, мужей которых убивали казаки. Некоторых из них насильно выдавали замуж за казаков, некоторые подвергались надругательствам и насилию⁷⁸. Ярko изображена жестокость Разина: «...нигде не щадил ни пола, ни возраста, лишённый совсем человечества»⁷⁹. С. Т. Разин привлёк на свою сторону не только русское население, но и мордву, чувашей и черемисов. Крайне негативная оценка автора действий разинцев отражена в комментировании им степени наказания повстанцев. Решение казнить всех захваченных в плен повстанцев в Астрахани А. П. Сумароков комментирует так: «похвальна сия строгость; ибо таковые люди помилования не достойны»⁸⁰. Выразительно описывает он и места казни, говоря о том, что это было необходимо для устрашения людей и предупреждения подобных событий в будущем.

Работа Н. И. Фомина примечательна тем, что написана в виде рассказа, героями которого стали исторические деятели, в том числе и сам С. Т. Разин. Но историк ставит себе цель – написать историю возмущения С. Т. Разина так, как это было на самом деле, а также делает акцент на том, что он опирался в ходе работы на исторические источники: «я пользовался сказаниями современников, грамотами и другими историческими актами и документами, которые только могли быть мне доступны»⁸¹. В ходе изложения событий разинского движения, автор прибегает к красочному описанию происходящего, а также использует в произведении диалоги от лица исторических персонажей. Уже само повествование начинается именно с разговора между казаками. В отличие от трудов других историков, в работе Н. И. Фомина содержится подробное описание внешности руководителя восстания: «высокорослый казак лет сорока, в цветной

⁷⁸ Сумароков А. П. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. СПб, 1774. С. 7.

⁷⁹ Там же. С. 8.

⁸⁰ Там же. С. 9.

⁸¹ Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот. М., 1836. С. 6.

рубашке; косой воротник обшит был широким позументом...на смуглом лице его являлись черты опытного воина, возросшего в боях и набегах; широкая грудь и жилистые руки показывали в нём крепость телесную; повелительный взгляд его внушал невольное к нему почтение и страх»⁸². В представленной характеристике явно можно отметить главную черту, присущую С. Т. Разину – военный опыт.

Кроме этого, у Н. И. Фомина присутствует сюжет, который не был нами обнаружен больше ни у одного из исследователей. Речь идёт о некоем пророчестве, которое было дано С. Т. Разину. В Черкасске Степан Разин встретил незнакомца с книгой царя Соломона, по которой он предсказал казакам счастье и богатство, но предупредив о неизбежности расплаты: «но это счастье после потребует от вас больших пожертвований...ваших голов»⁸³. Это сведение о пророчестве более похоже на художественный вымысел автора, чем на исторический факт.

Причиной возмущения С. Т. Разина Н. И. Фомин называет желание казаков обогатиться путём грабежа. Интерес вызывает то, что историк от лица С. Т. Разина пишет следующее: «пойдёмте-ка лучше гулять на синее море, разобьём басурманские корабли, возьмём с пленников дань богатую, и поедем после в Москву белокаменную, там накупим себе платья цветного и потом на Волгу матушку»⁸⁴. Указано, что после похода на Каспий казаки хотели пойти в Москву, но не для того, чтобы заступиться за царя от действий бояр, а чтобы торговать награбленным и приобретать европейские товары. Исходя из этой информации, можно говорить о С.Т. Разине как о купце или торговце.

А. Н. Попов является одним из главных историографов движения С. Т. Разина. Александр Николаевич подошёл к изучению этого вопроса очень скрупулёзно и помимо вышеуказанного труда издал в том же году сборник документов «Материалы для истории возмущения Стеньки Разина». А. Н. Попов, говоря о причинах восстания С. Т. Разина, ссылается на современников-иностранцев, которые полагали, что причиной к восстанию послужила участь

⁸² Фомин Н.И. Стенька Разин: историческая повесть...С. 18.

⁸³ Там же. С. 23.

⁸⁴ Там же. С. 24.

старшего брата С. Т. Разина: «Стенька мстил за смерть брата»⁸⁵. Но автор, как и А. П. Сумароков, оспаривает эти мнения современников: «нельзя думать, чтобы происшествие, оскорбившее быть может глубоко одного Разина, возбудило к нему сочувствие в массах народа и вызвало их на восстание»⁸⁶. Подобную позицию позднее займет и С. М. Соловьёв: «Не знаем, верить ли этому известию иностранцев? Ни акт правительственный, ни дума народная его не подтверждают»⁸⁷. Реальную причину восстания А. Н. Попов видит в нравах донского казачества, которые он характеризует как полудикие, предприимчивые и смелые⁸⁸. Таким образом, в 1667 году, когда на Дон к С. Т. Разину начали стекаться шайки казаков, их основной целью являлся грабёж, и, следовательно, сам С. Т. Разин преследовал эту цель.

С. М. Соловьёв в силу своей приверженности к исторической школе «государственников», действия С. Т. Разина описывает как разбойнические. Но он обозначает эти действия как безысходные. Вследствие закрытия Азовского и Чёрного морей из-за тринадцатилетней войны с Польшей казаки претерпевали нужду в содержании и пропитании. Историк показывает выход, который нашли для себя казаки: «оставался один способ: переброситься на Волгу и ею выплыть в Каспийское море, погромить тамошние бусурманские берега»⁸⁹. Самого С. Т. Разина историк характеризует как человека очень активного, которому сложно оставаться на месте: «обилие сил не давало сидеть дома и влекло в вольные казаки, на широкое раздолье в степь, или на другое широкое раздолье — море, или по крайней мере на Волгу-матушку»⁹⁰. Ведь с тем же успехом движение мог возглавить казацкий атаман Василий Ус. Но именно благодаря своей активности движение возглавил С. Т. Разин.

Н. И. Костомаров, как и С. М. Соловьёв отмечает негативное влияние войны с Польшей на настроение населения, а также на увеличение числа побегов от

⁸⁵ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М, 1857. С. 22.

⁸⁶ Там же. С. 23.

⁸⁷ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён [Электронный источник]. Т.11, Гл.5. Электрон. версия печат. публ. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/11_05.html (Дата обращения 23.10.2016).

⁸⁸ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М, 1857. С. 23.

⁸⁹ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён [Электронный источник]. Т.11, Гл.5. Электрон. версия печат. публ. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/11_05.html (Дата обращения 23.10.2016).

⁹⁰ Там же.

непосильного тягла. Разбой стал главным путём дохода: «ненависть к боярам, воеводам, приказным людям и богачам, доставлявшим выгоды казне и самим себе, приводила к тому, что жители перестали смотреть на разбойников, как на врагов своей страны, лишь бы разбойники грабили знатных и богатых, но не трогали бедняков и простых людей»⁹¹. Таким образом, число населения Дона значительно пополнилось голутвенным казачеством, то есть беднотой, у которой не было ничего в отличие от зажиточного казачества, кроме желания свободы и наживы. Среди голутвенного казачества распространилась идея: «как было бы хорошо, если бы на Руси истребить всё, что давило простой народ, и устроить казацкую вольницу»⁹². Поэтому, по мнению историка, казачество было готово к выступлению, требовался только лидер, который бы их повёл. Таким лидером и стал С. Т. Разин. Как и А. Н. Попов, Н. И. Костомаров упоминает о сюжете, связанным с казнью старшего брата С. Т. Разина князем Ю. А. Долгоруким: Разин «задумал не только отомстить за брата, но и задать страха всем боярам и знатым людям Московского государства»⁹³.

Н. И. Костомаров приводит очень красочную характеристику Разина: «Стенька Разин был человеком крепкого сложения, необыкновенно предприимчивый и деятельный, человек непреодолимой воли, которая уже одна могла заставить преклониться перед ним толпу, своенравный и непостоянный, и вместе с тем неуклонный в принятом намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то способный с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения, то некогда ходивший на богомолье в далёкий Соловецкий монастырь, то впоследствии пренебрегавший посты и не хотевший знать ни таинств, ни священников. В его речах было что-то обаятельное. Толпа чуяла в нём какую-то небывалую силу, перед которой нельзя было устоять, и назвала его колдуном»⁹⁴.

⁹¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2005. С. 560.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 561.

⁹⁴ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей...С. 561.

Н. Н. Фирсов причину разиновщины видел в том, что скопление большого числа беглых на Дону привело к голоду. Выходом из этой ситуации для казаков стал поход за «зипунами». Среди голутвенного казачества началось брожение и появился лидер – Степан Тимофеевич Разин⁹⁵. Организовав поход на Каспий, он снискал себе немалую славу среди донского казачества, поэтому легко смог в дальнейшем собрать большой отряд. Самому Разину Н. Н. Фирсов уделяет большое внимание, говоря о его крупной исторической роли. По его мнению, Разин обладал качествами, которые позволяли ему вызывать подражание толпы: «Обладатель физической мощи древнего исторического богатыря, Разин совмещал в своей психике острый, умеющий пользоваться обстоятельствами, ум с необузданным чувством и непреклонной волей. Это была натура столь же широкая, как необозримая, её породившая, русская степь. Это несомненно был один из тех самородков, которые иногда выбрасываются из таинственных недр народной жизни на поверхность и поражают наблюдателя преимущественно какою-то истинно богатырской неукротимостью воли»⁹⁶. Также Разин принял на себя роль народного батюшки, защитника всех угнетённых. По мнению Фирсова сила Разина заключалась в его обещаниях освободить население и предоставить волю. Историк обращает внимание на особое понимание добра и пользы самим Разиным. Для С. Т. Разина – это имущественное равенство, повсеместное казацкое устройство жизни: «Казацкий дуван и круг с выборным атаманом – вот идеал Разина и его вольницы»⁹⁷. Всё это вызывало симпатию бóльшей части населения к Разину. В разряд нуждающихся в освобождении Разиным был включён и царь, который не мог сам освободиться от гнёта бояр-изменников. Хотя при этом, ни Разин, ни его сторонники не отзывались лестно о царе, что отразилось в допросных речах разинцев. На основе этого, историк делает вывод, что вовлечение имени царя было необходимо Разину для легализации своего движения. Для этой же цели был распространён слух о присутствии в стане

⁹⁵ Фирсов Н. Н. Разиновщина (Из книги «Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни», 1900) // История России. От Смутного времени до царствования Николая II. II-ая часть. Париж, 1935. С. 87.

⁹⁶ Там же. С. 90.

⁹⁷ Там же. С. 92.

Разина царевича Алексея и патриарха Никона. По мнению Н. Н. Фирсова, привлечение имени Никона было серьёзной политической ошибкой С. Т. Разина, так как бывший к тому времени патриарх не пользовался популярностью и уважением среди верующего населения.

С. Ф. Платонов подошёл к изучению разиновщины с точки зрения законодательства XVII века. По его мнению, восстание Разина подготовило правительство своими действиями в области законодательства, а именно изданием «Уложения 1648 года». Крепостная масса, по словам историка, «не мирясь с прикреплением к тяглу и к помещику, стала протестовать "гилем" (т. е. беспорядками) и выходом на Дон, подготавливая там разиновщину». С. Ф. Платонов обращает внимание и на денежную реформу, проведённую боярином Ртищевым, который предложил чеканить медные деньги и выпускать их по одной цене с серебрянными. Эта мера также привела к снижению жизненного уровня большей части населения к 1665 году: «Эта неудачно окончившаяся операция тяжело отозвалась на благосостоянии народа, очень и очень многих приведя к полному разорению»⁹⁸. Таким образом, историк делает вывод о том, что восстание С. Т. Разина «явилось результатом не только неудовлетворительности экономического положения, как то было в прежних беспорядках, но и результатом недовольства всем общественным строем»⁹⁹. Начали образовываться мелкие казацкие шайки, которые впоследствии переросли в огромное войско С. Т. Разина: «скоро у этих шаек находится способный вождь, и движение, начавшееся в малых размерах, все расширяется, и из мелких разбойничьих отрядов образуется огромная шайка, которая прорывается в Каспийское море и там добывает себе "богатые зипуны"»¹⁰⁰. С. Ф. Платонов упорядочил действия Разина, разделив движение на «две стороны: казачью и земскую»¹⁰¹. К казачьей стороне относится время похода на Каспий, когда в походе участвовали только казаки, а к земской – время похода вглубь страны, когда к С. Т. Разину

⁹⁸ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2000. С. 409.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 410.

¹⁰¹ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории... С. 411.

присоединялись земские люди. При этом цели этих двух походов были различны. Поход на Каспий предполагал грабёж прибрежных территорий, в том числе Персии, чтобы получить наживу. Походы на Астрахань, Царицын, Самару сопровождались лозунгами о свержении боярского правительства, следовательно, целью этого похода была смена общественного устройства. Из работы С. Ф. Платонова следует, что развитию разиновщины способствовала не личность её вождя, а ситуация, сложившаяся в государстве.

Как же тогда сам С. Т. Разин мог подействовать на развитие движения и проявить свои личностные особенности? Волна движения строилась на власти С. Т. Разина. По мнению Н. И. Фомина, его власть основывалась на чрезмерной расточительности по отношению к тем, кто его поддерживал: «Стенька, знавший жадность казаков рассыпал награбленные им деньги и через что приобрёл всеобщее от казаков уважение и неограниченную власть»¹⁰². Автор также сообщает, что и «стрельцы были подкуплены Стенькою», который «насулил им горы золота»¹⁰³. При взятии городов, они подвергались расхищению казаками. Здесь ярким примером может послужить участь захваченной Астрахани, которую разинцы разграбили. С учётом того, что отряды Разина составляли неимущие слои населения, по-другому не могло быть. Представления о справедливости были самыми примитивными – отобрать у тех, кто богат в пользу тех, кто беден.

Степан Разин придавал движению не только экономический смысл, но и политический через лозунги, которые он провозглашал. Благодаря посулам вождя восстания, к нему стекались не только казаки, но и стрельцы, городская чернь, беглые крестьяне из центральной России. В своё войско, ещё находясь на Дону после возвращения с Каспия, С. Т. Разин принимал всех без разбора. Но уже во время похода по Волге и взятия городов он набирал войско не только из добровольцев, но и из невольников.

Многие приволжские города сдавались разинцам без боя. Это было связано со стрельцами, которые открывали городские ворота, вершили расправу над

¹⁰² Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот. М., 1836. С. 39.

¹⁰³ Там же. С. 41.

воеводами до прихода С. Т. Разина. Соответственно, Разин не являлся грозным противником на военном поприще, так как основная масса городов сдавалась именно под угрозой захвата.

С. Т. Разин во время похода по Волге посылал вперёд к городам отряды с обращениями к населению. Поэтому, чаще всего стрельцы заблаговременно знали о подходе Разина к городу и были готовы открыть ворота. Кроме этого, по городам рассылались «прелестные грамоты»: «в грамотах своих Стенька объявлял всем о пребывании при нём царевича Алексея Алексеевича и Никона патриарха, и что он шёл к Москве по их велению, для того, чтобы казнить там бояр, думных дворян, детей боярских, приказных людей, стрельцов, солдат и торговых людей за их измену, повелевая и черни тоже делать над своими господами»¹⁰⁴. Судя по этим сведениям, можно говорить о том, что Разин пытался предать своему движению в глазах простого населения легитимность, используя имена умершего царевича и бывшего патриарха.

По мнению А. Н. Попова власть Разина основывалась также и на страхе, внушаемом его действиями: «зверские поступки Разина, не встретившего почти никакого сопротивления, внушали такой страх, что в народе носилась молва, будто казакам нельзя сопротивляться «их атамана и есаула ни пищаль, ни сабля, ничто не возьмёт»¹⁰⁵. Здесь же историк говорит о том, что народные слухи приписывали С. Т. Разину сверхъестественную силу.

Сведения о неоднозначности восприятия распространяемых разинцами слухов содержатся в работе С. М. Соловьёва. После взятия Царицына «более 300 стрельцов Стенька посадил на свои суда в гребцы неволею, они слышали от казаков удивительные слова: «Вы бьётесь за изменников, а не за государя, а мы бьёмся за государя»¹⁰⁶. Сообщения Разина у Астрахани посылались не только русскому населению, но и иностранцам, которые должны были участвовать в обороне города. Сергей Михайлович пишет о том, что немец Бутлер, командир

¹⁰⁴ Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть...С. 47.

¹⁰⁵ Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. М., 1857. С. 28.

¹⁰⁶ Соловьёв С. М. История России с древнейших времён [Электронный источник]. Т.11, Гл.5. Электрон. версия печат. публ. URL: http://militera.lib.ru/common/solovyev1/11_05.html (Дата обращения 23.10.2016).

первого русского корабля «Орёл», получил грамоту от Разина на немецком языке: «Стенька уговаривал немцев побережь свою жизнь и не стоять против казаков»¹⁰⁷.

Видя и понимая, каким образом и на кого действуют рассылаемые увещания, С. Т. Разин целенаправленно собирал вокруг себя голытьбу: «люди, лишённые крова, зачастую голодные, готовые на всякий бунт и разбой, нашли в нём своего «батюшку»¹⁰⁸. Н. И. Костомаров приводит лозунги, распространяемые С. Т. Разиным, в которых всем закрепощённым обещал волю, всех желающих звал в казаки, а над боярами предполагалась расправа¹⁰⁹. Как и Н. И. Фомин, Н. И. Костомаров обратил внимание на чрезмерную расточительность Разина по отношению к астраханской черни, а также то, что он подкупал астраханских воевод: «Стенька поднёс воеводам поминки из дорогих персидских тканей, и они не перечили ему больше»¹¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод, что историки знали о С. Т. Разине значительно больше информации, чем о И. И. Болотникове, могли нарисовать его психологический портрет, но пришли к такому же мнению – смелый разбойник с низменными целями, который выделился среди себе подобных за счёт своей предприимчивости и активности.

1.3 Кондратий Афанасьевич Булавин

Для характеристики оценок личности К. А. Булавина в дореволюционной историографии использованы сочинения А. И. Ригельмана, И. И. Голикова, В. Б. Броневского, П. П. Ламбина, С. М. Соловьёва, Н. И. Костомарова, Ф. Д. Крюкова и Е. П. Савельева.

Одна из наиболее ранних работ о казачестве, где есть сведения о выступлении К. А. Булавина – «История или повествование о донских казаках»¹¹¹ А. И. Ригельмана, которая была закончена к 1778 г., но напечатана только в 1846 г. А. И. Ригельман был военным и государственным деятелем, в звании

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2005. С. 561

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же. С. 564

¹¹¹ Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. М., 1846. 161 с.

генерал-майора ушёл в отставку и занялся историческими исследованиями. По его сведениям, Булавин начал действовать после того, как к нему в руки попала грамота войсковой старшины с призывом оказывать сопротивление сыскной компании князя Ю. В. Долгорукого. Характеризуется Булавин негативно: «Сей злодей, Кондрашка Булавин, был Войска Донского казак, жительства из бывшей Трехизбянской станицы на Северном Донце»¹¹². К этой же характеристике добавлено описание разбойничьих действий Булавина и его отряда. Они уходили от границы за сто и более вёрст в Крымские степи и разрывали там курганы в поисках драгоценностей. Исследователь утверждает, что Булавин действовал по своей инициативе и войсковая старшина в этом замешана не была, как утверждал сам атаман. Хотя документальное свидетельство – «Записка князя В. В. Долгорукого о действиях карательной армии» от 19 сентября 1724 г. (Василий Владимирович Долгоруков – родной брат убитого Булавиным Юрия Долгорукого) содержит сведения о том, что Булавин действовал по прямому указу войсковой старшины: «И поменуемые козаки воровски умыслили атаман Лукиян Максимов с товарищи, отправя брата и дав ему четырех человек из старшин для бутто изволения его величества указу. И послали поменуемые воры указ на Бахмут к атаману бахмутцкому Булавиному, чтоб он, Булавин, когда брат приблизитца к Бахмуту, собрався б с казаками и брата моего убил. А их воровской умысл для того был, закрывая свое воровство, что, презрев его величества указ, как станиц многа наделали, так и многие тысячи людей беглых приняли. И умысл их воровской был такой: когда брата убьют, то тем воровство их закрыто будет»¹¹³.

Булавин, по мнению А. И. Ригельмана, выдумал грамоту от старшины Войска Донского Л. Максимова, чтобы привлечь к разбою казаков, придав, таким образом, некую легальность своим действиям. Есть в книге Ригельмана и фактологические ошибки, например, автор утверждает, что Булавин провёл зиму 1707-1708 гг. в Пристанском городке, хотя он находился в этот период в Запорожской сечи, чему есть документальные подтверждения.

¹¹² Там же. С. 86

¹¹³ Лебедев В. И. О подавлении и народного восстания 1707-1708 гг. // Исторический архив, № 4, 1955. С. 179-195.

Иван Иванович Голиков (ок. 1734—1801) дал оценку личности К. Булавина в труде «Деяния Петра Великого». Несомненным плюсом этой работы является то, что автор обработал большое число документов, некоторые из них он приводит полностью с небольшими пояснениями. По словам С. М. Соловьёва труд И. И. Голикова - «многотомный панегирик»¹¹⁴ российского царя, поэтому очевидно, что антиправительственные действия К. А. Булавина им оценены крайне негативно. Кроме этого, отсутствует объективная оценка личности вождя казацкого восстания, а также затруднительно её распознать в тексте И. И. Голикова из-за того, что он проводит обзор действий только правительства и Петра I. Характеристика К. А. Булавина, которую можно почерпнуть из «Деяний Петра Великого» однозначна - «бунтовщик», «злодей», «злой бунтовщик». При первом упоминании имени Булавина, автор именует его «Кондрашка Булавин»¹¹⁵, как было принято именовать людей низшего звания.

В. Б. Броневский в своей работе «История Донского войска»¹¹⁶ показал Булавина как пособника И. Мазепы: «Сей коварный предатель (И. Мазепа – М. С.), еще таяся, хотя не успел во всех своих предположениях, но сыскал в войске Донском подобного ему Иуду в лице Кондрата Буловина; сыскал и не ошибся в своем выборе»¹¹⁷. По словам автора, Мазепа и Булавин вели тайную переписку. Это ошибочное заключение, впоследствии будет опровергнуто документами, в которых есть сведения о распоряжении Мазепы снарядить отряд для противодействия шайкам Булавина. Требование Мазепы казакам Запорожской сечи выдать Булавина, во время его пребывания там, автор считает лишь действием для отвода глаз. Кроме этого, в этом сговоре участвовал и кошевой атаман Запорожской сечи – Гордиенко, который несколько раз посылал отписки царю по поводу указа о поимке и выдаче Булавина. Ссылаясь на грамоты Булавина, автор характеризует его как раскольника и изменника. Аргументом

¹¹⁴ Соловьёв С. М. История России с древнейших времен. Кн. 9. М., 1963. С. 542

¹¹⁵ Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенных по годам. Т. 2. М., 1837. С. 307

¹¹⁶ Броневский В. Б. История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод [Электронный ресурс]. В 2 ч. Ч.1. СПб, 1834. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.adjutant.ru/lib/bronevsky1-10.htm> (Дата обращения 23.01.2016).

¹¹⁷ Там же.

(хоть и сомнительным) в пользу тезиса о том, что Булавин был раскольников, является то, что городки, населённые старообрядцами, принимали Булавина и его отряды как своих. Данный аргумент вызывает сомнение, так как старообрядчество ещё с XVII столетия было не просто религиозным движением, но и формой социального протеста. Все недовольные правительством объявляли себя староверами или присоединялись к ним. И когда с приходом отрядов Булавина появился шанс вновь напомнить о себе, раскольники стали принимать булавинцев и вступать в их ряды. С другой стороны, здесь мог сыграть свою роль человеческий фактор – страх перед расправой казаков. Казачество являлось грозной военной организацией и неповиновение казакам могло повлечь за собой расправу, поэтому их везде встречали как героев не только староверы, но и никониане. Несмотря на негативную оценку личности и деятельности Булавина, В. Б. Броневский не оставляет без внимания достоинства атамана – «распоряжения и действия его показывают человека решительного, с духом, быть может, более дерзновенным, нежели силы и способности его то позволяли»¹¹⁸. По мысли автора Булавина можно было бы назвать Байрактаром, «если бы храбрый сей Казак защищал правое дело»¹¹⁹. В самоубийстве атамана автор увидел благородство, так как он предпочёл смерть побегу.

В 1870 г. в журнале «Русская старина» П. П. Ламбин напечатал ряд документов, посвящённых булавинскому бунту с небольшими пояснениями. Эти документы разделены на пять частей: воззвания атамана войска Донского Кондратия Булавина; письма майора кн. В. В. Долгорукого к князю А. Д. Меншикову; повинная казаков Сухаревской станицы; просьба походных юртовых донских калмыков об отпуске их из Польши в Черкасск; письмо царевича Алексея Петровича к князю Меншикову. Самым объёмным из этих блоков стал первый, содержащий воззвания К. А. Булавина. Интересно, что П. П. Ламбин сделал замечание по поводу использования историками текста воззвания К. А. Булавина к кубанским казакам: «о воззвании этом мы не нашли

¹¹⁸ Броневский В. Б. История Донского войска...

¹¹⁹ Там же.

никаких сведений ни в статье «Булавин» С. М. Соловьёва, ни в «Истории Донского войска» В. Броневского, ни в «Деяниях Петра Великого», ни в «Журнале Петра Великого»¹²⁰. При этом, автор считает, что именно этот документ объясняет события с позиций самих булавинцев. Таким образом, сам Булавин выступает как недооценённый деятель.

Впервые попытка представить события 1707–1708 гг. с позиции восставших встречается в статье С. М. Соловьёва «Булавин» («Рассказы из русской истории XVIII века»), в которой автор рассуждает о мотивах действий К. А. Булавина и его отрядов. Само восстание, по мнению С. М. Соловьёва было обычным казацким выступлением¹²¹, а К. А. Булавин назван историком «новым Разиным»¹²². Атаман возглавил отряд казаков, которые были недовольны изъятием беглых людей с Дона розыскной командой Юрия Владимировича Долгорукова. О самом К. А. Булавине историк сообщает лишь то, что он был бахмутским старшиной¹²³. Упоминает автор и о том, что Булавин имел пособников в лице войсковых старшин Черкаска, которые негласно поддерживали его действия, но при отписках царю осуждали его. Внимание привлекает описание историком действий атамана: рассылка прелестных писем; набор людей в свои отряды как добровольно, так и принудительно; разорение попутных деревень. Здесь можно говорить о том, что Булавин с поддержкой старшины войска Донского мог чувствовать себя намного увереннее и свободнее и вряд ли войсковая старшина во главе с Лукьяном Максимовым спустили бы с рук подобные действия Булавину. Историк провёл анализ событий булавинского восстания, но почти не останавливается на личности самого Булавина.

Н. И. Костомаров, как и С. М. Соловьёв, рассматривает булавинское восстание очень сжато в рамках изложения событий, происходивших тогда в России, особое внимание уделяя Северной войне. Не сообщает Костомаров о сообщничестве Булавина и Л. Максимова, а представляет их противниками.

¹²⁰ Ламбин П. П. Булавинский бунт // Русская старина. Т. II. СПб, 1870. С. 1.

¹²¹ Соловьёв С. М. Рассказы из русской истории XVIII века // Чтения и рассказы по истории России. М., 1989. С. 590.

¹²² Там же. С. 593.

¹²³ Там же.

Историка возмущает и удивляет способ воззвания Булавина: «он требовал, чтобы отовсюду половина жителей шла за веру и за царя (!) для того, что злые бояре и немцы злоумышляют»¹²⁴. В нём, по мнению Н.И. Костомарова, содержится явное противоречие с действиями атамана: во-первых, требуя восстать в поддержку царя, он убивает Ю. В. Долгорукого (представителя царской власти), во-вторых, призыв за веру и царя не соотносится с посылкой Булавиным писем турецкому султану с просьбой подданства, с учётом того что Османская империя была государством мусульманским.

Немаловажное значение имеют работы представителей из среды казачества. К ним относятся Ф. Д. Крюков, Е. П. Савельев и П. Н. Краснов.

Рукопись Ф. Д. Крюкова, созданная им в 1890-е годы, но опубликованная сравнительно недавно в 2004 г., носит художественный характер, но исторический материал проработан автором основательно: «многочисленные ссылки на труды Савельева, Сухорукова, Костомарова, Соловьёва говорят о том, насколько детально и достоверно рассмотрен Крюковым этот исторический эпизод Булавинского восстания»¹²⁵. Источники, которые использовал Ф. Д. Крюков – грамоты К. А. Булавина, материалы переписки казаков между собой и казацкие песни. Исследователи указанной рукописи (А. Г. Макаров, С. Э. Макарова) полагают, что основной причиной рассматриваемых событий был не только сыск беглых на Дону, но и личность самого казачьего атамана – К. А. Булавина, «умом и волею своею понявшего всю значимость наступившего момента для донской истории и подвигшего всю неоформленную, неготовую, туповатую казачью массу на решительный и смертельный бой за исконные казачьи права»¹²⁶. Ф. Д. Крюков, один из немногих авторов, который уделяет

¹²⁴ Костомаров Н. И. История России в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2005. С 654.

¹²⁵ Дода Л. Н. Исторические параллели Фёдора Крюкова // Ф. Д. Крюков. Булавинский бунт (1707-1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Незвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М.; СПб, 2004. С. 11.

¹²⁶ Макаров А. Г., Макарова С. Э. Незвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова // Ф. Д. Крюков. Булавинский бунт (1707-1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Незвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М.; СПб, 2004. С. 17.

внимание характеристике личностных качеств вождя восстания, называя его одним из «блистательных рыцарей»¹²⁷.

Действия К. А. Булавина Ф. Д. Крюков представляет своему читателю вынужденными из-за экспедиции князя Ю. В. Долгорукова, которая отличалась исключительными жестокостями¹²⁸. После расправы над князем и его отрядом в Шульгинском городке К. Булавина встречали по станицам с хлебом-солью, так как все этим были довольны. Ещё одна черта К. Булавина, на которой заостряет внимание автор – гуманность, бережное отношение к жизням соотечественников. Речь идёт о сюжете осады Черкаска, когда атаман решил не брать город приступом, а выждать во избежание лишнего кровопролития¹²⁹. Здесь следует знать, что Черкасск в тот период являлся столицей Войска Донского, т.е. это был укреплённый и готовый к обороне город, с большим гарнизоном из казаков. Скорее всего, Булавин просто не имел ресурсов, чтобы захватить Черкасск. В отличие от остальной массы казачества, которая требовала посылать повинную к Петру I, К. Булавин понимал, что за убийство князя Долгорукого царь применит к ним наказание в виде лишения исконных прав казачества. Такое умение анализировать складывающуюся политическую ситуацию является ещё одной чертой личности К. Булавина по описанию Ф. Д. Крюкова¹³⁰. По словам писателя, атаман подвергся обычной участи казацких вождей, которого предали при первых военных неудачах.

Время написания работы Ф. Д. Крюкова совпадает с изданием энциклопедии Брокгауза и Ефрона (1890–1907). Её редакторы и авторы статей являлись представителями официальной историографии того периода. А. Г. Макаров, С. Э. Макарова указывают на расхождение взглядов Ф. Д. Крюкова и автора статьи энциклопедии на восстание и самого его вождя¹³¹. Таким образом, работа Ф. Д. Крюкова не вписывалась в рамки официальной исторической мысли.

¹²⁷ Крюков Ф. Д. Булавинский бунт (1707-1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М.; СПб, 2004. С. 72.

¹²⁸ Там же. С. 42.

¹²⁹ Там же. С. 49.

¹³⁰ Там же. С. 54.

¹³¹ Макаров А. Г., Макарова С. Э. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова // Ф. Д. Крюков. Булавинский бунт (1707-1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М.; СПб, 2004. С. 19.

И действительно, у Крюкова Булавин представлен как человек, стремящийся отстоять исторические права всего казачества на вольницу. В статье энциклопедии «Брокгауза и Ефрона» К. А. Булавин представлен как пособник Мазепы и человек, который воспользовавшись удобным моментом (действия отрядов Ю. В. Долгорукова по сыску беглых) собрал ораву бродяг и организовал возмущение. При этом атаман войска Донского Л. Максимов изображён рьяным служителем царя и защитником царских интересов¹³².

Известный историк казачества Е. П. Савельев в 1915–1918 годы издал работу «Древняя история казачества»¹³³, которую в советский период не переиздавали. В этой работе Булавин представлен следующим образом: «Атаман Бахмутского городка Кондратий Афанасьевич Булавин, человек твёрдого характера, поборник старого казачьего права»¹³⁴. Он разорил и прогнал местных солепромышленников на Бахмуте, и завладел ими сам. За этими событиями следует описание действий князя Ю.В. Долгорукова, которого автор назвал «завнавшимся царским вельможей», получившем полную свободу действий на Дону¹³⁵. Действия Долгорукого привели к тому, что Дон восстал, и Булавин не мог не откликнуться. На общем кругу было решено убить князя. Таким образом, Е. П. Савельев представляет ещё один вариант принятия решения об убийстве Долгорукого: уже не единоличное решение Булавина или приказ войсковой старшины, а коллективное совещание с кругом. После исполнения принятого решения, Булавин начинает призывать к себе казаков. Интересно, что Е. П. Савельев не говорит о наличии связи Булавина со старшиной войска Донского. Войсковой атаман Лукьян Максимов выступает как активный борец с антигосударственными движениями и Савельев пишет о том, что Максимов даже рассылал по Дону письма для убеждения восставших в пагубности затеянного¹³⁶. События, связанные с ходом восстания, совпадают с изложением других

¹³² Вейнберг Л. Б. Булавин Кондрат [Электронный ресурс] // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/> (Дата обращения 12.01.16).

¹³³ Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. 480 с.

¹³⁴ Там же. С. 412.

¹³⁵ Там же. С. 413.

¹³⁶ Савельев Е. П. Древняя история казачества. М., 2007. С. 414.

историков, поэтому нет смысла на этом останавливаться. Гибель Булавина описана как самоубийство без каких-либо сомнений. Но есть одна любопытная деталь, о которой не упоминает больше ни один автор. Е. П. Савельев приводит легенду, по которой вместе с Булавиным в курени находилась его дочь Галя, переодетая в мужскую одежду: «видя, что отец взвёл курок, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь»¹³⁷. На основе собранного исторического материала в 1917 г. в Новочеркасске Савельевым была опубликована книга «Булавин и Некрасов. Историческая драма».

Можно заключить по итогу рассмотренных трудов официальных дореволюционных историков, что К. А. Булавин, как и другие крестьянские вожди, показан смелым простолудином, имевшим воинский опыт, который был использован со злым умыслом по отношению к власти. Самодеятельная казацкая история описывает атамана более позитивно и сочувственно.

1.4 Игнат Фёдорович Некрасов

После того как К. А. Булавин установил свою власть в Черкасске, он отправлял письма Петру I с сообщением о том, что на Дону наведён порядок, а также с требованием отозвать карательные войска. При этом, Булавин угрожал переселением казаков с Дона на территорию подвластную Турции, в случае невыполнения его требований. Сам Булавин сделать этого не сумел, так как погиб, но это удалось выполнить его ближайшему стороннику И. Ф. Некрасову. Казаки-некрасовцы – это последователи Игната Фёдоровича Некрасова (Игната Некрасы), который увёл их с Дона в 1708 г. Это было сделано Некрасовым для того, чтобы избежать расправы от рук правительственных войск под командованием Василия Владимировича Долгорукого (родной брат убитого в 1707 г. Ю.В. Долгорукого). Казаки переселись на Кубань в сентябре 1708 года.

Переселившись на Кубань, некрасовцы находились под властью турок до 1774 года, переселяясь в Румынию с 1740 г., затем - в Болгарию, Египет и

¹³⁷ Там же. С. 420.

Эфиопию. Только в начале XX века казаки-некрасовцы стали возвращаться в Россию с оз. Майнос (Малая Азия) и Дуная.

Некоторые историки XIX века характеризовали некрасовцев категорически отрицательно. Так И. И. Дмитриенко писал: «Некрасовцы – горсть людей, изменивших отечеству, сражавшихся против своих братьев в рядах врагов, так ненавидевших всех русских новой веры»¹³⁸.

О самом И. Ф. Некрасове сведений почти не сохранилось. Бóльшая часть оценок его личности является опосредованной, косвенной. Например, так пишет о Некрасове П. П. Короленко: «Этот смелый и удалый донец был настолько замечательным, по своим недюжинным способностям, что царь Пётр нашёл нужным поручить князю Долгорукому послать против Некрасова особый отряд чтобы помешать его действиям против правительства»¹³⁹. Сами казаки-некрасовцы, передавали устные сведения исследователям в XIX–XX веках, ссылались на легенды о доблестном атамане Игнате Некрасове, часто при этом преувеличивая его заслуги. Его личность с каждым веком всё более обростала легендами.

Основным источником для изучения жизни некрасовцев служат устные предания, так как никакого летописания они не практиковали. Поэтому многие исследования по изучению жизни игнат-казаков основаны на опросах самих некрасовцев.

Помимо спасения от карательных отрядов правительства, ещё одной причиной ухода на Кубань историки называют преследование староверов. Об этом сообщали исследователи XIX века, например В. Б. Броневский, который писал следующее: «Некрасов, узнавши о разбитии трёх мятежных отрядов, о гибели самого Буловина и о том, что находится между двух корпусов, не

¹³⁸ Дмитриенко И. И. К истории Некрасовцев на Кубани // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 65.

¹³⁹ Короленко П. П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 16.

находил возможности сопротивляться им, а потому согласил многих раскольников, в отряде его бывших, оставить отечество»¹⁴⁰.

Любопытнейшим ресурсом для понимания особенности личности Некрасова служат так называемые «Заветы Игната» - устав жизни казаков-некрасовцев, некий свод правил по которым они жили.

«Игнатова книга» хранилась в священном ларце в церкви на Майносе, но где эта книга находится сегодня неизвестно¹⁴¹. Некрасовцы оз. Майноса жили обособленно и от русских, и от турок, поэтому сумели сохранить свой уклад жизни без изменений. Именно майноские некрасовцы сохранили личные вещи И. Ф. Некрасова – оружие, булаву и печать¹⁴². Сохранилось и устройство жизни казацкой общины. Основу устройства жизни составляли «Заветы Игната».

Заветы Игната¹⁴³:

- чтобы церкви не закрывались в Турции;
- чтобы звон не запрещался;
- чтобы с туркам мы не соединялись;
- чтобы мы не женились на мусульманках;
- чтобы салтан против нашей воли казаков на службу не брал;
- чтобы на войне с Расеей мы в своих не стреляли, а палили через головы;
- чтоб в Расею при царизме не возвертались, царизме не покорялись; («Завет» в передаче других некрасовцев он имеет такие формы:
 - а) «Царю не покоряться, до царя в Расею не возвертаться»;
 - б) «Царю не покоряться, до царя не возвертаться»;
 - в) «Царю не покоряться, до царя в Расею не итить» и т. д. Этот «Завет» имеет более 30 вариантов);

¹⁴⁰ Бронеvский В. Б. История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод. В 2 ч. Ч.1. СПб, 1834 [Электронный ресурс] <http://www.adjudant.ru/lib/bronevsky1-10.htm> (Дата обращения 23.01.2016).

¹⁴¹ Некрасовцы [Электронный ресурс] // Казачий словарь-справочник. Электронная версия. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/encyclopedia.htm> (Дата обращения 23.01.2016).

¹⁴² Короленко П. П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 59.

¹⁴³ Шашкин С. Ф. Предание. Заветы Игната. [Электронный ресурс] 1940. Электрон. версия печат. публ. URL: http://tumilevich.ru/study.php?study_id=406005&pagenumb=1 (Дата обращения 23.01.2016).

- чтоб держались друг за дружку, без решения Круга, атамана не уходили из станицы;
- чтобы по одному никуда не отлучались от Войска;
- чтоб казак на казака не работал; чтобы каждый рукомесло имел, трудился;
- чтобы молодые почитали старших;
- чтобы отдавали третью часть от заработка в казну Войска;
- тайно помогали бедным, явно помогать должен Круг;
- казаки должны любить жен, не обижать их;
- женщина-мать, её защищает Круг;
- чтобы попох от Никона не принимали на службу;
- попа, не сполняющего «Заветы», можно убить, как еретика;
- шинкох в селении не держать; чтобы казаки лавок не держали, купцами не были.

Интересно, что П. П. Короленко приводит сведения о том, что сам Некрасов соблюдал далеко не все «заветы». Речь идёт о завете – не стрелять по своим (русским). И. Некрасов сам участвовал в походах турецкого султана в 1713 г. (против поселения Харьковской губернии) и в 1717 г. (в юго-восточные пределы России): «Сам Некрасов, предводительствуя казаками в татарских загонах, не щадил никого и своими зверскими убийствами русских людей вымещал злобу против русского правительства и русского царя за прежние гонения и поражения раскольников»¹⁴⁴. Это подтверждает тезис о том, что «Заветы Игната» складывались исторически как нормы жизни казаков общинников. Из сказанного очевидно, что И. Ф. Некрасов для официальной историографии был изменником, для казацкой истории – хранитель традиций вольности.

1.5 Емельян Иванович Пугачёв

Первым исследователем пугачёвщины стал А. С. Пушкин, который получил

¹⁴⁴ Короленко П. П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 23.

доступ к архивным материалам – делопроизводство екатерининских военачальников, расспросные речи бунтовщиков, свидетельские показания участников восстания, показания жены Пугачёва (Софьи Недюжевой), показания самого Пугачёва от 1772 г., корреспонденция императрицы и др. Но у Пушкина не было в распоряжении документов следственного дела, из которого последующие историки черпали сведения о жизни Пугачёва до 1772 г. Впервые исторический труд Александра Сергеевича был опубликован в год его написания – 1834. А. С. Пушкин дал нам уникальную возможность сравнить два образа одного и того же персонажа – исторический и художественный, которые вышли из-под пера одного человека. Если Емельян Пугачёв в «Капитанской дочке» – это романтизированный персонаж, переполненный массой качеств, которые вызывают сочувствие читателя, то совсем другое дело исторический образ Пугачёва. Сам автор «Истории Пугачёва» был убеждён, что Пугачёв являлся фигурой марионеточной в руках яицких казаков, но при этом обладал такими талантами как «некоторые военные познания и дерзость необыкновенная»¹⁴⁵. Он именуется Пушкиным «славным мятежником», обличая его расчётливый ум, жестокость, распутство, безграмотность. Здесь уже в образе героев выступают защитники Отечества, которые стремятся пресечь злодеяния пугачёвцев.

Основной массив подробностей о жизни и деятельности Е. И. Пугачёва изъят из материалов его допросов во время следствия по делу восстания. Помимо дополнительных допросов и очных ставок с участниками восстания, было три основных допроса Пугачёва в 1774 году: 1) в Яицком городке 16 сентября; 2) в Симбирске с 3 по 6 октября; 3) в Москве с 4 по 14 ноября. Материалы первых двух допросов были опубликованы в периодическом издании – «Чтения Общества истории и древностей российских» в 1858 году¹⁴⁶. Материалы последнего допроса от 4 ноября 1774 года были опубликованы в 1935 г. в журнале «Красный архив»

¹⁴⁵ Пушкин А. С. История Пугачёва. Собрание сочинений в 10 т., Т. 7. М., 1962.

¹⁴⁶ Материалы отечественные. Допросы Пугачёву [Электронный ресурс] // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. Апрель-Июнь. Книга вторая. С.1-52. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.runivers.ru/lib/book8180/461576/> (Дата обращения 18.09.2016).

С. Пионтковским¹⁴⁷. Многие историки в своих работах использовали именно этот документ для анализа личности Пугачёва, так как третий допрос оставил самый объёмный и подробный протокол. В нём содержатся следующие сведения о жизни и деятельности Е. И. Пугачёва.

Е. И. Пугачёв родился в 1742 г. на Дону в Зимовейской станице. В юности помогал отцу в обработке земли. Он не получал образования и грамоты не знал – не умел не читать, не писать. В 17 лет женился на Софье Дмитриевне Недюжевой. В этот же год был отправлен в Пруссию (период Семилетней войны). После возвращения был отправлен на Ветку (территория Речи Посполитой) для отлова беглецов и их возвращения в Россию. Участвовал в первой русско-турецкой войне, а именно сражался при осаде Бендер. В походе заболел и вернулся на Дон. На Дону содействовал побегу мужа своей сестры, из-за чего был вынужден скрываться. 9 февраля 1772 г. первый раз был арестован. После второго побега скрывался в Польше на Ветке. Там получил паспорт как выходец с территории Польши и вернулся в Россию, на Терек. Далее деятельность Пугачёва связана с событиями на Яике. Он узнаёт о восстании яицких казаков и об их готовности поддержать антиправительственное движение.

Так как эти сведения совпадают по своему содержанию в работах бóльшей части исследователей, то не стоит к ним возвращаться, а целесообразно более подробно остановиться на расхождениях в оценках и интерпретациях действий Е. И. Пугачёва во время восстания.

Важность и значительность событий 1773–1774 гг. для судьбы России были очевидными, поэтому уже в честь столетия восстания издавались научные работы. Одной из них стала книга «Казань 12 июля 1774 года» П. П. Васильева¹⁴⁸. Издание книги приурочено к столетию со дня нашествия Пугачёва на Казань (12 июля 1774 года). В этой работе Пугачёв и его армия представлены как шайка разорителей города. Никаких конкретных характеристик личности вождя

¹⁴⁷ Допрос Е. И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. [Электронный ресурс] — «Красный архив», 1935, т. 2–3 (стр. 159–237). (часть 1, часть 2) [Предисл. С. Пионтковского](http://annales.info/sbo/contens/ka.htm#35_2). Электрон. версия печат. публ. URL: http://annales.info/sbo/contens/ka.htm#35_2 (Дата обращения 11.09.2016).

¹⁴⁸ Васильев П. П. Казань 12 июля 1774 года: [К столетию восстания Пугачева]. Казань., 1874. 8 с.

восстания не приведено. Сама работа совсем небольшая по объёму – пять страниц текста и носит обзорный характер.

Первым исследователем, кто смог увидеть архивные материалы пугачёвского дела стал Яков Карлович Грот. Исследователь не занимался специально изучением восстания Пугачёва, он работал над изданием сочинений Державина и составлением его биографии. Но впоследствии, им были опубликованы материалы, относящиеся к пугачёвщине, которые он смог изучить в архивах¹⁴⁹.

Николай Фёдорович Дубровин – первым был допущен к работе с материалами следственного дела над Е. И. Пугачёвым. Дубровин являлся государственным, поэтому в работе прослеживается негативная оценка деятельности вождя восстания. Кроме этого, его работа насыщена сносками на источники¹⁵⁰, за счёт чего, она остаётся до сих пор одной из подробнейших работ по истории восстания Пугачёва.

Крупный исследователь событий пугачёвского бунта дореволюционного периода – Александр Ипполитович Дмитриев-Мамонов. Его книга «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири» впервые была издана в 1895 году. В ней огромными кусками текста приводятся отрывки документов или документы целиком. Но комментариев к этим текстам маловато, оценок событий почти нет. Повествование идёт от лица правительственной стороны. Есть показания перебежчиков из лагеря Пугачёва – Ивана Белоносова и сотника Сутормина, в которых содержатся сведения о внешности Пугачёва, но особое внимание уделено злодейским действиям вождя восстания. Это и понятно, раз изложение даётся по материалам и от лица правительства: «Пугачёв роста среднего, волосы и борода чёрные, под правым глазом рубец, лицом бел, немного сухощав, платье на нём казацкое, шаровары малинового бархату, мерлушка чёрная, рубашка белая косой ворот, волосы обриты под кружало и немножко сверху спущены<...> Многие из

¹⁴⁹ Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева. СПб, 1876. 144 с.

¹⁵⁰ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773-1774 гг.: По неизд. источникам. Т. 1-3. СПб, 1884. 3 т.

Яицких казаков хотят тоже бежать от него, но опасаются напрасной смерти, потому что злодей вешает за самомалейшие вины»¹⁵¹.

Автор приводит показания крестьянина Усть-Суэрской слободы Петра Шалобанова, который утверждал, будто «Пётр Фёдорович» получил благословение на царство от папы римского¹⁵². Ещё один человек – ссыльный колодник, содержащийся в Омской тюрьме, Василий Морозов утверждал, что после воцарения Екатерины II царь Пётр Фёдорович укрывался у папы римского¹⁵³. В этих показаниях отражаются необоснованные попытки найти след пугачёвщины за границей.

В целом, работы дореволюционного периода по истории пугачёвщины являются описательными, которые иллюстрируют ход событий восстания. Оценок вождя восстания немного, но если они и встречаются, то являются негативными. Это подтверждают материалы книги П. Е. Мельгуновой «Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век».

В книге целый раздел посвящён восстанию Пугачёва. В этот раздел входят материалы переписки о происходящих событиях Екатерины II, графа П. И. Панина, С. Долгорукого; сведения о том, как проходило восстание в Тамбовском крае; отрывки из воспоминаний А. Т. Болотова о взятии и казни Пугачёва. Все материалы отражают определённое настроение в обществе по отношению к Е. И. Пугачёву. Показательно сообщение А. Т. Болотова о казни Пугачёва. Это было зрелище, увидеть которое было много желающих. Сам автор смог увидеть казнь Е. Пугачёва только благодаря своему знакомому офицеру Обухову, который провёл его к местам с лучшим обзором. Оценка события видна в следующем отрывке: «...можно было происшествие и зрелище тогдашнее почесть и назвать истинным торжеством дворян над сим общим их врагом и злодеем»¹⁵⁴. Описание внешнего вида самого Пугачёва показывает разочарование

¹⁵¹ Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири. М., 2013. С. 36

¹⁵² Там же. С. 156

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Мельгунова П. Е. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век: Сб. отрывков из зап., воспоминаний и писем сост. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковым и Н. П. Сидоровым. Ч. 1-2. М., 1914-1923. 4 т. С. 225.

автора, расхождение образа вождя, который распространялся, с действительностью: «Вид и образ показался мне совсем несоответствующим таким деяниям, какие производил сей изверг. Он походил не столько на лютого разбойника, как на какого-либо маркитантишка или харчевника плюгавого. Бородка небольшая, волосы всклоченные и весь вид ничего незначущий и столь мало похожий на покойного императора Петра Третьего...»¹⁵⁵. Здесь же приведены свидетельства ещё одного очевидца - И. И. Дмитриева, которому в 1775 г. было четырнадцать лет. В них содержится отражение того впечатления, которое Пугачёв производил во время восстания: «Оренбургской губернии в казацком городке Яике, прозванном потом Уральским появился донской казак прозвищем Пугачёв, под именем бывшего императора Петра Третьего. Он собрал нарочитое войско из тамошних казаков, всякой сволочи и распространил ужас по всему краю»¹⁵⁶. Внешнее описание схоже с тем, которое давал А. Т. Болотов: «Я не заметил в лице его ничего свирепого. На взгляд он был сорока лет; роста среднего, лицом смугл и бледен; глаза его сверкали; нос имел кругловатый, волосы, помнится, чёрные и небольшую бородку клином»¹⁵⁷.

Таким образом, виден общий образ крестьянского вождя, который сложился в дореволюционной историографии. Во-первых, всем лидерам крестьянских восстаний были присущи такие качества как активность и энергичность, за счёт которых, они оказывались руководителями движений. Также, они все были умны, что проявилось в учёте пёстрого социального состава своих армий и в целенаправленной деятельности по сбору этих армий. Во-вторых, абсолютно все, привлекая на свою сторону население, обещали даровать волю и различные привилегии. В-третьих, активно использовались имена царской фамилии для доказательства своей правоты и легальности своих действий. В-четвёртых, оценки предводителей в классической историографии в бóльшей своей массе негативные и направлены на защиту правительственных действий. Альтернативная точка

¹⁵⁵ Мельгунова П. Е. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век: Сб. отрывков из зап., воспоминаний и писем сост. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковым и Н. П. Сидоровым. Ч. 1-2. М., 1914-1923. 4 т. С. 226

¹⁵⁶ Там же. С. 228

¹⁵⁷ Там же. С. 230

зрения проявлялась только в самостоятельной казачьей истории.

2 Советская историография

В данной главе анализируется изменение оценок в изучении личностей крестьянских вождей. Эти изменения были спровоцированы двумя главными причинами. Во-первых, произошла смена исторических эпох – от царского правительства к советскому, что повлекло за собой пересмотр многих принципиальных вопросов, например, о движущих силах в истории, о роли личности в истории и др. Во-вторых, изменения были связаны с особенностью правящих субъектов, находившихся у власти в советский период, в связи с чем, сама историческая наука меняла свой статус, а соответственно и менялись позиции историков.

2.1 Советские историки об Иване Исаевиче Болотникове

Для того, чтобы представить личность И. И. Болотникова в советской историографии были использованы труды самых ярких специалистов по истории общественного движения в XVII–XVIII веках – М. Н. Покровского, И. И. Смирнова, В. И. Корецкого, Р. Г. Скрынникова, А. А. Зимина, В. И. Буганова.

После Великой Октябрьской революции 1917 года в исторической науке произошли кардинальные изменения. Исследователи должны были работать в рамках другого идеологического режима, это подтверждает такой феномен как открытие в 1921 году Института красной профессуры. В этой связи сложилась школа М. Н. Покровского, которого часто называют «отцом» советской исторической школы. Михаилу Николаевичу Покровскому принадлежит статья «Задачи общества историков-марксистов» в первом томе журнала «Историк-марксист» за 1926 год (нынешний журнал «Вопросы истории»), которая стала неким определяющим тематическим и методологическим направлением для историков-исследователей.

Одной из более ранних советских работ по теме является труд Ю. В. Готье «Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII

столетия»¹⁵⁸, который был впервые опубликован в 1921 г. По своему характеру работу Ю. В. Готье скорее можно отнести к переходному периоду, чем к советскому, так как Смута в ней еще не представлена в свете теории классовой борьбы как движущей силы истории. В 1920-е гг. марксистская историография только начинала формироваться. Восстание Болотникова представлено как социальный протест, а его руководитель – как способный выразитель требований народных масс. Автор активно оперирует понятиями «народ», «культура», «цивилизация» и «отечество». В этой связи наблюдается преемственность суждений историков-классиков. Подчинение автора складывающемуся режиму проявилось в популяризаторском характере работы Ю. В. Готье, который являлся специалистом в области социально-экономической истории XVII в.

После 1917 года историкам было предписано заниматься поиском истоков прошедшей революции, поэтому изучение антиправительственных движений в России как результата классовых противоречий стало одной из главных тем исторических исследований. Наиболее яркий представитель марксистского направления в отечественной историографии темы – Михаил Николаевич Покровский, создатель красной профессуры, видный деятель в 1920–30-е гг. Его оценка И. И. Болотникова поэтому очень важна. Так, М. Н. Покровский представлял Лжедмитрия как защитника крестьян и всех угнетённых, поэтому причиной восстания И. И. Болотникова выступила гибель «названного» Дмитрия: «Как только те войска, которые Димитрий собрал на южной окраине, узнали о его гибели, они восстали против нового правительства, как один человек»¹⁵⁹. Противоречия в лагере повстанцев между аристократами и крестьянами М. Н. Покровский назвал классовыми¹⁶⁰. Предводитель восстания И. И. Болотников характеризуется автором в самом выгодном свете: «Человек смелый, предприимчивый, звал всё крестьянство свергнуть гнёт»¹⁶¹. Таким

¹⁵⁸ Готье Ю. В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 2010. 188 с. (репринт. изд. 1921 г.).

¹⁵⁹ Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке в 3 ч. ч. 1-2. М., 1934. С. 50

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

образом, М. Н. Покровский без тени сомнения отнёс И. И. Болотникова к крестьянским вождям, проявив классовый подход в освещении темы восстания.

Более основательно вопросы крестьянских движений стали изучаться в 50-е гг. XX в. В 1951 году вышел фундаментальный труд Ивана Ивановича Смирнова посвящённый восстанию под руководством И. И. Болотникова – «Восстание Болотникова 1606–1607». Само восстание И. И. Смирнов определил как «крестьянское восстание против феодального гнёта»¹⁶². В вопросе о происхождении предводителя восстания прослеживается преемственность с историками-классиками – Н. М. Карамзиным, С. М. Соловьёвым и Н. И. Костомаровым.

В период хрущёвской «оттепели» прослеживается относительная либерализация во всех сферах жизни общества, в частности и в исторической науке. В 1953 году в журнале «Вопросы истории» (№ 6) вышла статья редакционной коллегии «О некоторых важнейших задачах советских историков». В ней содержался призыв к развёртыванию научных дискуссий по ключевым проблемам отечественной истории.

В 1958 году на страницах журнала «Вопросы истории» развернулась полемика о крестьянской войне в России начала XVII века. Основными вопросами дискуссии стали определение и признаки крестьянской войны, хронология восстания и его движущие силы. В дискуссии приняли участие специалисты данной тематики А. А. Зимин¹⁶³, И. И. Смирнов¹⁶⁴, В. И. Корецкий¹⁶⁵.

В ходе дискуссии был актуализирован вопрос о недостатке источников по вопросу восстания под предводительством И. И. Болотникова. В 1971 году В. И. Корецкий в статье «Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова (вступительная статья)», опубликованной в журнале «Вопросы истории», обращается к материалам развернувшейся дискуссии. Историк

¹⁶² Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606-1607 [Электронный ресурс]. Л., 1951. С. 6. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «twirpx.com».

¹⁶³ Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории, 1958. № 3. С. 97-113.

¹⁶⁴ Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории, 1958. № 12. С. 116-131.

¹⁶⁵ Корецкий В. И. Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории, 1959. № 3. С. 118-137.

обнаружил новую летопись, которая охватывает период с 1598 года по 1632 год. По словам В. И. Корецкого, автор летописи крайне негативно оценивает восставших, а «информаторы составителя летописи – служилые люди северо-западных уездов»¹⁶⁶. Летопись вводит уточнения в картину сражения болотниковцев с правительственной армией под Кромами, в ней сообщается, что победа в этом сражении была одержана благодаря И. И. Болотникову: «Честь победы над царскими войсками в сражении под Кромами, открывшей дорогу на Москву, действительно принадлежит И. И. Болотникову»¹⁶⁷. Несмотря на негативный отзыв автора летописи об И. И. Болотникове, выделяется такая черта руководителя восстания как владение им военным искусством на высоком уровне.

В обнаруженной В. И. Корецким летописи присутствует и краткая характеристика самого И. И. Болотникова: «Всему злу вор и захватчик и всех злых дел начальник»¹⁶⁸. Такая характеристика предводителя восстания подтверждает негативное отношение автора к повстанцам, что объясняется историками советского периода классовой борьбой.

1974 год ознаменовал выход сборника статей «Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения», в котором ряд статей был посвящён восстанию И. И. Болотникова. Исследователи рассматривают новые аспекты движения, углубляют или проясняют известные, такие как связь болотниковцев с польским населением, требования повстанцев, личность И. И. Болотникова и формирование его как вождя восстания, заключительный этап восстания и место крестьянских войн в истории. Ниже будут подробнее рассмотрены некоторые статьи этого сборника.

В. И. Корецким было предпринято исследование по определению социального статуса И. И. Болотникова. Историк пришёл к выводу, что предводитель восстания был не просто боевым холопом князя А. А. Телятевского, а являлся выходцем из среды тульских детей боярских. В. И. Корецкий

¹⁶⁶ Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории, 1971. № 5. С. 137.

¹⁶⁷ Там же. С. 136.

¹⁶⁸ Там же.

сопоставил расположение земель князя А. А. Телятевского и детей боярских Болотниковых¹⁶⁹. Впоследствии это суждение будет принято и другими историками. В работе 1975 года, историк написал о важной роли И. И. Болотникова в истории Русской смуты, а именно, о том, что И. И. Болотников «способствовал усилению антифеодальных настроений и оформлению их в конечном счёте в программные требования»¹⁷⁰. В этой связи нельзя не возразить, так как тезис о значительной роли Болотникова в антифеодальной борьбе является спорным. Болотников изначально выступал за имя воскресшего царя Дмитрия и его лозунги это отражали. Лишь позднее в его «прелестных письмах» появляется призывы к истреблению и грабежу феодалов. Нужно помнить и о том, что на стороне Болотникова до декабря 1606 г. выступали дворяне, а они даже и не думали выдвигать антифеодальных лозунгов. Позднее, в 1975 г., сам В. И. Корецкий выделил различия требований И. Пашкова и И. И. Болотникова: «И. Пашков требовал выдачи прежде всего царя и двух его братьев»¹⁷¹, а в письмах И. И. Болотникова «о которых говорится в «Английском донесении», речь шла о «разных боярах», указанных поимённо, то есть по существу о выдаче всей правящей верхушки»¹⁷². В. И. Корецкий также проследил процесс смены лозунгов руководителя восстания. По его мнению, обращения к холопам и городским низам стали определяющими «лишь тогда, когда иллюзии о возможности вступления в Москву путём переговоров оказались рассеянными и на очередь стала задача военного овладения столицей»¹⁷³. Таким образом, историк показывает И. И. Болотникова как блестящего руководителя, который не просто использует свои военно-полководческие способности для достижения определённой цели, но и применяет стратегические манёвры и хитрость. Позднее Р. Г. Скрынников в 1988 г. подверг критике суждения В. И. Корецкого о социальной принадлежности И. И. Болотникова: «Вопреки гипотезе

¹⁶⁹ Корецкий В. И. О формировании И. И. Болотникова как вождя крестьянского восстания // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 122-147.

¹⁷⁰ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 263.

¹⁷¹ Там же. С. 304

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же. С. 307.

В. И. Корецкого, никаких сведений о пожаловании поместий Болотниковым в источниках нет»¹⁷⁴. По мнению историка, И. И. Болотников вышел из среды боевых холопов.

Кроме этого, в противовес В. И. Корецкому, Р. Г. Скрынников отстаивал мнение, что «противостояние «программ» Болотникова и Пашкова не находит опоры в источниках»¹⁷⁵. Руслан Григорьевич исходит из того, что прокламации составлялись в Коломенском и рассылались по столице тогда, когда «коломенский лагерь возглавляли Болотников, Пашков и Беззубцев...все трое несли равную ответственность за «прелестные грамоты»¹⁷⁶. На этом основании Р. Г. Скрынников предположил, что грамоты адресовались не только холопам, а всему московскому населению.

В этом же сборнике Александр Александрович Зимин осветил последний этап восстания – тульский, важный для характеристики личности И. И. Болотникова. Историк использовал две группы источников по данному вопросу: отечественные памятники и сказания иностранцев. Точка зрения автора состоит в том, что И. И. Болотников и Лжепётр не присягали В. И. Шуйскому после сдачи Тулы, а были выданы тулянами царю: русские источники, кроме расспросных речей Петра, «Сказание Авраамия Палицына» и «Иное Сказание», «прямо и недвусмысленно говорят о том, что «царевич Пётр» и Болотников были выданы тульскими изменниками»¹⁷⁷. А. А. Зимин изучил и неизвестные до того документы, в которых подтверждалось суждение о выдаче тульскими сидельцами И. И. Болотникова и Лжепетра: «Казанское сказание», «Пискаревский летописец», обнаруженный В.И. Корецким летописец 10-х годов XVII в. и «Бельской летописец». Историк не отрицает самого факта переговоров, но он задаётся вопросом, с кем именно они велись и кому царь дал клятву не казнить защитников Тулы: «Как вариант адресатов: Пётр, Болотников, повстанцы в

¹⁷⁴ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 157

¹⁷⁵ Там же. С. 134.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Зимин А. А. И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 54.

целом»¹⁷⁸. По утверждениям иностранцев К. Буссова и Геркмана, переговоры вели именно Пётр и И. И. Болотников. Но сам историк сомневается в этом и рассуждает следующим образом: «Если бы Болотников заключил какой-то договор с Шуйским, то скорее можно было бы ожидать, что царь Василий использует этого выдающегося военачальника в борьбе с не затихшим ещё шквалом народного восстания»¹⁷⁹.

Таким образом, А. А. Зимин обосновывает своё суждение о принудительной выдаче тулянами И. И. Болотникова и Лжепетра, и высказывает мнение, что версию об их добровольной сдаче распространяло само правительство с целью прекращения выступлений в других частях страны, но «И. И. Болотников до самой своей гибели оставался *бескомпромиссным борцом с крепостническим правительством Василия Шуйского*»¹⁸⁰.

В 1975 г. была опубликована монография В. И. Корецкого «Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России». В. И. Корецкий поставил себе задачу изучить то, как проходил раздел владений, отнятых у господ болотниковцами. Разрешение этой задачи привело его к выводу, что не только господские земли подлежали изъятию: «Есть основания думать, что поместная перестановка во время восстания Болотникова не ограничивалась кругом служилых людей, а захватывала и крестьян, и холопов»¹⁸¹. Кроме этого, историк говорит о главенстве И. И. Болотникова над остальными руководителями движения: «Осуществлял верховную власть на территории, занятой его войсками, без оглядки на Путивль»¹⁸². Это мнение исследователя подтверждает ранее сделанный вывод о властолюбии И. И. Болотникова. Здесь же видим противоречивость поступков И. И. Болотникова, которая заключается в том, что сначала Иван Болотников в своих лозунгах призывает громить поместья феодалов

¹⁷⁸ Зимин А. А. И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г.... С. 59.

¹⁷⁹ Там же. С. 62.

¹⁸⁰ Там же. С. 64.

¹⁸¹ Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 274.

¹⁸² Там же. С. 280.

и перераспределять их имущество среди обездоленных и обделенных крестьян, но эти погромы, как выясняется, не обходили и самих крестьянских владений.

Один из исследователей советского периода К. В. Чистов впервые стал изучать мировоззренческие представления народа и то, как они отражались на народных восстаниях. В 1967 г. в свет вышла его книга «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.». Связь между народными волнениями и социально-утопическими легендами проявляется, по его мнению, в том, что «социально-утопические идеи, настроения, движения возникают особенно активно и играют наиболее значительную роль в периоды кризисов общественных систем, на сломе исторических формаций»¹⁸³. А восстание болотниковцев относится к кризису, который проявился в становлении крепостного права в России. К. В. Чистов составил типологию социально-исторических легенд: 1) о «золотом веке»; 2) о «далёких землях»; 3) об «избавителях»¹⁸⁴.

Автор сосредоточил своё внимание на изучении легенд об «избавителях». Эти легенды возникали на почве движений или параллельно с ними, они «были своеобразной формой идеологии, поэтическими лозунгами, которые объединяли участников этих движений и за которые их преследовали официальные власти»¹⁸⁵. В этой связи К. В. Чистов рассматривает легенду о «возвращающемся царевиче-избавителе» Дмитрии. На легенду о Дмитрии повлияло то, что он являлся сыном Ивана IV, поэтому народ смотрел на него как на продолжателя дела Ивана Васильевича Грозного, который представлялся народным массам надклассовой силой.

Автор составил сюжетную схему, которая лежит в основе легенд о «возвращающихся царях-избавителях» (см. прил. А). Таким образом, есть определённый минимум представлений, без которых не может возникнуть

¹⁸³ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 14.

¹⁸⁴ Там же. С. 15.

¹⁸⁵ Там же. С. 26.

легенда о «возвращающемся царе-избавителе»: «избавитель спасён (С), он скрывается (D) и должен явиться (G) для того, чтобы освободить крестьян (К)»¹⁸⁶.

Легенда о Дмитрие изначально формировалась как антигодуновская. Окончательному формированию легенды способствовал голод 1601–1603 гг. Это были те необходимые условия для её формирования, при которых народ был доведён до отчаяния. Именно поэтому, по мысли Кирилла Васильевича Чистова, Лжедмитрия I поддерживали широкие слои населения. С 1604 года легенда стала распространяться: «В сознании народа возникла и стала играть значительную роль притягательная фигура «природного» царевича, который хотел народу добра, но был отстранён Годуновым от царства»¹⁸⁷. Со временем легенда о Дмитрие претерпевает изменения, это связано с убийством первого самозванца. После мая 1606 г. легенда из антигодуновской становится антибоярской. С мая 1606 г. по июль 1607 г. легенда достигла наивысшего развития и популярности, то есть в период восстания И. И. Болотникова.

К. В. Чистов отметил важный факт, относящийся к определению состава повстанцев. Во время восстания в рядах повстанцев не было нерусских народностей.

Автор пришёл к выводу о двойственном влиянии легенды о Дмитрии на восстание И. И. Болотникова: 1) «объединяла народные массы, санкционировала их борьбу с правительством изменников-бояр»¹⁸⁸; 2) ослабляла восставших из-за утопичности иллюзий, которые не могли быть реализованы. Работа Чистова создаёт фон тем голым фактам, которые до этого изучались. Теперь можно представить какие мотивы использовал Болотников для пополнения армии и почему они именно так, а не иначе, воспринимались населением. Надо отметить, что К. В. Чистов явился одним из первых исследователей, который занимался изучением складывания устойчивых образов в сознании той или иной эпохи. Сегодня это направление именуется имагологией. Одним из её разделов является потестарная имагология, которая изучает образ власти.

¹⁸⁶ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. М., 1967. С. 32.

¹⁸⁷ Там же. С. 46.

¹⁸⁸ Там же. С. 58.

Далее обратимся к двум работам В. И. Буганова за 1976 год – «Крестьянская война в России начала XVII века» и «Крестьянские войны в России XVII-XVIII вв.». Историк полагает, что будущий предводитель восстания в Россию пришёл не один, а «во главе большого военного отряда, с которым вместе, вероятно, вёл борьбу против турок во время пребывания в Венгрии»¹⁸⁹. В таком случае, И. И. Болотников уже имел опору в виде военного отряда, который был ему верен. В свою очередь, Р. Г. Скрынников отрицает наличие войска, которое мог привести с собой И. И. Болотников: «Болотников был пленником, пробиравшимся с чужбины, и никаких воинских сил при нём не было»¹⁹⁰. Противоречие мнений В. И. Буганова и Р. Г. Скрынникова заключается в том, что они использовали разные источники. В. И. Буганов пользовался сведениями И. Массы, который пишет о войске, пришедшем с И. И. Болотниковым, а Р. Г. Скрынников использовал сведения К. Буссова, в которых о возможном войске Болотникова нет информации.

В. И. Буганов выявил характеристики, которые давали вождю восстания источники разного происхождения. В современных восстанию русских и иностранных материалах И. И. Болотникова называют «начальником», «воеводой» восставших, «главным атаманом», но подчёркивается зависимость его от Лжедмитрия и Лжепетра – «гетман царя Димитрия», «боярин царевича Петра». Русские правительственные документы именуют И. И. Болотникова «вором». Некоторые современники-иностранцы называли его «отважным витязем», «отважным удалцом»¹⁹¹. Как видим, в характеристике вождя восстания отражены разные цели и задачи тех людей, которые сообщали о нём. Неудивительно, что правительство характеризовало его негативно, а те люди, которые боролись против правительства, давали самые лестные оценки И. И. Болотникову. Сам В. И. Буганов, видимо, симпатизирует личности И. И. Болотникова и его действиям. Это отражается в употреблении оценок,

¹⁸⁹ Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII- XVIII вв. М., 1976. С. 30.

¹⁹⁰ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 76.

¹⁹¹ Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII- XVIII вв. М., 1976. С. 30.

относящихся к И. И. Болотникову: «блестящая победа», «замечательная победа» и «герои осады Калуги и Тулы».

В противовес А. А. Зимину Р. Г. Скрынников считал, что «именно вольное казачество, постоянно пополнявшееся за счёт беглых холопов и крепостных крестьян, стало одной из главных сил повстанческого движения начала XVII в.»¹⁹² Поэтому историк уделил большое внимание казачеству и склонялся к тому, что сам И. И. Болотников был выходцем из этой среды. Казаки привлекались правительством для охраны южных границ, предоставляя им земельное обеспечение: «Казаки владели землёй на тех же условиях обязательной службы, что и дети боярские»¹⁹³. Количество казаков при охране Засечной черты в 1557 г. примерно в два раза превышало количество остальных служилых людей.

Интересны замечания Р. Г. Скрынникова по поводу рассуждений И. И. Болотникова во время обороны Калуги. По свидетельству современника восстания К. Буссова, вождь восстания неоднократно посылал в Путивль просьбы о подмоге к царю Дмитрию, «а затем, убедившись в бесполезности этих попыток, направил письмо в Самбор, предлагая, чтобы кто-нибудь из близких Юрия Мнишека выдал себя за «Дмитрия» и поспешил в Россию, чтобы вызволить своих сторонников»¹⁹⁴. Если верить этим сведениям, получается, что И. И. Болотников был осведомлён о подложности Дмитрия. Тогда утверждения других историков об уверенности И. И. Болотникова в истинности Дмитрия несостоятельны.

В итоге, можно говорить, что противоречий советских историков в оценке И. И. Болотникова не убавилось по сравнению с дворянской историографией, а наоборот, спорных вопросов стало больше: был ли он боевым холопом, принадлежал к разорившимся детям боярским или был казаком; знал ли об афере Лжедмитрия; один он пришёл или с армией. Но в целом, можно говорить о позитивной оценке, так как классовый подход этого требовал от историков.

¹⁹² Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988. С. 250

¹⁹³ Там же. С. 21.

¹⁹⁴ Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 192.

2.2 Степан Тимофеевич Разин в советской историографии

По меткому выражению современной исследовательницы З. С. Антипиной образ С. Т. Разина после революции вошёл в «государственный пантеон»¹⁹⁵ народных персонажей. Его образ самым активнейшим образом использовался в художественных произведениях (стихотворения М. Волошина «Стенькин суд» и «Стенька Разин» М. Цветаевой (1917 г.), В. Хлебников – «Уструг Разина» (1922), В. Гиляровский – поэма «Стенька Разин» (1922), А. Чапыгин – роман «Разин Степан» (1927)) до и после революции 1917 г. Но его исторический образ начнут переосмысливать немного позднее. Одно из самых известных художественных изображений Разина было написано В. И. Суриковым до революции – в 1906 г.¹⁹⁶, на основе работ таких историков как С. М. Соловьёв и Н. И. Костомаров.

Во время действия достаточно жёсткого для исторической науки сталинского режима, в августе 1945 г. главой Агитпропа Г. Ф. Александровым была произнесена публичная речь на тему состояния общественных наук в СССР. Он обозначил русоцентричную доктрину истории, а также, огласил необходимость уточнить официальную позицию по отношению к бунтовщикам – Разину и Пугачёву¹⁹⁷. Именно после войны, Разин и Пугачёв стали орудием пропаганды, поэтому здесь уже можно говорить о заведомо несоответствующем действительности образе народного вождя, которые создавался советскими историками. Фактически в этот момент личности Разина и Пугачёва были подвергнуты стилизации, в результате чего они стали изображаться историками как народные герои и защитники интересов простого крестьянства, хотя по сути таковыми они не являлись.

Послесталинский период ознаменовала «оттепель» Хрущёва, поэтому у исследователей появилась возможность расширить источниковую базу своих исследований не только за счёт открытия архивов, но и за счёт фольклора.

¹⁹⁵ Антипина З. С. Тема народной вольницы в творчестве В. В. Каменского // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2012. № 2. С. 139-146.

¹⁹⁶ Маджаров А. С. «Русская история» В. И. Сурикова и отечественная историография второй половины XIX в. (к 165-летию со дня рождения художника) // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия: История. 2013. № 2. С. 87-105.

¹⁹⁷ Бранденберг Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931-1956), Лондон, 2002.

Официальная историография даёт представление о крестьянском вожде лишь в рамках действительности, по крайней мере, пытается это делать. Но в среде простого народа, крестьянские вожди характеризовались совсем по-другому. Фольклор отражает представления простонародья о целях вождей восстаний, трактует их действия. Именно поэтому исследователи собирали различные народные предания о С. Т. Разине, К. А. Булавине, Е. И. Пугачёве и др. Особое внимание фиксации фольклора и анализу художественных произведений стали уделять именно в советский период.

Более всего среди крестьянских вождей народное творчество привлекали Разин и Пугачёв. В 1952 году профессором И. Н. Розановым был составлен песенный сборник «Русские песни», в который вошли произведения о С. Т. Разине.

Образ Разина в народных песнях оказывается прямо противоположным образу, который представляли правительственные документы его времени и этот образ соответствовал заданной марксистской идеологией советской науке. Каждый эпизод разинщины отражён в песнях и список этих песен обширен. Самые ранние песни о Степане Разине относятся ко второй половине XIX века¹⁹⁸.

Так как песни являются народными, то их главные персонажи – это народные герои, простые люди, которые выражали их общие чаяния, мнения и надежды. Бóльшая часть крестьян (именно крестьянство составляло основную массу населения) была зависимой от различных условий, поэтому их главным желанием было освободиться от этой зависимости. В связи с этим новым героем народа стал образ казака, как символа свободы и вольности. При этом, в этих песнях всегда есть антипод героя, которым часто становились бояре или служилые люди.

Разин в народных песнях – это герой, батюшка, освободитель, защитник народа. Речевые обороты, используемые при характеристике С. Т. Разина

¹⁹⁸ Лозанова А. Н. Предисловие [Электронный источник] // Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов, общ. ред. и вступит. статья А. Н. Лозановой, муз. редактор Ф. В. Соколов. М.-Л., 1956. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://a-pesni.org/istor/a-lozanova.htm> (Дата обращения 20.11.2016).

наглядно это подтверждают: «удалец»¹⁹⁹, «удалой разбойничек»²⁰⁰, «люду бедному сам защитничек»²⁰¹, «раздобрый молодец»²⁰².

В этих песнях очень чётко можно проследить социальный аспект – они обращены к простому, бедному населению. Так, например, Разин в них не входит в круг зажиточных казаков: «Во казачий круг Степанушка/ Не хаживал,/ Он с большими господами/ Дум не думывал»²⁰³. Поэтому, эти песни являются выражением народного сочувствия разинцам и их делу.

В. М. Соловьёв в своей работе²⁰⁴ придаёт большое значение песням о Разине, как источникам, отражающим реальные события. Историк считает, что в образе С. Разина, созданным народом, видно сходство с другими народными героями. Например, аналогия с Егорием Храбрым (так называли в народе Георгия Победоносца): «Егория мучают муками различными, его рубят топорами и пилят пилами, бросают в кипящую смолу и закапывают в погреба, но он остаётся невредимым»²⁰⁵. Есть масса песен, которые рассказывают о неуязвимости Разина.

В период продвижения Разина вниз по Волге, его личность начинает обрастать легендами. Начинают распространяться слухи о том, что он чародей, которого не берёт ни одно оружие. В. М. Соловьёв связывает это с сюжетом прохождения отрядов разинцев через Царицын: его защитники стреляли вслед Разину из пушек холостыми зарядами, так как не желали оказывать сопротивления, но чтобы была возможность держать отчёт перед правительством. Историки дореволюционного периода тоже обращали внимание на этот отзыв современников о С. Разине, но никак его не объясняли.

Один из самых известных песенных сюжетах о Разине – это эпизод, связанный с красавицей персидской княжной, которая стала горячо любимой женой Степана Тимофеевича. По легенде она была дочерью флотоводца Мемед-хана, с которым Разин сражался у Свиного острова весной 1669 г. Во время этого

¹⁹⁹ Русские песни / Сост. проф. Ив. Н. Розанов. М., 1952 С. 6.

²⁰⁰ Там же. С. 9.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же. С. 11.

²⁰³ Там же. С. 6.

²⁰⁴ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. 96 с.

²⁰⁵ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 37.

сражения Мемед-хан был полностью разбит атаманом, а также в плен к Разину попал его сын – Шабын-Дебей и дочь. Но если источники подтверждают существование сына персидского флотоводца, то о реальном существовании его дочери до сих пор подлинно ничего не известно. По словам современника Л. Фабрициуса у Разина и этой иностранной пленницы был общий ребёнок – сын, который был отослан Разиным в Астрахань для крещения и воспитания²⁰⁶.

Конкретный эпизод, связанный с персидской княжной связан с легендой о том, как Разин принёс её в жертву, скинув в Волгу. В. М. Соловьёв в этом эпизоде усматривает готовность Разина «во имя страдающего народа отказаться от своих пристрастий и привязанностей, принести всего себя на алтарь борьбы с угнетателями»²⁰⁷. Не обходят стороной этот легендарный сюжет и современные исследователи.

Кроме пополнения источниковой базы фольклорным материалом, в советский период создавались художественные произведения по теме восстания Разина. В советский период свет увидели три культовых художественных произведения, посвящённые разиновщине: исторические романы А. Чапыгина (1927 г.), С. Злобина (1951 г.) и В. Шукшина (1971 г.). В романе В. Шукшина показана искупительная жертвенность Разина в борьбе против церкви и государства, которые выступают единым фронтом. Разин задан целью вернуть казацкой вольности первоначальный смысл²⁰⁸.

Таким образом, Разин как образ, созданный в народных песнях – это прототип былинного богатыря, защитника русского народа. Но образ этот появился, потому что людям нужна была психологическая защита в лице народного героя в условиях нелёгкой жизни.

Возвращаясь к историческому Разину, то следует подробнее остановиться на труде В. М. Соловьёва, так как этот историк является специалистом в данной

²⁰⁶ Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 24.

²⁰⁷ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 44.

²⁰⁸ Шаляпина Л. В. Социально-историческая концепция в романе В. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» [Электронный ресурс] // Культура и текст, № 3, 1998. С. 200-206. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-istoricheskaya-kontseptsiya-v-romane-v-shukshina-ya-prishel-dat-vam-volyu> (Дата обращения 30.04.2017).

области. Как умелый управленец, который «держал около себя грамотных людей, переводчиков, таможенников и т.д.»²⁰⁹ представлен Степан Разин в книге Е. В. Чистяковой и В. М. Соловьёва «Разин и разинцы на мордовской земле». Особое внимание авторы уделяют сподвижникам Разина, которые обладали не менее выдающимися способностями и желанием помочь простому народу, таким как Михаил Харитонов, Василий Фёдоров, Максим Осипов, атаманша Алёна, Сергей Кривой.

Впервые был поднят вопрос о соответствии действительности портретных изображений Разина, созданных его современниками. На сегодняшний день сохранилось три изображения С. Разина, которые не имеют между собой никакого сходства. На первом (см. прил. Б) Разин в чалме и восточном платье и «внешность у него самая злодейская: угрюмое, заросшее густой бородой лицо, свирепый взгляд... На второй гравюре (см. прил. В) у Разина одутловатое лицо, причёска, усы и бородка на европейский манер, немецкий наряд»²¹⁰. Наибольшее доверие у авторов вызывает третье изображение, которое было опубликовано в Великобритании в 1672 г. в издании Ф. Ньюкемба (см. прил. Г). Это изображение не противоречит словесному описанию Разина: «Перед нами человек с мужественным лицом, умными, внимательными глазами. У него простая казацкая стрижка и окладистая борода. Он внутренне сосредоточен, погружен в себя, во всём его облике ощущается скрытая энергия и сила»²¹¹.

Историки советского периода использовали в своих трудах источники, в которых сохранились сведения о происхождении С. Разина, хотя они не являются исчерпывающими. Отец С. Т. Разина – Тимофей Разя смог выбиться в домовитые казаки, то есть стал принадлежать к высшему классу казачества. По словам В. М. Соловьёва, он был выходцем из воронежского посада. Есть предположение, что мать Степана Разина была турчанкой, которая досталась Тимофею во время завоевательного похода. В работе Е. В. Чистяковой и В. М. Соловьёва «Степан Разин и его соратники» содержатся сведения из статейного списка дипломата

²⁰⁹ Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Разин и разинцы на мордовской земле. Саранск, 1986. С. 10.

²¹⁰ Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 31.

²¹¹ Там же. С. 32.

подьячего Г. Михайлова от апреля 1671 г.: «крымскому хану Адиль-Гирею якобы стало известно от азовского паши и ногайских мурз, что сын Тимофея Разина Степан был тумой (так называли детей от брака русского с турчанкой)»²¹².

Тимофей Разя был отважным воином и душой компании, что и переняли его сыновья – Иван, Степан и Фрол. «Пал Иван жертвой боярского деспотизма»²¹³ в 1665, когда самовольно покинул войско Ю. В. Долгорукого после отказа отпустить казаков домой. Для Степана это стало сильным ударом, и он поклялся отомстить за убитого брата. Имеется предположение, что Степан мог быть очевидцем казни старшего брата²¹⁴.

В. М. Соловьёв констатирует скудость сведений о жизни С. Разина до восстания, организованного им. Во-первых, затруднено определение даты рождения Разина. Автор предполагает, что это произошло около 1630 года. Во-вторых, открытым остаётся вопрос о его матери. Приведена гипотеза о пленной турчанке, но с уточнением, что достоверных сведений нет. Известно, что крёстной матерью Разина была русская женщина Матрёна Говоруха. В-третьих, мало что известно о жене Разина. Женился он достаточно рано. В-четвёртых, вопрос о грамотности Разина. Здесь Соловьёв обращается к косвенным данным и рассуждает следующим образом: его отец был выходцем из посада, а там было много грамотных, поэтому он мог обучить и своих детей. Как аргумент в подтверждение своего суждения, историк приводит сведения о том, что Разин владел несколькими языками: «думается, имея такие задатки, он вполне мог освоить грамоту»²¹⁵.

Очень рано Степан Разин стал выделяться среди своих ровесников в сноровке и военной подготовке, что было достаточно непросто, по словам В. М. Соловьёва, так как в среде казачества все юноши были хорошо подготовлены и обучены военному делу. Уже с 1663 г. возглавлял казацкие отряды в военных походах против крымцев.

²¹² Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 10.

²¹³ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 28.

²¹⁴ Чистякова Е. В., Соловьёв В. М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С. 11.

²¹⁵ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 29.

В начале 60-х гг. Разин был уже достаточно известной фигурой на Дону, прославившись своими ратными успехами. Много С. Т. Разин проводил в дороге, поэтому география его путешествий достаточно обширна. Три раза был в Москве. Все эти поездки не проходили для Степана Разина даром, все они оставляли определённое впечатление. Советский историк делает однозначный вывод: «... он сталкивался с одним и тем же – со злом, несправедливостью, гнётом и насилием, которые богатые и власть имущие чинили по отношению к тем, кто был от них в зависимости и, терпя нужду, голод, лишения, работал на них до седьмого пота»²¹⁶. Восстание 1666 г. Василия Уса стало прологом восстания Степана Разина.

Несмотря на то, что причиной похода «за зипунами» в 1667 г. стало отсутствие снабжения Дона достаточным количеством продуктов, В. М. Соловьёв считает, что обогащение не было основной целью разинцев. Историк приводит следующие аргументы в подтверждение своего тезиса. В действиях разинцев автор усматривает стремление расправы над начальными чинами и приказчиками²¹⁷. Это подтверждается на примере разгрома судов купца Шорина на Волге, который фигурировал в событиях Медного бунта как один из причастных к его причинам. При этом, государев хлеб потопили, но не забрали, да и государева казна осталась в сохранности. Даже находясь в Персии, во время каспийского похода, С. Разин проявлял милость к общественным низам, но расправлялся с богатыми купцами: «Как в России, так и в Персии Разин не желает мириться со всесилием аристократии, с не знающими удержу в обирании и обмане простого люда толстосумами-купцами и по своему разумению стремится защищать народ и наказывать виновников его бед»²¹⁸. Не согласуется с тезисом историка тот факт, что собственно каспийский поход Разина преследовал цель – обогащение его отрядов. Простолюдинов не трогали потому, что у них нечего было взять.

²¹⁶ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М., 1990. С. 31.

²¹⁷ Там же. С. 36.

²¹⁸ Там же. С. 42.

В. М. Соловьёв приводит письменное описание внешности Разина, сделанное его современником Я. Я. Стрейсом: «Вид его величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь. Что б ни приказал он, исполнялось беспрекословно и безропотно»²¹⁹. Этот человек, судя по описанию, производил ошеломляющее впечатление на окружающих. Но В.М. Соловьёв обращает внимание и на то, что, судя по запискам Стрейса, Разин покупал любовь населения, щедро одаривая его. Историк предпочёл поддержать позицию другого иностранца-современника событий – Л. Фабрициуса, который пишет о том, что Разин обещал освободить от зависимости всех нуждающихся в этом. Как и Н. И. Костомаров, В. М. Соловьёв пишет о том, что Разин подкупил воевод в Астрахани – Львова и Прозоровского.

Никто из историков, будь то государственники или апологеты Разина, не обходил вниманием его воинского искусства, благодаря которому он стал легендой уже при жизни. Важной составляющей личности Разина Соловьёв называет «социальную типажность, житейскую узнаваемость»²²⁰. Под этим подразумевается близость атамана к народу, его простота и понятность.

И всё же В. М. Соловьёв отмечает неоднозначность лозунгов и непоследовательность действий Разина: он всё время занимает разные позиции по отношению к царю. Объяснение приведено следующее. Среди казаков царь не пользовался особым почтением, да и не было иллюзии «доброго» государя, как его воспринимало основное население России. Но с другой стороны, использование имени царя помогало воздействовать на большое количество умов простого люда. Имя царя оказывало гипнотизирующее воздействие на народ²²¹.

Говоря о религиозных воззрениях Разина, следует отметить, что атаман не отличался набожностью, но в молодости он исполнял все необходимые обеты²²². На Дону не было большого числа церквей, поэтому донцы не заботились о

²¹⁹ Соловьёв В. М. Степан Разин и его время. М, 1990. С. 45.

²²⁰ Там же. С. 66.

²²¹ Там же. С. 72.

²²² Там же.

строгом соблюдении обрядов. Когда Разин просил персидского шаха принять к себе казаков, он обещал ему принять ислам.

Таким образом, В. М. Соловьёв является апологетом Разина и его сподвижников. Автором очень изящно обойдены сюжеты кровавых расправ разинцев над побежденными врагами. Разин полностью им обелён, со ссылкой на то, что все решения принимались кругом, то есть сообща, а не единолично.

Одобрение вызывает тот факт, что В. М. Соловьёв остаётся приверженным своим взглядам на личность С. Т. Разина, несмотря на то, что он работал в 1980–1990 гг., в период, когда партийно-государственный контроль слабеет и фактически исчезает.

Как и И. И. Болотников, С. Т. Разин в советской историографии предстаёт как защитник страждущих. Можно наблюдать расширение круга сведений о жизни Разина, за счёт пополнения источниковой базы. Впервые советские историки провели анализ по выявлению соотношения портретных изображений С. Т. Разина с его словесными описаниями.

2.3 Кондратий Афанасьевич Булавин в историографии советского периода

В советский период изучением булавинского восстания занимались П. Н. Краснов, В. И. Буганов, Е. П. Подъяпольская, В. И. Лебедев. Это были люди разных убеждений.

П. Н. Краснов является историком казачества, личность которого сама по себе не однозначна. В Гражданской войне он воевал против советской власти, а во время Великой Отечественной войны оказался на стороне гитлеровцев. Его фраза «Хоть с чёртом, но против большевиков» является исчерпывающим обоснованием его действий. Находясь в Берлине в 1943 г., П. Н. Краснов напечатал книгу «Исторические очерки Дона». В 1947 г. он был осужден и повешен за сотрудничество с фашистами. В 2008 г. в его реабилитации было отказано²²³.

²²³ Матвеева П. «Единой России» хоть с чёртом [Электронный ресурс] // Газета.ру, 2008. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.ryzkov.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=18729&catid=2:2011-12-26-10-24-39&Itemid=26 (Дата обращения 9.11.16).

Н. П. Краснов апологет казачества, в своей книге подчёркивает солидарность и особые права казаков. Так он пишет, что К. А. Булавину оказывалась поддержка со стороны Л. Максимова, но тайно. Булавин представлен как защитник исторических прав и свобод казачества от посягательства российского царя. «Придёт Тихому Дону конец, - говорил Булавин Боровскому атаману, - если не восстанет он, как один, против Петра и не прогонит со своих земель Русские войска»²²⁴. Таким образом, как и у Ф. Д. Крюкова, в работе П. Н. Краснова присутствует идеализация вождя восстания. Вероятнее всего, интерес П. Н. Краснова к личности К. Булавина объясняется стремлением генерала найти в истории оправдание своей измены Родине, так как внешне действия Краснова и Булавина схожи – оба действовали против правительств, старались обелить себя «благими» целями.

В академическом издании «Истории СССР» восстание К. А. Булавина представлено как антифеодальное, а также как движение по отстаиванию вольностей казачества. Бывший бахмутский атаман станицу за станицей склонял к восстанию своими прелестными письмами²²⁵. Они призывали чернь не работать на полях, расправляться с помещиками, собираться в отряды и идти на Дон, обещали снабдить оружием и конями. Сделан акцент на классовые противоречия. В книге утверждается, что Булавин противодействовал верным царю казакам во главе с Л. Максимовым. С целью героизации атамана, смерть Булавина описывается как убийство, а не самоубийство: «мятежный атаман пал от руки есаула Ананьина»²²⁶.

Е. П. Подъяпольская во вступительном слове перед рядом новых публикуемых документов²²⁷ сформулировала проблему изучения биографии К. Булавина. Впервые публиковался материал расспроса атамана Кульбаки,

²²⁴ Краснов П. Н. Исторические очерки Дона. Ч. 1. Берлин: На казачьем посту, 1943. [Электронный ресурс] Электрон. версия печат. публ. URL: <http://profilib.com/chtenie/83316/petr-krasnov-istoricheskie-ocherki-dona.php> (Дата обращения 9.01.16).

²²⁵ История СССР с древнейших времён до наших дней в 12 т. Т. 3. М., 1967. С. 291.

²²⁶ Там же. С. 293.

²²⁷ Подъяпольская Е. П. Новое о восстании К. Булавина [Электронный ресурс] // Исторический архив, 1960. № 6. С. 119-142. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Novoe_o_vosstanii/pred.htm (Дата обращения 15.02.2016).

который сообщил, что Булавин был выходцем из русских, «салтовец», т. е. уроженец городка Салтова Харьковского полка. Автор указывает, что родня Булавина была из казачьей среды и сам он к моменту восстания был казаком Трехизбянской станицы. На основании этого построено предположение о том, что Булавин не принадлежал к «черкасским» низовым казакам, из среды которых избиралась войсковая старшина и атаман Донского Войска²²⁸.

Ряд документов, относящихся к восстанию и деятельности Булавина, был напечатан в 1967 г. В. И. Недосекиным²²⁹ – это грамоты Петра I. В них исследователь обнаружил новые сведения о действиях Ивана Лоскута – ближайшего сподвижника Булавина.

Владимир Иванович Лебедев, специалист по изучению казацких и крестьянских восстаний в эпоху Петра I, движению К. А. Булавина посвятил целую книгу «Булавинское восстание 1707–1708»²³⁰. Восстание Булавина исследователь ставит в один ряд с движениями Болотникова, Разина, Пугачёва. Очень тесно связаны итоги восстания С. Т. Разина с причинами восстания К. А. Булавина. Обращено внимание на малочисленность источников о личности Булавина и их противоречивость. Противоречие заключено между показаниями бывшего бахмутского атамана Кулбаки и материалами по розыску родственников К. Булавина белгородским воеводой Голицыным. Кулбака показал, что «Булавин природою подлинный салтовец из русских людей». По розыску Голицына выходило, что Булавин из Трехизбянского городка (материалы допроса атамана Петрова от 4 ноября 1707 г. в Посольском). Сам историк предполагает, что «Булавин был сходцем из русских селений, может быть, и из Салтова, а затем поселился в Трехизбянском городке»²³¹. На Бахмут Булавин был отправлен Ильёй Зерщиковым. Приведены отзывы современников об атамане, в которых он представлен как человек храбрый и решительный. Но

²²⁸ Там же.

²²⁹ Недосекин В. И. Новые данные о Булавинском восстании [Электронный ресурс] // Советские архивы, № 3. 1967. С. 107-111. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/Nov_dannye/text.htm (Дата обращения 21.02.2016).

²³⁰ Лебедев В. И. Булавинское восстание 1707-1708 [Электронный ресурс]. М., 1969. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/bulavinskoe-vosstanie-17071708> (Дата обращения 14.02.2016).

²³¹ Лебедев В. И. Булавинское восстание 1707-1708...

скорее всего эта оценка однобока, так как вряд ли солепромышленники на Бахмуте, разорённые Булавиным, отзывались о нём лестно, или те люди, которые были лишены имущества из-за его действий.

Когда началась розыскная компания князя Ю. В. Долгорукого, Булавин создал отряд для сопротивления розыску. В. И. Лебедев считает недоказанным наличие сговора между войсковым старшиной Л. Максимовым и К. Булавиным: «Единственным доказательством этого является донос казака Л. Карташа. Однако это мнение вряд ли может быть оправдано»²³². Не признаётся им наличие связи Булавина с гетманом Мазепой, из-за отсутствия документов, которые указывали бы на это. Так как восстание Булавина представлено им как форма классовой борьбы, то соответственно приведено описание действий Булавина в этом направлении. Став войсковым атаманом, Булавин провёл ряд мер: казнил старшин, относящихся к домовитым (зажиточным) казакам; восстановил права казачества на распоряжение своей внутренней и внешней политикой; снизил цены на закупку хлеба.

В. И. Лебедевым рассмотрены две версии смерти Булавина: самоубийство (показания старшин Зерщикова, Григорьева, запорожца Верховира и др.) и убийство (со ссылкой на историка Е. П. Подъяпольскую). Сам автор склоняется ко второй версии на основе изученных им материалов, он считает, что версия о самоубийстве К. Булавина исходила от домовитых казаков, которые, боясь разоблачения и мести сторонников мятежного атамана, постарались убить его и оболгать.

Ещё более масштабной и детальной работой является книга советского историка В. И. Буганова «Булавин». Историк показывает Булавина не просто как казацкого вождя, но и как человека со своими личными проблемами и переживаниями. Работа содержит описание юности атамана, его женитьбы, начала службы. Автор приводит сведения о происхождении К. А. Булавина: «Кондратий Афанасьевич родился и первое время жил в городках восточной части Левобережной Украины, прилегавшей к Войску Донскому, южным и юго-

²³² Лебедев В. И. Булавинское восстание 1707-1708...

западным уездам России»²³³. Личность атамана складывалась в среде казачества, под обаянием рассказов и песен дедов и отцов о походах и сражениях. Когда пришло время жениться, Булавин проживал в станице Трехизбянской близ устья Айдара, левого притока Северского Донца, к востоку от Бахмута и Тора. Его первой женой стала Провоторова Любовь Поликарповна. Боевым крещением стал поход против кубанцев и крымцев²³⁴. После этого Кондрат Афанасьевич становится станичным атаманом в Трехизбянской. По сведениям В. И. Буганова, Булавин не был обучен грамоте, что позднее подтвердил О. Г. Усенко.

На основе материала книги В. И. Буганова, можно говорить о том, что Булавин занимал высокое социальное положение в среде казачества. Кроме этого, у К. А. Булавина были во владении солеварни на Бахмуте. В этом историк видит причину бахмутского дела: «Можно полагать, Кондрат имел не только курень и атаманскую булаву, но и какое-то имущество, движимое и недвижимое, в том числе уголья, солеварни и, возможно, наёмных работников. Недаром год-другой спустя он явится над солеварями и в целом над Бахмутом атаманом»²³⁵. В 1705 г. Булавин во главе военного отряда напал на бахмутские уголья, которые были отданы в распоряжение Изюмского полка. После этого авторитет Булавина только возрос и укрепился среди казачества. В. И. Буганов предположил, что по вероисповеданию К. А. Булавин был раскольников, как и его ближайшие сторонники, что отражено в прелестных письмах булавинцев.

По мнению В. И. Буганова, Булавин не просто пользовался негласной поддержкой войсковой старшины в 1707 г., но был ею привлечён к расправе над отрядами Ю. Долгорукого: «и старшина, несмотря на все колебания, решилась не соглашаться с Москвой, но не открыто, с оружием в руках, а с помощью других казаков, особенно из значных, старожилых в верховских городках, за которыми, как она была уверена, и не без оснований, пойдут голутвенные казаки

²³³ Буганов В. И. Булавин [Электронный ресурс] М., 1988. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронной б-ки goyallib.com».

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

и новопришлые людишки»²³⁶. Выбор пал на Булавина именно из-за его успехов на Бахмуте.

После того как войсковая старшина официально объявила Булавина преступником, обвинив его в самовольном убийстве главы сыскной компании на Дону князя Ю. В. Долгорукого, Булавин на круге вынес решение о смертной казни предателей из войсковой старшины. Стало быть, К. А. Булавин совершенно справедливо расправился с руководителями войска Донского, которые его предали и представили как изменника перед царём. За поимку атамана даже была назначена награда в 200 рублей. Несмотря на сложившиеся обстоятельства, Булавин продолжил начатое им дело борьбы за вольности казачества, так как был глубоко убеждён в своей правоте и необходимости своих действий. Когда Булавин находился в Запорожской Сечи для набора бойцов, произошёл арест его второй жены Анны Семёновны и сына, которых отвезли в Белгород. Как пишет В. И. Буганов, это стало тяжелейшим ударом для атамана, и он «впоследствии, уже в разгар восстания, будет упорно добиваться, впрочем, безуспешно, её возвращения»²³⁷.

В. И. Буганов восхищается отвагой, проявленной атаманом и булавинцами летом 1708 г.: «Первая половина июля — время решительных сражений повстанцев с карателями, время героическое и трагическое»²³⁸.

Историк также отрицает официальную версию самоубийства Булавина, утверждая, что он пал от рук Степана Ананьина. Версия о самоубийстве, по словам В.И. Буганова, была распространена для обработки общественного мнения. Необходимо было показать отважного атамана трусом и малодушным человеком. Кроме этого, это было выгодно черкасской старшине, так как Булавин был осведомлен об их первоначальных планах неподчинения царскому указу о сыске беглых людей на Дону. Рассуждая о ложной версии самоубийства атамана, Буганов ссылается на показания современников (Иван Наумов — атаман Сухаревой станицы, новобогородицкий житель, бригадир Шидловский, старшины

²³⁶ Буганов В. И. Булавин...

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же.

из Рыковской станицы, Илья Зерщиков – следующий войсковой атаман), которые говорили именно об убийстве Булавина.

Таким образом, историки советского периода представляли Булавина борцом за интересы угнетённого народа. По их мнению, К.А. Булавин стал жертвой действий старшины Войска Донского. Отказались историки и от версии самоубийства Булавина, в пользу версии об убийстве.

2.4 Игнат Фёдорович Некрасов в историографии советского времени

Личность И. Ф. Некрасова интересовала больше представителей самодеятельной народной истории, чем историков-профессионалов. Здесь больше догадок и легенд, чем реальных фактов. По словам Ф. Тумилевича-Шишканова движение казаков-некрасовцев и их вооружённая борьба с царём, боярами, помещиками и «домовитым» донским казачеством началась после их исхода с Дона ²³⁹, хотя оно и не оказало значительного влияния на развитие антифеодальной борьбы в России.

Федор Викторович и Тамара Ивановна Тумилевич долгое время вели собирательскую и исследовательскую работу по изучению культуры казаков-некрасовцев. В диссертации использована информация сайта (<http://www.tumilevich.ru/>), на котором размещены некоторые материалы, собранные Тумилевичами. Среди этих материалов содержится предание, озаглавленное как «Заветы Игната Некрасова». Интересно, что в этом предании говорится, что именно И. Ф. Некрасов, а не К. А. Булавин убил князя Ю. В. Долгорукова. Эти же сведения приведены в статье И. Люшина, в которой казаки с р. Хопра во время беседы настаивают на том, что именно Некрасов, а не Булавин убил Долгорукого ²⁴⁰.

С. Ф. Шашкин основной причиной ухода с Дона казаков-некрасовцев называет не преследование староверов, а их целенаправленное разорение со

²³⁹ Тумилевич-Шишканов Ф. В. 250 лет антифеодальному движению на Дону и Кубани (1708), [Электронный ресурс]. 1958. Электрон. версия печат. публ. URL: http://tumilevich.ru/study.php?study_id=404002&pagenumb=1 (Дата обращения 08.03.2016).

²⁴⁰ Люшин И. Мы пошли к своему языку...: [Ист. очерк о дон. казачестве] [Электронный ресурс] // Вокруг света. 11/1980. № 11. С. 40-45. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1717/> (Дата обращения 23.03.2016).

стороны царского правительства: «Некраса человек был умственный. От нужды он повел свой народ в Туретчину, жизнь людям спасал»²⁴¹. В этом же предании «Заветы Игната Некрасова» есть упоминание об «Игнатовой книге», которая содержала договор Некрасова и турецкого султана, а также заветы Игната, анализ которых проводили и историки дореволюционного периода.

И. В. Смирнов, обобщивший сведения о некрасовцах, видит в некрасовском предприятии вид протеста, который в отличие от других народных войн и восстаний, отличается организованностью²⁴². Некрасовцы компактно расселились в низовьях Кубани, между Копылом и Темрюком²⁴³. Они были освобождены от налогов и получили внутреннюю автономию. Историк подтверждает скудость сведений о самом Некрасове. Автор сомневается в том, что к моменту восстания Некрасов уже был станичным атаманом: «во-первых, об этом молчат документы 1708-1709 гг.; во-вторых, фольклорный образ Некрасова и его роль в восстании ассоциируется с человеком отнюдь не пожилым...а станичными атаманами избирали как раз солидных людей зрелого возраста»²⁴⁴. В документах имя Некрасова начинает фигурировать с 1708 года.

По мнению И. В. Смирнова перед И. Ф. Некрасовым стояла задача воплотить в жизнь те идеи, за которые боролись они на Дону. Некрасов продолжал рассылать прелестные письма по территории России. Совершались походы: в 1711 г. на Дон и Волгу, в 1717 г. на Пензу, в 1727 г. на Дон.

Около 1737 г. Некрасов умер, и уже с 1740 г. начинается разделение некрасовцев. Часть их осела на Дунае, часть ушла на оз. Майнос. Некрасовцы, жившие на Дунае принимали в свои ряды беглых из России, поэтому переселенцы изменили систему социальных приоритетов игнат-казаков²⁴⁵. Дунаевцы стали заниматься земледелием, ремеслом и торговлей, что противоречило «заветам Игната». По словам автора это привело к тому, что «грозные некрасовцы

²⁴¹ Шашкин С. Ф. Предание. Заветы Игната. [Электронный ресурс]. 1940. Электрон. версия печат. публ. URL: http://tumilevich.ru/study.php?study_id=406005&pagenumb=1 (Дата обращения 23.01.2016).

²⁴² Смирнов И. В. Исторические очерки. Некрасовцы. // Вопросы истории, 1986, № 8. С. 97.

²⁴³ Там же. С. 99.

²⁴⁴ Там же. С. 98.

²⁴⁵ Там же. С. 102.

превратились в мирных липован»²⁴⁶. С 1864 г. дунайские некрасовцы стали податным населением Турции. После этого в 1878 и в 1899 годах две большие группы некрасовцев эмигрировали с Дуная в Анатолию²⁴⁷.

По мнению И. Люшина эти «Заветы» начали складываться уже после ухода казаков с Дона. Первым из них стал: «Царизме не покоряться, при царях в Расею не возвертаться»²⁴⁸. В 1840-е годы произошло разделение среди майноских некрасовцев из-за экономического расслоения. Заветы Игната были нарушены. В 1962 году круг обратился к Советскому правительству с просьбой разрешить казакам вернуться на родину «со старыми и малыми»²⁴⁹.

В итоге можно говорить о том, что советскими историками был пересмотрен должностной статус К. А. Булавина на момент восстания. Было продолжено изучение «Заветов Игната». Сам уход казаков из России представлен уже не просто как бегство ради спасения, а как уход для продолжения борьбы с царской властью.

2.5 Портрет Емельяна Ивановича Пугачёва в трудах советских историков

История восстания Пугачёва была одним из самых изучаемых в советский период. Хронологическое описание трудов здесь вряд ли подойдет.

Можно условно выделить два крупных этапа в изучении пугачёвщины в советский период:

- 1) 1930–1950-е гг. В это время читались публичные лекции о Е. И. Пугачёве, издавались монографии по региональной истории в рамках изучения темы, печатались новые архивные документы и работы на их основе;
- 2) 1970-е гг. – пик изучения темы. Это было связано с празднованием 200-летия восстания Пугачёва. Издавались крупные монографии и множество сборников статей с научных конференций.

²⁴⁶ Смирнов И. В. Исторические очерки. Некрасовцы. // Вопросы истории, 1986, № 8. С. 102.

²⁴⁷ Там же. С. 103.

²⁴⁸ Люшин И. Мы пошли к своему языку...: [Ист. очерк о дон. казачестве] [Электронный ресурс] // Вокруг света. 11/1980. № 11. С. 40-45. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1717/> (Дата обращения 23.03.2016).

²⁴⁹ Там же.

Стали появляться труды, посвящённые региональной истории периода пугачёвщины. Так в 1931 г. Т. В. Васильев издал книгу «Мордовия». Автор описывает историю мордовского народа, его географию, характерные черты и т.д. Одной из особенностей существования мордовского народа была продолжительная его борьба с русским правительством и русскими помещиками, которые на протяжении долгого времени притесняли мордву, пытаясь её подчинить. Поэтому мордовское население при каждом удобном случае вступало в борьбу за свою независимость. Мордва организовывала локальные восстания и мятежи, а также участвовала в событиях смутного времени, в разинском и пугачёвском восстаниях. Это относится к причинам масштабности разиновщины и пугачёвщины, а также даёт косвенную характеристику вождям этих движений. Получается, что для мордовского населения фактору личности вождя восстания не придавалось никакого значения, главной их целью была борьба с русским правительством. Хотя легенды о Пугачёве среди мордовского населения сохранились. Исследователь приводит в пример легенду о том, как Е. И. Пугачёв укрывался в семье у мордвина по имени Юрка²⁵⁰. Манифест, выпущенный Е. И. Пугачёвым от лица Петра III с призывом истреблять помещиков во имя христианства «встретил величайшее сочувствие среди русского и мордовского крестьянства, быстро примкнувшего к движению Пугачёва»²⁵¹. Справедливости ради надо заметить, что Т. В. Васильев, описывая раннюю историю мордовского народа, пишет о том, что христианство насаждалось силой, поэтому вряд ли мордовское население прониклось словами манифеста о защите христианских ценностей. Их больше привлекало провозглашение всех богатств и средств общим достоянием.

Развитие событий восстания в Пензенском крае рассмотрел в своей работе Сергей Павлович Петров. Он акцентирует внимание на трудном жизненном пути Пугачёва до восстания. Вызывает вопрос фактологическая информация, приводимая автором. Без пояснений 1740 год назван годом рождения Пугачёва, а

²⁵⁰ Васильев Т. В. Мордовия. М., 1931. С. 82.

²⁵¹ Там же. С. 81.

не 1742 как в работах бóльшей части исследователей. Пугачёв выступает знатоком артиллеристского дела, человеком умным, энергичным и волевым. Заканчивая характеризовать Пугачёва, С. П. Петров написал эффектную фразу: «Пугачёв прожил только 33 года. И это была благородная жизнь человека, до конца преданного народу»²⁵². Автор считал, что поход на Москву действительно входил в планы Пугачёва, что, по его словам, подтверждают многие факты. Многие историки это положение не поддерживают, считая, что разговоры о московском походе всего лишь плод фантазии Пугачёва в рамках его игры в царя. Сам С. П. Петров отметил, что Пугачёв всё больше входил в свой образ: «Интересно отметить, что, проходя по Пензенскому краю, Пугачёв всё более и более требовал себе царских почестей»²⁵³.

23 июня 1936 года Берта Борисовна Граве прочитала публичную лекцию, посвящённую восстанию Пугачёва. В том же году была опубликована стенограмма этой лекции²⁵⁴. Лекция носила сугубо пропагандистский характер, поэтому и личность Пугачёва освещалась соответственно данной цели. В 1951 г. вышла стенограмма публичной лекции доктора исторических наук Михаила Порфирьевича Вяткина об Емельяне Пугачёве. Автор начинает повествование с анализа условий, которые исторически предопределили восстание Е. И. Пугачёва. Говоря о самом вожде восстания, М. П. Вяткин кратко пересказывает содержание материалов последнего допроса Е. И. Пугачёва от 4 ноября 1774 г. с привлечением показаний других лиц, каким-либо образом причастных к Пугачёву. Автор пытался передать настроение Е. И. Пугачёва для определения мотивов его деятельности: «Пугачёв возвращался в Россию с непримиримой ненавистью к царскому правительству. Он видел бедственное положение и бесправие крепостного крестьянства, видел безудержный произвол помещиков»²⁵⁵. По предположению М. П. Вяткина, идея представиться Петром

²⁵² Петров С. П. Пугачев в Пензенском крае / Под ред. акад. А. М. Панкратовой. 2-е изд., доп. Пенза, 1956. С. 41.

²⁵³ Петров С. П. Пугачев в Пензенском крае...С. 113.

²⁵⁴ Граве Б. Б. Восстание Пугачева : Стенограмма лекции тов. Б. Граве, прочит. 23 июня 1936 г. Л., 1936. 29 с.

²⁵⁵ Вяткин М. П. Емельян Пугачев : Стенограмма публичной лекции ... Л., 1951. С. 14.

Фёдоровичем возникла у Пугачёва во время посещения им Яицкого городка. В ходе своей деятельности Пугачёв собирался использовать крестьянство как опору. Выделены слабые стороны движения Пугачёва: он не смог до конца преодолеть национальную вражду между участниками выступления; разрозненность очагов восстания. Большое внимание уделено деятельности сподвижника Пугачёва – Ивану Зарубину (по прозвищу Чика), как организатору восстания.

В 1937 г. вышел сборник документов «Емельян Пугачёв в Нижнем Поволжье»²⁵⁶. В книге собраны опубликованные материалы, связанные с пребыванием Пугачёва на Волге. В ней прослеживается апологетика Разина и Пугачёва с первых строк введения. При составлении сборника использовались документы из сборника «Пугачёвщина», журнала «Красный Архив» и «Материалы по истории Пугачёвского бунта» Я. К. Грота.

Историк Александр Павлович Пронштейн из Ростовского государственного университета в 1961 году (за год до защиты своей диссертации «Земля Донская в XVIII в.») издал сборник документов под названием «Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов». В сборник вошли документы, которые отражают участие донских и волжских казаков в пугачёвском восстании. Большая часть из этих документов была опубликована впервые. Розыск документов проводился как в центральных государственных архивах, так и в областных (Ростов, Астрахань).

Составитель обращает внимание читателя на то, что основная масса документов составлялась чиновниками правительственных учреждений – «защитниками самодержавного строя»²⁵⁷: «текст изобилует злобными выражениями по адресу Е. Пугачёва и его сторонников»²⁵⁸.

Исследователь советского периода Михаил Васильевич Жижка использовал огромный массив архивных документов в своей работе «Емельян Пугачёв»: дела VI разряда Государственного архива и Пугачёвский фонд Панинского архива,

²⁵⁶ Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье: [Документы]. Сталинград, 1937. 134 с.

²⁵⁷ Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 годов: Сб. док. / Архивный отд. Упр. внутр. дел Рост. облисполкома ; Под ред. А. П. Пронштейна. Ростов н/Д, 1961. С. 3.

²⁵⁸ Там же. С. 4.

которые хранятся в Центральном государственном архиве древних актов. Основная масса используемой литературы – это материалы, выпущенные в XIX в.

Изначально после выхода из Ветки, где Е. И. Пугачёв какое-то время укрывался, он просто пытался бежать: «Поселение под Бендерами, как и попытка Е. Пугачёва устроиться на Тереке, преследовали одну основную цель – уйти как можно дальше и избавиться от царской администрации»²⁵⁹. Затем возникла идея увести Яицких казаков на Кубань, по примеру казаков-некрасовцев.

Точкой бифуркации для Пугачёва, по мнению историка, стала его встреча с раскольников-монахом: «Встреча Пугачёва с Филаретом Семёновым имела чрезвычайно важные последствия для его дальнейшей жизни. Возможно, что именно здесь стремление Пугачёва к широкой деятельности получило решающий толчок, что именно здесь возникла у Пугачёва мысль назваться именем Петра III»²⁶⁰.

Прибыв в Яицкий городок, Пугачёв на базаре целенаправленно выводывал обстановку в городе и в среде казаков. Он выяснил, что из-за притеснений они были готовы на крайние меры. Несмотря на все свои невзгоды, Пугачёв был готов к борьбе: «Пугачёв был не из тех, кто вешает голову при неудачах»²⁶¹. После того, как он прибыл в Яицкий городок и стал распускать слухи о том, что хочет увести казаков на реку Лабу, его снова арестовали. Это был уже четвёртый арест и четвёртый побег. М. В. Жижка пишет о том, что Пугачёв при этом проявил большую энергию, находчивость и смелость. Емельян Иванович не мог бездействовать и быть пассивным: «Он жаждал широкой деятельности и стремился окунуться в самый бурный водоворот событий, происходивших в Яицком городке»²⁶². Автор напрямую связывает мотивы деятельности Пугачёва с его осознанием тяжёлого положения трудящихся масс. Крестьянство, в свою очередь, с огромным сочувствием относилось к деяниям Пугачёва, поэтому всячески ему помогало.

²⁵⁹ Жижка М. В. Емельян Пугачев. Под ред. проф. В. И. Лебедева. 2-е изд. М., 1950. С. 15.

²⁶⁰ Там же. С. 18.

²⁶¹ Там же. С. 29.

²⁶² Там же. С. 33.

Характеристика, которую исследователь приводит, является ярким показателем его явного расположения к личности атамана: «Пугачёв был человеком незаурядным. Серьёзная жизненная школа помогла ему хорошо изучить психологию людей. Его ум, смелость, находчивость, его кипучая энергия внушали обаяние. Он умел влиять на массы, и они в него верили»²⁶³. Также отмечены такие характеристики как энергичность, жизнерадостность, остроумие, красноречивость, выносливость, превосходное знание военной техники и стратегии, знание психологии людей. Крайне негативно автор отзывается о казаках, предавших Пугачёва.

Обращает М. В. Жижка внимание на важную роль раскольников в судьбе Пугачёва и его восстания. Эту идею будет развивать современный писатель Алексей Щербаков.

Пугачёв особое внимание уделял дисциплине в своём войске, поэтому за её нарушение он карал смертью. Этой каре подвергались мародёры и грабители. При этом наказанию за нарушение дисциплины подвергались даже его ближайшие соратники.

Выделены промахи Пугачёва, которые относятся к событиям января 1774 г. Е. И. Пугачёв уехал из-под Оренбурга в момент всеобщего наступления правительственных войск, а также затеял несвоевременную женитьбу на казачке Устинье Кузнецовой. Интересно, что Пугачёв выступает инициатором женитьбы на казачке, хотя последующие историки будут утверждать, что это было организовано яицкими казаками для того, чтобы их связь с Е. И. Пугачёвым была ещё крепче. М.В. Жижка приводит показания пугачёвцев, которые свидетельствовали, что многие были недовольны женитьбой Пугачёва.

Огромную по объёму работу по изучению восстания Е.И. Пугачёва провёл историк Юрий Александрович Лимонов. В 1965²⁶⁴ и 1974²⁶⁵ гг. Ю. А. Лимонов совместно с В. В. Мавродиным и В. М. Панеяхом выпустил работы о

²⁶³ Жижка М. В. Емельян Пугачев. Под ред. проф. В. И. Лебедева. 2-е изд. М., 1950. С. 49.

²⁶⁴ Лимонов Ю. А. Пугачев и его сподвижники / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях ; Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. М.; Л., 1965. 140 с.

²⁶⁵ Лимонов Ю. А. Пугачев и пугачевцы / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панеях. Л., 1974. 188 с.

пугачёвщине. Авторы книги 1965 года во введении обозначают одной из задач своей книги - проследить роль предводителей восстания.

Повествование о Е. И. Пугачёве начинается с приведения сведений о его деде – Михаиле Пугаче. Сделано предположение, что раз он являлся выходцем из Зимовейской станицы, то возможно его семья имела украинское происхождение. Это предположение основано на том, что станица была расположена на малороссийских землях. Дата рождения его определена со слов самого же Е. И. Пугачёва. На допросах он показывал, что ему тридцать два года. Емельян Иванович был самым младшим среди детей своей семьи. Исследователь приводит интересные сведения о старшем брате Пугачёва – Дементии. Так как Дементий не был замешан в восстании, он «был освобождён от присмотра, награждён 100 рублями с приказанием впредь именоваться "Дементиём Ивановым"»²⁶⁶. Это показатель того, как пытались искоренить даже саму фамилию Пугачёва после восстания.

По словам автора, Е. И. Пугачёв всегда имел желание отличиться от других. Приведена его следующая характеристика: «натура Пугачёва - свободолюбивая, упорная, настойчивая, храбрая, осторожная»²⁶⁷. Идея объявить себя царём Петром Фёдоровичем возникает на Добрянском форпосте в Польше. Причиной возникновения этой идеи выступить от имени царя назван «наивный монархизм» крестьянства, о котором писал ещё К.В. Чистов в своей работе. У Пугачёва было семь предшественников, которые именовали себя Петром III, а значит, был некий образец действий. По дороге из Польши Пугачёв представлялся богатым купцом, повидавшим Царьград и Египет.

Некоторые факты из биографии Пугачёва имеют расхождения в работах разных авторов. Например, по сведениям Ю. А. Лимонова, купец Щелоков не проявил особой активности, чтобы помочь Пугачёву освободиться из тюрьмы в Казани. А тяжёлые кандалы сняли с него по причине болезни. По Х. И. Муратову, Щелоков вёл переговоры с губернатором и секретарём по поводу Пугачёва.

²⁶⁶ Лимонов Ю. А. Пугачев и пугачевцы / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях. Л., 1974. С. 8

²⁶⁷ Там же. С. 10.

А упоминаемые кандалы сняли после разговора Пугачёва и секретаря, когда Пугачёв стал жаловаться на невероятную их тяжесть.

Сначала Пугачёв вынашивал идею увести казаков на Кубань вслед за казаками-некрасовцами или в другую землю, где нет угнетения, но за годы странствий, по словам историков, он понял, что «уйти некуда - всюду чиновники и офицеры, суды и тюрьмы, всюду полуголодная жизнь, нищета, страх, неуверенность в завтрашнем дне, всюду насилие, ложь, всюду изломанные, исстрадавшиеся люди, потерявшие веру в справедливость и честность»²⁶⁸. Поэтому, Пугачёв решает с этим устройством бороться, а не бежать от него.

Своим ближайшим соратникам Пугачёв признался, что царём он не являлся, но они поддерживали его из-за собственных целей. Таким образом, Лимонов увеличивает самостоятельность в деятельности Пугачёва.

Так как Е. И. Пугачёв грамотой не обладал, у него были писцы, которые составляли указы от имени царя Петра Фёдоровича.

Ю. А. Лимонова удивляет как смело действовали пугачёвцы и связывает это с их убеждённостью в своей правоте: «Надо было свято верить в правоту своего дела, в активную поддержку со стороны казачества и нерусских народностей для того, чтобы с таким малочисленным отрядом бросить вызов всей крепостной России и выступить в поход на оплот правительства на Яике – Яицкий городок»²⁶⁹. Качества личности самого Пугачёва, по словам историка, завоёвывали сердца и люди поддерживали его с такой неукротимостью.

Интересный факт – на знамёнах Пугачёва был раскольничий крест. Это наводит на мысль, что, возможно, он был старовером. Многие историки поднимали этот вопрос.

По мнению автора, огромное значение для казачества имел захват Оренбурга, так как они видели в нём источник основных зол для себя. Он являлся стратегическим центром обороны, экономическим центром региона, а также административным центром, из которого исходили все распоряжения

²⁶⁸ Лимонов Ю. А. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965. С. 15.

²⁶⁹ Там же. С. 18.

относительно яицкого казачества. Таким образом, это показывает тесную связь Пугачёва и яицкого казачества, так как он хотел захватить Оренбург именно в угоду казакам. Они его поддерживали, поэтому он тоже должен был прислушиваться к их стремлениям. Зависимость Пугачёва от яицких казаков подтверждает и его женитьба на казачке Устинье Кузнецовой. Этим они хотели крепче привязать его к себе.

Все лозунги и обращения были дифференцированы: каждой категории населения было обещано то, в чём она нуждалась. Но не было у Пугачёва чёткого представления о том, каково должно быть устройство государства после его победы: «Манифесты, указы и обращения Пугачёва пронизывают неясные мечты о воле, труде, равенстве, справедливости»²⁷⁰.

Ю. А. Лимонов анализирует отзывы современников о Е. И. Пугачёве и заключает, что отвагу, решительность и храбрость признавали и друзья и недруги. Историк ссылается на переписку Екатерины II с Вольтером от ноября 1774 года, где она пишет о смелости и решительности Пугачёва. По отзывам самих пугачёвцев, Емельян Иванович был отменным артиллеристом, хорошим минёром. Владел разными видами оружия, был опытным наездником: «Пугачёв был военным человеком до мозга костей – сказывались его казацкое происхождение и яркая, хотя и короткая боевая жизнь»²⁷¹. В речи Пугачёв использовал наречие донских казаков. Был склонен к фантазированию. Был очень добр и своим заступничеством, по словам историка, спас жизнь многим людям из вражеского стана; не допускал мародёрства в своём стане.

Не обделён вниманием и внешний облик казацкого вождя. Приведено описание Е. И. Пугачёва, взятое из его паспорта, который им был получен на Добрянском форпосте в августе 1772 года при переходе русско-польской границы: «росту два аршина четыре вершка с половиной...волосы на голове тёмно-русые и борода чёрная с сединой, от золотухи на левом виску шрам»²⁷². Также приведены словесные описания Пугачёва, которые были даны его первой

²⁷⁰ Лимонов Ю. А. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965 С. 28.

²⁷¹ Там же. С. 30.

²⁷² Там же. С. 32.

женой Софьей Дмитриевной Недюжевой, соратником Максимом Шигаевым, корнетом Пустоваловым и несколькими видевшими его простыми людьми.

В своей апологетике Пугачёва, Лимонов доходит до того, что объявляет о неправомерности постановки вопроса о тактических ошибках Пугачёва, так как было множество объективных причин, по которым, казацкий вождь просто не мог поступить по-другому: «следует не перечислять «ошибки» Пугачёва, а отметить его место в истории трудового народа России»²⁷³.

Нынешний сотрудник Института истории РАН, культуролог, исследователь произведений А. С. Пушкина о Пугачевском восстании – Реджинальд Васильевич Овчинников ещё в 1969 г. издал работу «Пушкин в работе над архивными документами»²⁷⁴. Хотя работы Р. В. Овчинникова составляют отдельный блок исторических работ о восстании Е. И. Пугачёва, они будут разобраны в соответствии с хронологическим принципом в одном ряду с работами других авторов. Проблема, поднятая историком в указанной книге, очень важна, так как все исследователи признают первенство А. С. Пушкина в изучении восстания Е. И. Пугачёва. Р. В. Овчинников провёл трудоёмкую работу по сопоставлению текстов пушкинских «архивных тетрадей», «Истории Пугачёва» и архивных первоисточников.

Катализатором для написания целой серии научных работ с 1973 по 1975 гг. стало 200-летие восстания Е. И. Пугачёва. Это событие очень широко отмечалось в СССР. Это спровоцировало ещё бóльшую активность региональных историков. В 1973 г. Была выпущена почтовая марка с изображением Пугачёва.

В связи с этим событием вышла в свет в 1975 году ещё одна книга Ю. А. Лимонова «Емельян Пугачёв и его соратники». Эта книга не многим отличается по своему содержанию от предыдущих работ автора, но есть некоторые дополнительные сведения. Появляется сообщение о том, когда Пугачёв начинает открыто называться Петром III. Это происходит, по его словам, после побега из Казани. Первые манифесты Пугачёва (сентябрь 1773 года)

²⁷³ Лимонов Ю. А. Пугачев и его сподвижники. М.; Л., 1965. С. 36.

²⁷⁴ Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами ("История Пугачева") / АН УССР. Отд-ние литературы и языка. Пушкинская комиссия. Л., 1969. 274 с.

обращены к казачеству, так как именно оно стало опорой для предводителя восстания, а не крестьянство. В своём лагере Пугачёв систематически устраивал званые обеды для своих ближайших сподвижников. Эти обеды всегда сопровождались песнями и изрядным количеством спиртного. Сам же Е. И. Пугачёв не злоупотреблял горячительными напитками. То, что казацкий вождь отличался, как отменный военный стратег Ю. А. Лимонов подтверждает следующим: «В своих сражениях применял массированный артиллерийский огонь и минные подкопы при штурме крепостей, умело использовал конницу, бросая её в бой лавой, применяя тактику рассыпанного строя пехоты»²⁷⁵.

Также в 1973 году Л. Н. Большаковым и М. С. Клипиницером был составлен сборник статей под редакцией Р.В. Овчинникова «Под знамёнами Пугачёва»²⁷⁶. Р. В. Овчинников раскрывает причины антикрепостнических настроений населения Оренбургского края и Урала перед началом восстания. Но интересно, что он, как и С. П. Петров, указывает дату рождения Е. И. Пугачёва 1740 год, а не 1742 год, как остальные исследователи²⁷⁷. Судя по статье Р. В. Овчинникова, Е. И. Пугачёв приобрёл статус вне закона в связи с уклонением от военной службы, а не из-за попытки перевезти своего зятя на Терек из Таганрога. Сегодня, именно эта версия используется авторами школьных учебников по истории России. Само восстание было подготовлено Пугачёвым и небольшой группой его сторонников из яицких казаков. Имя покойного императора Пугачёв присвоил себе для придания своим действиям законности. В другой статье того же сборника, Р. В. Овчинников анализирует тексты исторических материалов, в которых даётся характеристика Пугачёва²⁷⁸. Среди этих документов есть как отписки Екатерине II членов следственной комиссии, так и протоколы показаний самих пугачёвцев. Данные приведённых исследователем материалов сводятся к тому, что Пугачёв целенаправленно

²⁷⁵ Лимонов Ю. А. Емельян Пугачев и его соратники. Л., 1975. С. 9

²⁷⁶ Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. 195 с.

²⁷⁷ Овчинников Р. В. Оренбургский край и Урал в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачёва // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 10.

²⁷⁸ Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 37-64.

прельщал простое население своими манифестами, обещая всем волю и всевозможные льготы.

Кандидат исторических наук Соломон Маркович Томсинский в 1973 году издал книгу о восстании Е. И. Пугачёва на территории Прикамья²⁷⁹. Исследователь использовал новые материалы, обнаруженные в Государственном архиве Пермской области.

15–16 октября 1973 г. в Оренбурге проходила научная конференция, посвящённая 200-летию восстания Е. И. Пугачёва, по итогам которой, был выпущен сборник тезисов представленных докладов²⁸⁰. Эта конференция отличается тем, что в её работе приняли участие ведущие специалисты по этой тематике. В коллективной статье московских историков Е. И. Индовой, М. Д. Курмачевой, Р. В. Овчинникова, С. С. Дрейзена и Е. И. Самгиной проанализированы новые аспекты восстания в связи с новым массивом источников, которые на тот момент был подготовлен институтом истории СССР АН СССР и Государственным Историческим музеем²⁸¹. По новым документам историкам стало известно, что Е. И. Пугачёв на первом этапе движения неспроста двигался по направлению к Саратову и Симбирску. В этих регионах, как и в Яицком городке, были восстания до начала пугачёвщины.

В статье В. И. Буганова²⁸² отражена появившаяся в исторической литературе 1970-х годов идея примитивного демократизма, которая была распространена среди повстанцев. Более основательно об идеологии примитивного демократизма написал в том же сборнике оренбургский историк

²⁷⁹ Томсинский С. М. Под предводительством Пугачева: Повстанч. движение в Прикамье во время крестьянской войны 1773-1775 г. Пермь, 1973. 74 с.

²⁸⁰ Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15-16 окт. 1973 г. Оренбург. Оренбург, 1973. 58 с.

²⁸¹ Индова Е. И., Курмачева М. Д., Овчинников Р. В., Дрейзен С. С., Самгина Е. И. Проблемы крестьянской войны 1773-1775 гг. в свете новых источников // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С. 5-10.

²⁸² Буганов В. И. Об идеологии крестьянской войны 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С.10-12.

П. Е. Матвиевский²⁸³. По его словам, эта идеология в своей основе имеет вековые вечевые традиции, поэтому казачий круг стал эталоном общественного устройства для народных масс как некий эквивалент вече. П. Е. Матвиевский отметил и яркую антифеодальную направленность примитивного демократизма.

В 1974 году вышла книга А. А. Александрова и М. А. Садакова «Гнев народа»²⁸⁴, посвящённая 200-летию восстания на территории Удмуртии. В рамках советской идеологии в этой работе образ Е. И. Пугачёва соответствует всем характеристикам народного защитника и вождя.

Интерес представляет сборник тезисов докладов с научной конференции проходившей в Казани 26–27 ноября 1974 г.²⁸⁵ С. Х. Алишев²⁸⁶ представил описание новых документов, дополняющих историю восстания в Пермском крае. Подлинники этих документов хранились в Казанском государственном пединституте, но на 1974 год, их там уже не было. Историк из Уфы М. А. Усманов²⁸⁷ на конференции представил доклад об источниковедческом значении документов на татарском языке времён крестьянской войны 1773–1775 гг. По словам исследователя, документы на татарском языке не подтверждают тезис о том, что нерусские народы стремились отстоять свои национальные интересы за счёт участия в восстании. Напротив, эти документы иллюстрируют классовые стремления нерусских народов. Здесь снова предстаёт пример того, как историки вписывали те данные, которые были ими получены, в прокрустово ложе идеологических установок исторического материализма.

Ещё одна работа, посвящённая 200-летию восстания и региональной истории, вышла в 1975 г. – «Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижегородском

²⁸³ Матвиевский П. Е. К вопросу об идеологии примитивного демократизма в крестьянских войнах России XVII-XVIII вв. // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С.12-13.

²⁸⁴ Александров А. А. Гнев народа: К 200-летию Пугачевского восстания. Ижевск, 1974. 55 с.

²⁸⁵ Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. Казань, 1974. 46 с.

²⁸⁶ Алишев С. Х. Новые документы о крестьянской войне 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. Казань, 1974. С. 3-7.

²⁸⁷ Усманов М. А. Источниковедческое значение документов на татарском языке времён крестьянской войны 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. Казань, 1974. С. 8-11.

крае» М. Д. Курмачевой²⁸⁸. Автор на основе новых архивных документов оспаривает мнение предшествующих историков о том, что Нижегородский край почти не был задействован в восстании Е. И. Пугачёва.

Исследователь Х. И. Муратов провёл анализ причин, по которым население поддержало Е. И. Пугачёва. В 1760-е гг. сложилась сложная ситуация для крестьян – угнетению подвергались не только русские, но и башкиры, татары, киргизы (казахи), удмурты, мордва, чуваша. Наблюдалось наступление на казацкие вольности. Так, например, Яицкие казаки в эти годы были лишены всех элементов самоуправления. Отсюда вытекали мотивы повстанцев.

Х. И. Муратов вернулся к вопросу об идее Пугачёва представиться императором. Она возникла во время нахождения Е. Пугачёва в Польше. Но она созрела не у самого Пугачёва, а у Алексея Семёнова и купца Кожевникова, который даже предложил Пугачёву выслать деньги в случае необходимости: «Неизвестно, воспользовался ли Пугачёв впоследствии купеческими деньгами, но слова Семёнова и Кожевникова произвели на него сильное впечатление»²⁸⁹. Впервые называться царём Пугачёв стал во время поездки из Мечетной слободы на Яик с целью разведать там обстановку. Очевидно, что вопрос о том, когда и где стал именовать себя Пугачёв именем покойного императора, стал спорным и до конца не разрешимым.

Основные характеристики Е. И. Пугачёва, которые выявил Х. И. Муратов: хитрость, наличие острого желания продемонстрировать уровень своей власти и своего превосходства. Это иллюстрирует сюжет со знаменитым портретом Пугачёва, который был написан поверх портрета Екатерины II. Особое внимание им уделялось агитации для расширения территории восстания. С этой целью Пугачёв привлекал к движению нерусские народы, например, башкирским старшинам отправил специально составленный манифест. Также он рассылал по регионам своих сподвижников.

Автор заключает, что во время своих странствий Е. И. Пугачёв повидал

²⁸⁸ Курмачева М. Д. Крестьянская война 1773-1775 гг. в Нижегородском крае. Горький, 1975. 128 с.

²⁸⁹ Муратов Х. И. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. М., 1970. С. 20.

много бедствий угнетаемого народа и именно поэтому у него родилась идея о поднятии народа на восстание: «Во время этих скитаний росла в душе Пугачёва решимость поднять народ против угнетателей. С этим намерением он снова направился на Яик»²⁹⁰.

Описание внешности Е. И. Пугачёва Х. И. Муратовым приводит к мысли, что речь идёт о былинном персонаже: «широкие, богатырские плечи, тёмно-русые волосы, остриженные по-казацки в кружок, чёрная борода и проницательные карие глаза»²⁹¹. Ещё один апологетический образ, который рисует автор читателю, в момент, когда Пугачёв впервые предстаёт перед казаками в образе царя: «Перед ними был человек, много видевший и много переживший. Умный, проницательный взгляд, многочисленные морщины, преждевременно избороздившие лоб, седеющая в тридцать лет борода явились тому красноречивыми свидетелями»²⁹².

События, которые затем вылились в пугачёвское восстание, по словам Х. И. Муратова, произошли по воле случая, то есть не были спланированы: «Однажды Степан Максимович (Оболяев) пригласил Пугачёва в баню. Когда Пугачёв разделся, Оболяев обратил внимание на какие-то знаки на груди Емельяна Ивановича. Это были следы золотухи, которой Пугачёв когда-то болел»²⁹³. Эти следы Е. И. Пугачёв представил как царские отметины. Кроме этого Х. И. Муратов подчёркивает, что Пугачёв обладал всеми необходимыми качествами для руководства: энергичность, смелость, находчивость, военный опыт и т.д.

Выдающийся историк советского периода, знаток военной истории и специалист по крестьянским войнам – Владимир Васильевич Мавродин, так писал о цели деятельности Пугачёва: «Полная нужды и забот, тяжёлого труда и испытаний, обид и тревог, жизнь Пугачёва подготовила и привела его к борьбе не столько за старые казацкие, сколько прежде всего за элементарные человеческие

²⁹⁰ Муратов Х. И. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева. М., 1970. С. 26.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же. С. 30.

²⁹³ Там же. С. 27.

права трудового народа»²⁹⁴. Кроме того, в ходе восстания, почти все манифесты будут направлены на искоренение социального неравенства, прежде всего, именно для крестьян – пожалование им земли и воли. Историк уверен, что не С. Н. Павлов (муж сестры Пугачёва – Феодосьи), а именно сам Пугачёв был инициатором бегства на Терек для поселения. Когда Пугачёв прибыл на Украину, он сознательно искал встречи с раскольниками, так как они привлекали его своим антиправительственным настроением. Но сам Е. И. Пугачёв был никонианцем. Идея назваться императором возникла во время пребывания в карантине на Добрянском форпосте. Но до того, как возглавить восстание под именем Петра III, Емельян Иванович использовал и другие формы протеста: «Поисками вольной жизни в годы странствий и скитаний Пугачёв отдал дань той форме социального протеста трудового люда, его борьбы с крепостнической системой, которая находила проявление в бегстве, стремлении уйти от этой системы в такие края, где можно укрыться от её тяжёлого бремени»²⁹⁵. Особое внимание в своём стане Е. И. Пугачёв уделял армейским и царским регалиям – изготавливались знамёна, медали, пугачёвцы получали разного рода звания. Образ вождя восстания вырисовывается, в описании историка, очень притягательный и располагающий к себе. Приведено несколько словесных описаний внешности атамана современниками.

В 1970-е гг. Р. В. Овчинников продолжал работать над документами периода пугачёвщины, поэтому в 1980 г. вышла в свет его очередная работа «Манифесты и указы Е. И. Пугачёва»²⁹⁶. В ней проведён подробный анализ документов, исходивших из стана Пугачёва: кем и когда они были написаны, при каких обстоятельствах составлялись, кому адресовались.

Советские историки много внимания уделяли художественному образу крестьянского вождя. Особенно это проявилось в историографии пугачёвщины. Эта тема была мощным пропагандистским орудием в руках государства, поэтому историкам было очень важно проанализировать художественный образ

²⁹⁴ Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974. С. 16.

²⁹⁵ Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974. С. 23

²⁹⁶ Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва: Источниковед. исслед. М., 1980. 280 с.

Е. И. Пугачёва на соответствие официальной историографии. Активно исследованием художественного образа Пугачёва стали заниматься в 1970-е годы. Как раз в самый пик изучения этой темы.

Примечательна статья Н. Г. Евстратова²⁹⁷, которая посвящена творчеству В. Г. Короленко в рамках изучения деятельности Пугачёва. По сути, речь идёт о художественном образе Емельяна Ивановича, созданного на исторической основе. В. Г. Короленко, подобно А. С. Пушкину, был знатоком истории XVIII века, следовательно, его работу стоит оценивать не просто как художественное произведение: «Пугачёв представлялся писателю всё ещё не разгаданной во многом личностью, но личностью, несомненно, замечательной, заслуживающей самого пристального изучения»²⁹⁸. Летом 1900 года В. Г. Короленко предпринял поездку на Урал для сбора архивного и фольклорного материала. Историческая повесть, задуманная Короленко, не была им закончена, но остались черновики начальных глав. В. Г. Короленко создавал образ Пугачёва следующим образом: «Лишая Пугачёва романтического ореола, Короленко не снижал его, а ставил на реально-историческую почву и в зависимость от определённых исторических условий ... Короленко больше фиксировал своё внимание на обыкновенных, человеческих чертах, на том, что делало Пугачёва живой личностью, подверженной человеческим слабостям, личностью понятной, доступной, близкой самим творцам и рассказчикам легенд»²⁹⁹. Таким образом, если бы В. Г. Короленко создал задуманное им произведение, то образ Пугачёва стал бы симбиозом исторической составляющей и фольклорной.

Было проанализировано произведение советского писателя В. Шишкова исследователем И. Т. Изотовым.³⁰⁰ По мнению Изотова, Шишков смог изложить в трёхтомной эпопее историю пугачёвского бунта и вскрыть причины самозванства Пугачёва. Особое внимание уделено достоверности фактов – «Вымышленных лиц

²⁹⁷ Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 76-95.

²⁹⁸ Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 79.

²⁹⁹ Там же. С. 85.

³⁰⁰ Изотов И. Т. Достойное отображение // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 96-110.

в романе очень мало, и они, за исключением двух-трёх, большого значения не имеют»³⁰¹. Пугачёв в романе В. Шишкова предстаёт как человек, не лишённый гуманности, справедливый и оптимистичный. В октябре того же 1973 года И. Т. Изотов выступал на конференции в память 200-летия восстания Пугачёва. Доклад был посвящён отражению восстания Пугачёва в художественной литературе³⁰². По его словам, писатели XIX века, кроме А. С. Пушкина, искажали образ Пугачёва: «Пугачёв изображается бессмысленно жестоким, не имеющим никаких политических идей и планов, предающимся разгулу»³⁰³. Произведения 1920–30-х гг. (драма Е. Есенина «Пугачёв» 1921 г., пьеса К. Тренева «Пугачёвщина» 1924 г., поэмы В. Каменского «Емельян Пугачёв» 1931 г. и В. Липатова «Пугачёв» 1937 г.) также не достоверно отражают личность крестьянского вождя: «Пугачёв изображается в них либо слишком примитивным, либо крайне модернизированным, осовремененным»³⁰⁴. Но работа В. Шишкова является для автора примером достоверного отображения личности Пугачёва в художественной литературе.

Исследователями был поднят вопрос об образе Пугачёва в изобразительном искусстве. Г. Г. Копылова³⁰⁵ отметила интересную особенность изображений Пугачёва: «Характер изображений в значительной мере определялся теми оценками деятельности и личности Пугачёва, которые принадлежат народу, чьи интересы он защищал, или дворянству, против которого было поднято восстание»³⁰⁶. 70-е гг. XIX в. – особый этап для художников, писавших Пугачёва. В этот период царская Россия отмечала столетие избавления от бунтовщика и самозванца Емельки Пугачёва, «но в глазах передовой общественности данные события обрели иную политическую и социальную окраску – как значительные и

³⁰¹ Изотов И. Т. Достойное отображение // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 100.

³⁰² Изотов И. Т. Крестьянская война в Оренбуржье и её отображение в художественной литературе // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С.51-53.

³⁰³ Там же. С. 52.

³⁰⁴ Изотов И. Т. Крестьянская война в Оренбуржье и её отображение в художественной литературе...С. 52.

³⁰⁵ Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 115-130.

³⁰⁶ Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва // Под знаменами Пугачева: [Сб. ст.]: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Челябинск, 1973. С. 117.

славные страницы народной борьбы»³⁰⁷. Проанализированы те работы, авторы которых были в Оренбуржье. Среди них трилогия В. Г. Перова «Пугачёвский бунт», иллюстрации С. В. Иванова к «Капитанской дочке», работы В. И. Сурикова и М. Б. Грекова – периода сталинской реакции, «Восстание Пугачёва» С.В.Герасимова и некоторые другие полотна и скульптуры. В связи со статьёй Г.Г. Копыловой стоит упомянуть о «Каталоге художественных открытых писем и художественных изданий»³⁰⁸, выпущенном ещё в 1933 году Музеем революции СССР. В небольшом предисловии сказано, что эти открытки подлежат широкому распространению в городе и деревне в целях пропаганды политических знаний. Все открытки разделены на серии. Так среди них есть серия «На заре революции», в рамках которой помещены следующие позиции: изображения скульптур С.Т.Коненкова – «Степан Тимофеевич Разин», «Сподвижники Разина: Ефимка Рулевой, Трофимыч Борода и Васька Ус», «Сподвижники Разина: Ахметка и Петруха Губан»; «Степан Тимофеевич Разин» (лубок) А. Е. Куликова; «Степан Разин на Волге» Г. Н. Горелова; «Казнь Степана Разина» (лубок) В. Н. Пчелина; «Портрет Пугачёва» и «Емельян Пугачёв» неизвестного художника; «Суд Пугачёва» В. Г. Перова; «Пугачёв в Казани творит суд» Г. Н. Горелова; «Рабочие привозят пушки Пугачёву» М. И. Авилова; «Расправа с пугачёвцами» Г. Н. Горелова. Издание подобного каталога, подтверждает заинтересованность правительства в создании художественного образа народного вождя-защитника (будь то хоть С. Т. Разин, хоть Е. И. Пугачёв) средствами изобразительного искусства.

С 1971 года в Оренбургской области проводился ряд экспедиций (их было четыре), целью которых было найти сооружения, связанные с пугачёвщиной, записать местные легенды о деятелях восстания и топонимические легенды края. Первой и четвёртой экспедициями руководил оренбургский историк

³⁰⁷ Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва... С. 117.

³⁰⁸ Каталог художественных открытых писем и художественных изданий / Музей революции СССР. М., 1933. 19 с.

С. А. Попов³⁰⁹. Б. Ф. Любеченко (ленинградский исследователь) сообщает, что в июле 1971 г. он руководил фольклорной экспедицией по Оренбуржью³¹⁰. Участники экспедиции собрали разнообразный материал, побывав в различных центрах пугачёвщины: в Рассыпной, Берде, Нижне-Озёрной, Сакмаре. Собранные материалы автор условно разделил на несколько тематических групп: 1) о ходе, руководителях и участниках восстания; 2) о местах, связанных с событиями восстания; 3) о людях, знавших Пугачёва; 4) о пугачёвских кладах. Предания, собранные в Рассыпной, отражают находчивость, смелость и справедливость Е. И. Пугачёва. Интересно, что многие из преданий отражают реальные, а не вымышленные факты крестьянской войны. Враги Пугачёва отражены в преданиях сатирического жанра: «В преданиях разоблачается несправедливое отношение к рядовым людям, выражается народная ненависть к защитникам крепостничества, наживающимся на людской нужде и страданиях, и оправдываются действия Пугачёва»³¹¹.

Интерес исследователей к изучению фольклора пугачёвщины подтверждает выход в Ленинграде в 1973 году сборника научных статей, посвящённый полностью этой теме. Г. И. Площук в своей статье представляет историографию фольклора пугачёвщины³¹². Первым собирать материал стал А. С. Пушкин в 1833 г. Затем в 1859 г. материалы собирал И. И. Железнов. Записи, составленные И. И. Железновым, имеют явный недостаток – они литературно обработаны самим Железновым. В 1900 г. фольклор о пугачёвском восстании собирал В. Г. Короленко, в рамках поездки по Уралу. Особо выделена работа Д. Н. Садовникова, который в конце XIX в. записывал песни и предания о Пугачёве и издавал их без искажений текста. В советский период предпринимались специальные экспедиции по сбору фольклорного материала,

³⁰⁹ Бочагов А. К. По следам минувшего. О работе экспедиций по местам Крестьянской войны 1773-1775 гг. в Оренбуржье // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С.14-16.

³¹⁰ Любеченко Б. Ф. Оренбургские предания о крестьянской войне 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. Оренбург, 1973. С.48-51.

³¹¹ Любеченко Б. Ф. Оренбургские предания о крестьянской войне 1773-1775 гг... С. 51.

³¹² Площук Г. И. Научный отбор и систематизация повествований пугачёвского цикла // Фольклор Крестьянской войны 1773-1775 годов: К 200-летию Пугачев. восстания : Сб. науч. ст. Л., 1973. С.3-64.

поэтому Г. И. Плещук отмечает экспедиции Уральского пединститута им. А. С. Пушкина и ЛГПИ им. А. И. Герцена. Как самый крупный сборник пугачёвского фольклора представлена книга А. Н. Лозановой «Песни и сказания о Разине и Пугачёве» (1935 г.). Г. И. Плещук ставит проблему распознавания по определённым признакам фольклорных текстов, так как некоторые тексты, выдаваемые за фольклор, таковыми не являются. Ошибочно к пугачёвскому фольклору относят пересказы воспоминаний или рассуждения опрашиваемых. Высказано замечание о том, что сюжеты цикла пугачёвских преданий отличаются территориально. Например, среди уральских казаков бытовали легенды не о Пугачёве, а именно об императоре Петре III, за которого он себя выдавал. Все материалы исследователь делит на две части: 1) легенды о Пугачёве-императоре Петре III (сюжеты о свержении Петра III, его странствиях, его появление на Яике, признание его казаками, женитьба на Устинье Кузнецовой, его пленение); 2) рассказы об отдельных событиях восстания и пугачёвских кладах. Во второй группе интересны легенды о том, как происходило узнавание помещиков, пытавшихся бежать с помощью маскировки от пугачёвцев. Пугачёв и его соратники заставляли помещиков мыть руки, чтобы уличить их по белым, не знающим грубой работы, рукам. Лейтмотивом почти всех представленных автором легенд является мысль о справедливой расправе Пугачёва (или Петра Фёдоровича) над помещиками и другими мучителями крестьян. Л. С. Шептаев приводит сведения о бóльшей распространённости разинских песен, чем пугачёвских, даже в XIX веке³¹³. Исследователь объясняет это тем, что пугачёвский фольклор целенаправленно искоренялся правительством, а вот песни и легенды о Разине уже не пугали правительство в связи с временной удалённостью.

С 1970-х годов стали появляться публикации, из которых следует, что исследователи стали изучать фольклор нерусских народов, участвовавших в

³¹³ Шептаев Л. С. «Разинские» песни в XVIII веке и после пугачёвского восстания // Фольклор Крестьянской войны 1773-1775 годов. К 200-летию Пугачев. восстания : Сб. науч. ст. Л., 1973. С. 65-91.

восстании. Ш. Ш. Абилов³¹⁴, проанализировал отражение пугачёвского восстания в татарской литературе и фольклоре. После восстания среди татарских песен появился цикл, посвящённый некоторым сподвижникам Пугачёва – Салавату Юлаеву, Бахтияру Канкаеву и другим. Появились сказки и предания про самого Е. И. Пугачёва. Но эти произведения отражают разные мировоззрения – как восхищение действиями Пугачёва, так и его критика. Н. Ф. Ибрагимов изучил татарские народные предания о пугачёвском восстании. Весь фольклорный материал татар о Пугачёве он разделил на три группы: 1) социально-утопическая легенда о Петре III; 2) исторические предания: «Пугачёв изображается в них храбрым, сильным, проворным. Не сам он выдал себя за царя Петра III, а уральские казаки признали в нём настоящего государя, народного героя»³¹⁵; 3) топонимические предания, связанные с именем Е. И. Пугачёва. Подобно М. А. Усманову Ф. С. Фасеев³¹⁶ прорабатывал вопрос, связанный с источниками по пугачёвскому восстанию на татарском языке. Обращение к источникам, составленным на татарском языке, безусловно, расширило представление исследователей о пугачёвщине.

Таким образом, историки советского периода видели в Е. И. Пугачёве личность энергичную, целеустремлённую и всецело проникшуюся идеей помощи простому угнетённому народу. Они все высоко оценивали исторический труд А. С. Пушкина о пугачевском восстании. Следует отметить развитие регионального аспекта изучения пугачёвщины. Наблюдается контроль за соответствием исторического образа Пугачёва и образа художественного.

Подводя итоги советского периода историографии, можно говорить о формировании обобщённого образа крестьянского вождя. В силу идеологических установок все вожди крестьянских восстаний предстают как борцы за права

³¹⁴ Абилов Ш. Ш. Отражение пугачёвского восстания в татарской литературе и фольклоре // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез докл. Казань, 1974. С. 22-24.

³¹⁵ Ибрагимов Н. Ф. Татарские народные предания о пугачёвском восстании // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. Казань, 1974. С. 36.

³¹⁶ Фасеев Ф. С. Опыт анализа старотатарских документов деловой письменности времён крестьянской войны 1773-1775 гг. // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773-1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез докл. Казань, 1974. С. 41-44.

угнетённых и всех нуждающихся в защите. Поэтому не было альтернативной точки зрения на личности крестьянских вождей. Их действия всячески оправданы и обелены на фоне описания карательных действий правительства, описания тяжелейшего положения рабочего люда, за счёт замалчивания грабительских действий самих повстанцев. Но если историки прибегали к описанию грабительских действий восставших, то это объяснялось вынужденностью их положения. Поэтому главным качеством крестьянского вождя стало сочувствие бесправному рабочему населению и желание ему помочь. Этот образ распространялся по всему Советскому Союзу через художественную культуру: литература, изобразительное искусство, театральные постановки, кино. Советские историки стали уделять особое внимание фольклорным образам глав крестьянских восстаний. Это проявилось в стремлении собрать фольклор через организацию экспедиций. Не лишне отметить и тот факт, что исследователи советского периода выявили и опубликовали огромный массив документов по антифеодальным движениям XVII–XVIII веков.

3 Современная историография о вождях крестьянских восстаний XVII – XVIII вв.

В третьей главе автор рассматривает работы постсоветских исследователей, которые давали оценки крестьянским вождям. Помимо выявления новых оценок личностей крестьянских предводителей, особое внимание уделено выявлению новых методологий, которые применяют современные исследователи.

3.1 Современные историки об И. И. Болотникове

Историография восстания И. И. Болотникова постсоветского периода представлена работами В. И. Корецкого, Р. Г. Скрынникова, Л. Е. Морозовой, А. М. Панченко, Л. А. Черной, А. Л. Станиславского, К. В. Чистова и В. Я. Мауля.

В 1994 году в первом томе «Большой российской энциклопедии» был помещён краткий очерк о восстании И. И. Болотникова, а также сведения о самом руководителе движения. Этот очерк является показателем позиции историков постсоветского периода, где отразилась переоценка к личности Болотникова. Прослеживается отход от определения восстания как классовой борьбы между крестьянами и феодалами. Авторство статьи о восстании И. И. Болотникова принадлежит В. И. Корецкому³¹⁷.

О самом И. И. Болотникове в «Энциклопедии» ничего нового не говорится. Он представлен как выходец из холопов, таким образом, часть его биографии до попадания в холопство не освещена; более раннее предположение В. И. Корецкого о том, что И. И. Болотников вышел из обнищавших тульских дворян, не упоминается. Это приводит к мысли, что данное суждение В. И. Корецкого было воспринято не всеми членами научного сообщества как убедительно доказанное. Предводитель восстания наделён автором статьи определёнными личностными характеристиками, которые позволили ему

³¹⁷ Корецкий В. И. Болотникова восстание // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1. А-Д. М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. С. 262.

возглавить восстание: «Благодаря своим незаурядным личным качествам и опыту, возглавил поход на Москву»³¹⁸.

Новшеством 1990-х годов стали исследования в рамках культурологического подхода. В этой связи необходимо отметить монографию А. М. Панченко «Русская культура в канун петровских реформ». Один из сюжетов посвящён самозванчеству и восприятию власти народом. По мнению А. М. Панченко, концепция самозванчества была противопоставлена народом концепции правления Ивана Грозного: «Земля рассудила, что это ей не подходит, и гордыне монаршего «богоподобия» противопоставила бунт меньшей братии и гражданскую войну»³¹⁹. Поэтому самозванчество – это «народная оболочка бунта»³²⁰. Здесь мы наблюдаем сходство с концепцией К. В. Чистова, в соответствии с которой легенда о «царевиче-избавителе» стала идеологической основой движения И. И. Болотникова. Как уже упоминалось выше, И. И. Болотников шёл под знаменами царевича Дмитрия и уверенно распространял влияние его имени среди населения. А. М. Панченко выделил несколько типов самозванцев: 1) нарушитель канонов (Лжедмитрий I); 2) народный царь-батюшка, как самый распространенный тип самозванцев. Как раз тип царя-батюшки тесно связан с легендой о «возвращающемся избавителе». Таким образом, действия И. И. Болотникова органично включаются в легенду о царь-избавителе.

Доктор исторических наук Людмила Алексеевна Чёрная, используя философско-антропологический подход, рассматривает Смутное время, как начало переходного периода в русской культуре. Одной из причин, на её взгляд, стало иное, чем при Грозном, восприятие власти подданными: «На русском престоле оказались цари, лишённые богоизбранности (Борис Годунов, Василий Шуйский, не говоря уже о самозванцах)»³²¹. При царе Иване IV власть

³¹⁸ Морозов Б. Н. Болотников // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т.1. А-Д. М., 1994. С. 262.

³¹⁹ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 15.

³²⁰ Там же.

³²¹ Чёрная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: философско-антропологический анализ русской культуры XVII-первой трети XVIII века. М., 1999. С. 178.

воспринималась как сугубо сакральная, но восшествие на престол перечисленных выше людей сломало это представление. Таким образом, формировался человек, который воспринимал происходящие события по-новому. Этому способствовали, по мнению историка, и веяния со стороны западных стран, от которых Россия отставала, но всё же пыталась перенимать их опыт. На основе выводов Л. А. Чёрной можно говорить о повстанцах как о борцах за традиционное мироустройство с некими маргиналами переходного периода.

А. Л. Станиславский подверг пересмотру состав повстанцев. Можно говорить о некоторой «реабилитации» казачества в качестве участников движения начала XVII века. Именно казакам посвящена работа историка. Автор рассмотрел те условия, которые побудили казаков вступить в антиправительственное движение. Одним из таких условий стал голод 1601–1603 гг.: «Резкое повышение в начале XVII в. цен на хлеб и другие продукты питания поставило казачество, всецело зависевшее от подвоза продовольствия из России, в особенно тяжёлое положение»³²². В связи с этим участились разбойные нападения на Крым, Азов, Турцию и Россию. Б. Ф. Годунов принимал ограничительные меры в отношении казаков – запреты на торговлю и нахождение в приграничных городах. В результате казаки стали поддерживать самозванцев, преследуя собственные интересы. Историк обращает внимание на то, что и раньше исследователи (И. И. Смирнов, В. И. Корецкий, В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря) говорили о значительном количестве казаков в лагерях самозванцев.

А. Л. Станиславский выделил характерные черты, которые, по его мнению, были присущи всем антиправительственным казацким выступлениям начала XVII в.: «Вера в «доброе» царя, резкая антибоярская направленность, значительная роль в казацком войске бывших холопов»³²³. Автор подтверждает мысль В. И. Корецкого о том, что с И. И. Болотниковым в Россию привёл большой отряд казаков. Историк обратил внимание на самоназвание повстанцев –

³²² Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории [Электронный ресурс]. М., 1990. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://annales.info/rus/stanislaw/index.htm#gv> (дата обращения 10.10. 2015).

³²³ Там же.

«воровские», «донские» или «вольные» казаки, что указывает на присутствие в большом количестве донских казаков в рядах болотниковцев.

Другим аргументом, подтверждающим присутствие значительного количества казаков в повстанческой армии, стала организация отрядов и порядок их обеспечения. А. Л. Станиславский проводит параллели со способом материального обеспечения казаков в Польше и России: «В Речи Посполитой служилые люди всех категорий в XVI–XVII вв. в качестве вознаграждения за службу нередко получали или забирали силой определённые территории в кормления — приставства»³²⁴. По его мнению, из Польши этот способ был перенесён в Россию. Таким образом, А. Л. Станиславский выдвигает версию о происхождении И. И. Болотникова из рядов казачества. Но версия о том, что он привёл с собой отряд казаков, видится маловероятной, так как вряд ли Болотникову удалось бы беспрепятственно провести их через границу.

2000-е годы были для изучения темы Смутного времени плодотворнее 1990-х. В это время появились новые наработки по истории восстания болотниковцев. Историки стали чаще использовать антропологический подход и полностью избавились от идеологических шор советского марксизма. Были реабилитированы труды историков-классиков. Многие аспекты восстания были пересмотрены. Это отчётливо прослеживается в трудах Р. Г. Скрынникова.

Возвращаясь к проблеме социального статуса И. И. Болотникова, Р. Г. Скрынников оспаривает версию о принадлежности вождя восстания к дворянам. Автор предполагает, что И. И. Болотников мог быть участником разбоев в 1602–1603 гг. Это предположение строится на основании английской записки о России, в которой вождь восстания назван «старым разбойником с Волги»: «Не значит ли это, что Болотников участвовал в разбое и грабеже холопов в 1602–1603 гг.?»³²⁵. Таким образом, историк предполагает вслед за А. Л. Станиславским, что предводитель восстания мог быть казаком. На

³²⁴ Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в...

³²⁵ Скрынников Р. Г. 1612 год. М., 2007. С. 650.

сегодняшний день эта версия о казачестве является одной из самых распространённых среди исследователей.

Интересен тот факт, что, отказавшись от прямолинейного классового подхода, Р.Г. Скрынников перестал говорить о различии в действиях отрядов И. И. Болотникова и И. Пашкова: «Что касается репрессий, они носили примерно одинаковый характер и там, где шёл Пашков, и там, где двигался Болотников»³²⁶. Историк даёт также новую оценку действий предводителя восставших – в ней исчезают нотки восхищения этими действиями: «Вождь неизменно терпел поражения, предоставленный своим силам»³²⁷.

В 2003 г. вышло новое переработанное издание работы К. В. Чистова «Русская народная утопия». Автор ставит проблему «народного монархизма». В рамках изучения этой проблемы К. В. Чистов ответил на вопрос, почему взбунтовавшийся народ требовал восстановления именно царской формы управления: крестьяне не имели представления об ином способе управления государством, кроме монархического³²⁸. Этот тезис подтверждает сюжетная схема складывавшихся легенд об «избавителях», в которых присутствует четкое представление о том, какой власть должна быть – монархией. Более радикально отзывается по этому же вопросу профессор Московского университета МВД России А. В. Чертищев, называя крестьянство постоянным оплотом нестабильности, «могильщиком империи» из-за своего невежества, нетерпимости к любому инакомыслию и прогрессу в целом³²⁹.

Исследования о «народном монархизме» предпринял и В. Я. Мауль. Историк проследил его связь с народными движениями XVII–XVIII вв.: «Знаковой чертой русского бунта является его тесная связь с народным

³²⁶ Скрынников Р. Г. Василий Шуйский. М., 2002. С. 223.

³²⁷ Там же. С. 230.

³²⁸ Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб, 2003. С. 462.

³²⁹ Марченя П. П., Разин С. Ю. Крестьяноведение как россияведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») [Электронный ресурс] // Знание. Понимание. Умение., № 3, 2012. С. 355-360. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/krestyanovedenie-kak-rossievedenie-diskussii-kruglogo-stola-krestyanstvo-i-vlast-v-istorii-rossii-xx-veka> (Дата обращения 30.04. 2017).

монархизмом, основанным на идее «истинного» царя»³³⁰. В этой связи автор предпринял исследование волны самозванства, связанной с именем сына Ивана IV – Дмитрием. В. Я. Мауль выявил составляющие «самозванческой харизмы»: отметины на теле, благочестие, взятие на себя обязанности защиты народных интересов, принесение присяги. В целом прослеживается преемственность мнений К. В. Чистова и В. Я. Мауля по вопросу распространения и бытования легенды о «спасшемся» царевице Дмитрие Ивановиче.

В работе нынешней ведущей научной сотрудницы ИРИ РАН Людмилы Евгеньевны Морозовой была выдвинута новая версия о происхождении вождя восстания. Исследовательница указывает даже примерную дату рождения И. И. Болотникова – конец 1560–начало 1570-х гг. в рязанском городке к югу от Оки. Его отец, по словам автора, был кадровым военным и нёс пограничную службу и по положению считался сыном боярским. Когда Иван Исаевич понял, что не сможет прокормиться на отведённой ему земле, то поступил на службу к А. А. Телятевскому и стал его боевым холопом. Некоторое время спустя И. И. Болотников стал казаком, но время пребывания его в казаках неизвестно³³¹. С этого момента биография И. И. Болотникова не расходится с повествованием других исследователей. К большому сожалению, автор не указывает источники, которые отражают те события из жизни вождя восстания, которые ею приведены, поэтому эти положения вызывают сомнения в их достоверности.

Разыскания новых источников по истории Смуты привели Б. В. Кузнецова к изучению видений и знамений, которые стали одной из форм осмысления Смуты³³². В начале XVII в. наблюдался кризис русского православия, но у людей оставалась необходимость чувствовать божественный замысел. Эта необходимость реализовывалась в видениях и знамениях. Например, Б. В. Кузнецов приводит знамения, которые выражали негативное отношение

³³⁰ Мауль В. Я. Самозванные цари и царицы в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачёвского восстания) // Вестник Томского ун-та, 2005. № 40. С. 7.

³³¹ Морозова Л. Е. Смута: её герои, участники, жертвы (сложные, трагические и запутанные события Смутного времени в истории Российского государства). М., 2004. С. 192.

³³² Кузнецов Б. В. События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период). М., 2013.

населения к В. И. Шуйскому: его хоромы сразу после постройки покосились, у колокола отвалился язык, свеча сама зажглась и потухла. Это косвенно подтверждает причину вступления в ряды болотниковцев различных сословий от крестьян до детей боярских. Можно привести ещё один подобный пример. Во время осады болотниковцами Москвы некоему мужу было ниспослано видение сцены разговора Богородицы, Иоанна Предтечи и Христа. Богородица и Иоанн Предтеча просили помиловать людей и Христос согласился, но при условии покаяния. Когда об этом видении было объявлено москвичам с 14 октября 1606 г. был установлен шестидневный покаянный пост. Современники считали, что именно это спасло Москву от армии И. И. Болотникова.

Можно сделать вывод, что в постсоветские десятилетия личности И. И. Болотникова историки не уделяли большого внимания, как и всему крестьянскому движению. Определенно можно сказать, что наблюдается отход от классового принципа объяснения истории, и исследователи начинают использовать антропологический и культурологические подходы. Для современных историков характерно в основном негативное отношение к личности Ивана Болотникова. Показательно снижение его сословного статуса – стремление доказать его происхождение не из служилых людей – а из казаков, при этом казаков-разбойников. К позитивным чертам историографии можно отнести продолжение поиска новых источников по данному вопросу.

3.2 С. Т. Разин в свете современной историографии

Обобщающие характеристики личности Разина представлены в специализированных изданиях. Крупнейшее издательство в России, специализирующееся на истории – «Вече» в 2003 г. выпустило книгу под броским названием «Сто великих авантюристов». Уже из названия книги видно, что речь пойдёт о людях, совершивших беспринципные поступки, ради лёгкого успеха. Среди персонажей книги есть И. И. Болотников, С. Т. Разин и Е. И. Пугачёв. Разин представлен в этом издании как смелый, жестокий и хитрый человек. Биография его изложена кратко и ёмко. Разин, по мнению авторов книги, был

окрылён первоначальными успехами во время разбоев на Волге, потому что они дались ему легко. Его авантюра не предусматривала никакого плана действий, по словам автора, его направляла только жажда приключений. Мифический персонаж знаменитой персиянки, дочь персидского адмирала Менеди-хана, описан как реальный, без тени сомнения. Причину её убийства автор связал с пренебрежительным отношением Разина ко всему, включая человеческую жизнь. Сюжет о том, что Разин приказал венчаться не в церкви, а около дерева, показывает желание Разина избавиться от священников, которых считал агентами московского правительства. С той же целью отряды разинцев громили церкви. Идея о боязни Разина «православных агентов» через чур надумана, так как скорее это было прагматичное решение атамана, которое позволяло заключать браки во время похода. План истребления бояр возникает у Разина уже после захвата Царицына в 1770 г. События, разворачивавшиеся в Астрахани, после захвата города, названы непрерывной оргией³³³, так как разинцы устраивали дни напролёт масштабные попойки и бесчинства. Во время сражений под Симбирском проявилась несостоятельность Разина как полководца: несмотря на численное превосходство, он наголову был разбит и вынужден бежать. Здесь тоже нельзя с этим согласиться, так как нужно помнить о качественном составе армии Разина и её вооружении. Никакие полководческие таланты не выручили бы её при учёте этих обстоятельств. Этот опус можно назвать заранее тенденциозным, так как основная черта личности любого персонажа в нём сводится к жажде приключений и лёгкой наживы. Книгу эту вряд ли можно отнести к научным.

В 2005 г. вышла книга под названием «Чёрная книга имён, которым не место на карте России»³³⁴. В ней авторы утвердили предположение В. М. Соловьёва о том, что С. Т. Разин родился ок. 1630 г. в Зимовейской станице на Дону в семье казацкого старшины. Описывая внешность С. Т. Разина, авторы работы за основу взяли словесное описание Я. Стрейса, которое приводилось историками предшествующих периодов: «Это был высокий и степенный

³³³ Муромов И. А. Сто великих авантюристов. М., 2003. С. 133.

³³⁴ Чёрная книга имён, которым не место на карте России / сост. С. В. Волков. М., 2005. 288 с.

мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью». Причиной ненависти Разина к правительству названа казнь его старшего брата Ивана князем Ю. А. Долгоруким в 1655 г., когда тот после запрета Долгорукого, покинул со своим отрядом армию. Интересен тот факт, что у авторов указанного выше труда также не вызывает сомнений существование персидской княжны, с которой связано множество легенд. Самая распространённая из них повествует о том, как Разин скидывает персиянку за борт своего корабля в воды Волги.

Религиозность Разина названа «своеобразной»³³⁵: Разин не заботился о достоверном соблюдении церковных обрядов, но никогда не отказывался от духовной составляющей своего времени. Программа Разина представлена как желание превратить свободных людей в рабов, а рабов освободить. Уделено не малое внимание жестокостям Разина, чтобы перечеркнуть идеальный образ Разина, который создавался в советский период. Опять же, Разин представлен как человек зловредный. Здесь наблюдается другая крайность оценки личности вождя: если в советский период используется безоговорочная апологетика, то это издание его характеризует как беспринципного злодея. Не вызывает сомнения тенденциозность и ненаучность книги как части информационной войны с коммунистической идеологией. Ничего фактически нового она не даёт, в оценках личности С. Т. Разина авторы возвращаются к официально-монархическим.

Возвращаясь к фигуре персидской княжны в истории Разина, следует обратиться к работе исследовательницы М. Н. Климовой, которая этот сюжет относит к русским мифам – «устойчивым образным моделям, постоянно присутствующим в сознании нации и служащим средством её самопознания»³³⁶. В народном фольклоре Разин стал «воплощением одной из важнейших черт национального характера – стремление к дикой, ничем не ограниченной воле»³³⁷. Первая запись песни о персидской княжне была сделана Н. И. Костомаровым

³³⁵ Чёрная книга имён, которым не место на карте России... С. 204

³³⁶ Климова М. Н. Из истории «русских мифов» («Стенька Разин и персидская княжна» // Исторические источники и литературные памятники 16-20 вв.: Развитие традиций: сборник научных трудов Российской академии наук. Новосибирск, 2004. (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 23). С. 223.

³³⁷ Там же. С. 224.

около к. 40-х гг. XIX века. О самом событии сообщают только источники, которые оставили иностранцы – Л. Фабрициус, Э. Кемпфер и Я. Я. Стрейс. Записки первых двух авторов стали использоваться только советскими историками, а записки Я. Я. Стрейса были опубликованы в 1824 году. М. Н. Климова приводит отрывок из записок Стрейса, который описывает эпизод гибели персиянки от рук Разина. На основе этого отрывка исследовательница высказывает несколько возможных причин поступка Разина: «поступок – следствие опьянения натуры страстной и необузданной; это щедрый дар широкой и поэтической души, ощущающей своё родство с природными стихиями; жертва принесена в целях укрепления дисциплины; она вызвана недовольством товарищей; наконец, истинной причиной поступка Разина явилось его тайное недовольство самой пленницей»³³⁸. Каждая из приведённых версий была проработана автором. Она обратила внимание, что подобная сюжетная схема использовалась А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, Ф. М. Достоевским в своих произведениях. В общеевропейской книжной традиции тоже прослеживается сюжет трагической любви атамана-разбойника к иноземной пленнице, например, в драме И. Ф. Шиллера «Разбойники».

По мнению М. Н. Климовой, переломным моментом в истории сюжета с персидской княжной стал выход монографии Н. И. Костомарова «Бунт Стеньки Разина» в 1857 г. Костомаров объяснил поступок Разина стремлением укрепить дисциплину среди казаков. Другим этапом стало творчество волжского поэта Д. Н. Садовникова. Его произведения впоследствии стали популярными народными песнями, например, хорошо известная песня «Из-за острова на стрежень», где отражён сюжет о персидской княжне или песня «По посадку городскому» (см. прил. Д).

Тверской историк Олег Григорьевич Усенко (<http://olegusenko1965.narod.ru/>), развивая историческую психологию, предпринял попытку составить портрет Разина с позиции историка XXI века³³⁹. Отмечены

³³⁸ Климова М. Н. Из истории «русских мифов»...С. 227.

³³⁹ Усенко О. Г. Разин и разинщина // Родина. 2006. № 11. С. 70-74.

высокий социальный статус Разина на Дону, ещё до начала восстания, его желание добиться благополучия и славы, его хитроумие в различных ситуациях. Фактологическая база биографии Разина ничего нового нам не даёт, но автор детально разобрал обстановку на Дону XVII века, что позволяет читателю осознать некоторые мотивы деятельности Разина. В статье О. Г. Усенко практически отсутствуют оценочные суждения о личности Разина, за исключением убеждённости историка в том, что Разин был уверен в боярской измене и необходимости помочь царю. Автор заключает, что, бесспорно, Разин был порождением своего времени.

В рамках изучения истории донского казачества, в частности войскового делопроизводства, профессор Южного федерального университета (ЮФУ) Д. В. Сень раскрывает новые нюансы деятельности Разина³⁴⁰. Именно с Разина начинается переписка Войска Донского с крымскими ханами, инициатором которой стал донской атаман. Переписка эта началась с 1668 г., так как Разин искал союзников для последующего погрома Дона. Помимо того, что Разин писал крымскому хану, он также пытался заручиться поддержкой Запорожской сечи, ногайских мурз. В связи с этим, историк выявляет что было известно о Разине за пределами Войска Донского. Существует документ, в котором говорится о донесении крымскому хану о появлении на Волге тумы С. Разина, т.е. метиса от русского и турчанки. Но эта информация рассматривается автором, как и В. М. Соловьёвым, сомнительной, так как она бытовала на уровне слухов.

Продолжаются разыскания и уточнение места захоронения останков Разина³⁴¹. С. М. Каштанов сообщает, что труп Разина был погребён возле Татарского кладбища – территория современного Парка культуры и отдыха им. М. Горького в Москве. Автор ссылается на обнаруженные в 1996 г. А. В. Антоновым чертежи Москвы 1683 года, где отмечено вышеуказанное кладбище.

³⁴⁰ Сень Д. В. Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С. Т. Разиным // Средневековые тюрко-татарские государства. 2013. № 5. С. 90-97.

³⁴¹ Каштанов С. М. Ещё раз о месте захоронения останков Степана Разина // Электронный научно-образовательный журнал История. 2014. № 8 (31). С. 5. (Дата обращения 18.07.2017).

Вслед за советскими историками современные исследователи продолжают изучать художественный и фольклорный образ С. Т. Разина.

Т. В. Гераськин и Е. В. Шаронова считают, что в этот ряд советских писателей исторических романов о разиновщине А. Чапыгина, С. Злобина и В. Шукшина также необходимо вписать роман-повествование К. Г. Абрамова «За волю»³⁴² опубликованного впервые в 1995 г. Этот роман освещает последний период восстания в Среднем Поволжье, а ключевыми персонажами являются Акай Боляев и Алёна Арзамасская. Они наделены исторически реальными чертами, так как автор использовал материалы фольклора и исторических документов. Из-за использования фольклора в характеристике Акай Боляева можно усмотреть схожие черты со Степаном Разиным: «Акай Боляев в полной мере сформировавшийся человек, исповедующий гуманное отношение к людям, имеющий сложившуюся, разумно гибкую систему моральных и социальных ценностей, мечтающий об установлении справедливого жизненного порядка»³⁴³.

Песни о Разине распространялись намного шире границ самого движения. М. М. Громыко считает, что фольклор о Разине пострадал от цензуры: «В обстановке запрета исторических песен о Разине и Пугачёве исполнители зачастую опускали наиболее резкие места, особенно те, в которых содержалась угроза властям. По-видимому, следствием подобной "внутренней" самоцензуры явилось отсутствие в большинстве песен о "сынке" Разина концовки, где угрозы Разина и его "сынка" расправиться с губернатором приводились в исполнение»³⁴⁴. В XIX веке в Поволжье бытовала легенда о том, что Разин остался жив. М. М. Громыко ссылается на Н. И. Костомарова, который разделил эти легенды на две группы: Разин мучается за злодеяния; Разин придёт и отмстит за угнетаемый народ. В первом случае – Разин выступает как великий грешник, во втором как социальный мститель, заступник, избавитель. Авторы обращают

³⁴² Гераськин Т. В., Шаронова Е. А. Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст [Электронный ресурс] // Интеграция образования, Т. 19 № 1 (78), 2015. С. 141-148. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://edumag.mrsu.ru/content/pdf/15-1.pdf> (Дата обращения 30.04.2017).

³⁴³ Там же. С. 145.

³⁴⁴ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 471.

внимание на то, что только имя Разина, из всех крестьянских вождей, было представлено в социально-утопических представлениях народа.

Таким образом, современные исследователи представляют Разина как хладнокровного и расчётливого преступника, подготовившего восстание ради получения наживы. Такая характеристика отражает финансовую заинтересованность авторов, которые пишут то, за что платят. До исторической истины им нет дела. Но сложилась малочисленная группа исследователей, которая продолжает работать с документами и использовать новые методы их изучения.

3.3 К. А. Булавин в трудах современных отечественных историков

Постсоветский период историографии представлен работами О. Г. Усенко, Н. А. Мининкова, А. Г. Шкварова.

Специалист по данной теме О. Г. Усенко, в своей статье «К уточнению биографии К. А. Булавина» обратил внимание на ряд спорных вопросов в историографии главы булавинского восстания и его личности. К таким вопросам относятся: происхождение Булавина, пребывание его на должности бахмутского атамана, вероисповедание Булавина и причины выступления. Уточнение биографии К. А. Булавина автор начинает с выяснения причин конфликта между изюмцами и донцами. Автор указывает, что изюмцы ссылались на царскую грамоту об отписке земель в их пользу, а донцы – на свою «обычность». Действия самого Булавина соответствуют войсковому праву, так как донцы подчинялись приказам только за войсковой печатью Черкаска. Действия Булавина по аресту дьяка А. Горчакова в июне 1706 г., приехавшего для описи земель, были одобрены черкасской старшиной. Но в конце того же года Булавина сняли с поста бахмутского атамана, так как в сентябре 1706 г. была получена грамота царя с выражением недовольства разгромом бахмутских солеварен. Войсковая администрация всю вину переложила на Булавина. Поэтому, по мнению О. Г. Усенко, с февраля 1707 г. «К. Булавин имел все основания считать себя

оскорблённым»³⁴⁵. Любопытно следующее, по мнению историка, Булавин при нападении на отряд Ю. В. Долгорукова преследовал сугубо личные цели: расправиться со своими обидчиками (часть войсковых старшин сопровождала Долгорукова), подорвать позиции войскового атамана Л. Максимова³⁴⁶.

Что касается вопроса происхождения атамана, то О. Г. Усенко предполагает, что Булавин был из числа старожилов казаков. В пользу этого тезиса, приведены следующие аргументы: в Бахмуте он руководил старожилыми казаками, а не голытьбой; к началу XVIII века его отец был станичным атаманом. Автор провёл анализ фамилии Булавина и сделал вывод о том, что в источниках упоминается именно фамилия «Булавин» или «Буловин», а не прозвище или отчество. Следующий вывод автора достаточно неожиданный: «возникает предположение, что К. А. Булавин по своему происхождению не принадлежал к податному сословию. Вполне вероятно, что он вышел из «детей боярских»³⁴⁷. В качестве подтверждения приведена «верстальная челобитная» от имени «Воронежского уезда села Подхлевно сына боярского Васьки Лазарева сын Булавина» от 1670/71 гг. Ещё одним аргументом стало повседневное обращение среди казаков к представителям рода Бoryбиных, которые до поселения на Дону были детьми боярскими. К ним обращались только по фамилии, как и к самому Булавиному.

Опровергает О. Г. Усенко и гипотезу о приверженности К. Булавина к раскольничеству опираясь на «Дело по прошению Бахмутской станицы атамана Кондратя Булавина с товарищи о посвящении оной станицы дьячка Ивана Гаврилова в попы... о постройке церкви во имя Иоанна Предтечи и о даче для оной церковной утвари»³⁴⁸ от 1705 г. Эти же идеи О. Г. Усенко высказывал уже с 1991 г. с момента написания кандидатской диссертации³⁴⁹.

³⁴⁵ Усенко О. Г. К уточнению биографии К. А. Булавина // Россия в XVIII столетии. Вып. 1., 2002. С. 102.

³⁴⁶ Там же. С. 103.

³⁴⁷ Там же. С. 104.

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Усенко О. Г. Социально-политические представления участников народных движений в России XVII–XVIII вв. (на примере восстания К. А. Булавина). [Электронный ресурс] Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 22 с. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://olegusenko1965.narod.ru/index/0-2> (Дата обращения 21.02.2016).

До сих пор публикуются новые архивные материалы по истории восстания. В 2002 г. в сборнике «Новый часовой» (СПб) был напечатан документ, который содержит первое упоминание о Булавине. Это — список с памяти из Адмиралтейского приказа в Посольский приказ от 31 июля 1706 г. Список является частью дела по донесению полковника Изюмского полка бригадира Фёдора Шидловского с жалобой на донских казаков, в которой он описывает события 1705 г., т.е. сюжет разорения Булавиным Бахмутских солеварен. Н. А. Мининков³⁵⁰ — автор публикации утверждает, что этот источник историки ранее использовали, но никто не давал на него ссылку. Булавин выступает в этих событиях как представитель интересов всего Донского казачества, так как его поддерживали донские старшины: «Эти старшины заявили, что войско Донское во главе с войсковым атаманом Лукьяном Максимовым никакого разрешения на осмотр и опись соляных промыслов не давало и, следовательно, действия Булавина также считает правильными»³⁵¹.

Другой историк — А. Г. Шкваров издал в 2010 г. книгу «Петр I и казаки»³⁵², которая разделена на три главы. Каждая из них характеризует один и тот же исторический период, но с разных позиций истории казачества: в рамках религии, борьбы за казацкую вольницу и в рамках государственной службы. При этом исследователь обратил внимание, что история казачества в связи с религией почти не изучалась ранее.

А. Г. Шкваров, опираясь на религиозную составляющую вопроса, считает, что Булавин не мог наложить на себя руки из-за греховности данного действия. Также предпочтительнее погибнуть в бою для статуса и образа жизни казака. Шкваров полагает, что сама расправа (непогребение и надругательство) над телом атамана была необходима именно для религиозного устрашения населения: в Азове его обезглавили, голову насадили на кол, а тело подвесили за ноги. Затем,

³⁵⁰ Мининков Н. А. Первое упоминание о Кондратии Булавине [Электронный ресурс] // Новый часовой, № 13-14. СПбГУ 2002. С. 225-230. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1700-1720/Bulawin/pamjat_golovin_31_07_1706.htm (Дата обращения 18.02.2016).

³⁵¹ Там же.

³⁵² Шкваров А. Г. Петр I И Казаки. [Электронный ресурс]. СПб, 2010. 456 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «groza.ru».

по указу Петра останки Булавина привезли в Черкасск, расчленили и на специально установленных колёсах возили по городку. Само восстание Булавина историк считает продолжением борьбы староверов после 1695 года. Автор не отрицает политического и социального подтекста, но подчёркивает, что в качестве основного лозунга была выдвинута борьба за веру: «Всем старшинам и казакам за дом Пресвятой Богородицы, за истинную христианскую веру и за великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на нас умышляют, жгут и казнят напрасно, вводят нас в еллинскую (новую) веру и от истинной отвращают...». События на Бахмутских солеварнях названы прологом к восстанию Булавина. Нельзя согласиться с Шкваровым, в том, что основу восстания Булавина составляла борьба за веру, так как события на Бахмуте или убийство Ю. В. Долгорукого никакого отношения к религии не имели. Эти события связаны с попыткой казачества защитить свои свободы от посягательства российского правительства. Призыв же постоять за веру имел конкретную цель – пополнить отряды, придать движению легитимный характер.

Историк предполагает, что отец Булавина был слободским казаком Харьковского полка и по каким-то причинам оставил Салтов. Он обратил внимание на расхождение сведений о дате рождения Кондрата Афанасьевича (от 1659 г. до 1671 г.), однако, всё сходится в месте его рождения – указывается территория Войска Донского, станица Трёхизбянская. Рассуждая по вопросу даты рождения Булавина, историк называет 1671 г., так как вероятно, что семья Булавиных покинула Слободщину в период малороссийских смут и междоусобиц 1658-1669 гг. Шкваров перечисляет родственников, которые принимали участие в событиях восстания: родные братья – Антип и Иван, жена Анна (Ульяна) Семеновна, сын Никита (Никифор) и дочь Галина.

Шкваров подтверждает, что действия Булавина были согласованы с войсковой старшиной. Старшиной К. Булавин был замечен не во время бахмутских событий, а раньше, ещё во время азовских походов. Для отстаивания бахмутских солеварен, донская старшина снарядила отряд в 500 человек во главе

с К. Булавиным. Они разгромили все солеварни изюмцев, изъяли соль и продали её.

Действия К. А. Булавина в Шульгинском городке, видятся историку закономерными, как реакция на жестокие расправы проводимые отрядами Ю. В. Долгорукова. После этих событий лозунги Булавина меняются, он начинает призывать к разбою.

А. Г. Шкваров возвращается к вопросу взаимодействия К. Булавина и И. Мазепы. Историография советского периода связь Булавина с Мазепой отрицает, поскольку измена гетмана Петру I остается очевидной, а связь с предателем, бросала тень на «героическую фигуру» мятежного атамана, провозглашённого продолжателем дела С. Разина³⁵³. Булавин пытался привлечь к восстанию казаков Запорожской Сечи, но безуспешно. Оттуда он был вынужден вернуться на Дон, так как И. Мазепа требовал подчиниться царскому указу о выдаче Булавина. Кроме этого, Мазепа снарядил два полка против булавинцев, между которыми состоялась стычка, что подтверждает царская грамота о награждении отличившихся казаков Мазепы в этой схватке. Таким образом, автор документально опровергает связь Мазепы и Булавина.

Когда Булавин стал войсковым атаманом, он понимал, что против царской армии ему не выстоять, поэтому стал рассылать грамоты с просьбами о помощи, а также составил план отхода на Кубань. Этот план впоследствии был осуществлён И. Ф. Некрасовым – сподвижником Булавина. А. Г. Шкваров отмечает коллективность обращений на Кубань, т.е. Булавин писал от Войска Донского, а не от себя лично. Булавинское восстание представляет как часть борьбы старообрядцев не только А. Г. Шкваров, но и исследователь В. Н. Водолазко³⁵⁴.

В итоге К. А. Булавин представлен современными историками как казак из числа старожилов, не имевший связей с раскольниками. Подтверждается версия

³⁵³ Шкваров А. Г. Петр I и Казаки. [Электронный ресурс]. СПб, 2010. 456 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «rgoza.ru».

³⁵⁴ Водолазко В. Н. Старообрядчество на Дону: история и современность (поселения на реке Медведице, старообрядческие имена и говоры) // История и география русских старообрядческих говоров. Сб. ст. // Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. Университет г. Тромсё (Норвегия). М., 1995. С. 5-13.

об убийстве атамана, а не о самоубийстве. Все действия, осуществляемые Булавиным были изначально согласованы с войсковой старшиной Дона.

Личность К. А. Булавина современными историками рассматривается объективно с опорой на документы. Нет работ, которые «раскрывали» бы какие-либо негативные сенсации. Думается это связано с тем, что персоне К. А. Булавина не так тесно связана с крестьянским движением, как Разин или Пугачёв, и не пользуется популярностью среди широких масс. Казаческое же движение сейчас является одной из опор власти, как и в период империи. По этой причине нет заказа антикоммунистов на дискредитацию его исторической памяти.

3.4 И.Ф. Некрасов в работах историков современности

Подобное отношение, как и к личности К. А. Булавина, наблюдается у современных историков к персоне Игната Некрасова. К этому можно добавить чисто этнографический интерес к истории некрасовцев. Современные исследователи истории казаков-некрасовцев помимо устных преданий самих казаков в качестве источника используют предметы материальной культуры. Например, для З.В. Рубцовой объектом изучения стал костюм казачек-некрасовок³⁵⁵. В рамках краеведения, изучается вопрос о жизни и пути переселения некрасовцев. Существует множество сайтов и форумов, на которых есть материалы по данному вопросу, где в ходе переписки, люди пытаются узнать что-то о своих родственниках некрасовцах.

Одним из ведущих нынешних специалистов по изучению некрасовского движения является профессор Южного федерального университета (ЮФУ) Д. В. Сень. В диссертации использован ряд его статей. В 1998 г. вышла статья «Новые материалы о социально-политическом положении некрасовских казаков на Кубани в начале XVIII в.»³⁵⁶, в которой были опубликованы документы по указанной теме из госархива Ростовской области. Эти документы отражают

³⁵⁵ Рубцова З. В. Одежда казачек-некрасовок // История и география русских старообрядческих говоров. Сб. ст. Ун-т г. Тромсё (Норвегия). М., 1995. С. 102-112.

³⁵⁶ Сень Д. В. Новые материалы о социально-политическом положении некрасовских казаков на Кубани в начале XVIII в. [Электронный ресурс] // Вопросы северо-кавказской истории: Сб. науч. ст аспирантов и соискателей. Армавир, 1998. Вып.3. С. 39–46. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.cossackdom.com/doc/sen_newmaterial.pdf (Дата обращения 20.03.2016).

стремление правительства вернуть ушедших казаков (1709 г., мая 22 – Отправление в Крым дворянина Василия Блеклаго с письмами от канцлера графа Головкина к крымскому хану Девлет-Гирею об отдаче изменников казаков некрасовцов и с подарками мягкой рухляди). Стремление российского правительства вернуть некрасовцев понятно. Во-первых, это была мощная военная сила, которая не один век защищала южные границы России от крымцев. Во-вторых, это был принципиальный вопрос авторитета царской власти, которая должна была справиться с локальными беспорядками в своём государстве. Крымский хан Дивлет-Гирей обещал наказать некрасовцев, а также заверял российского посла в том, что дал отказ некрасовцам селиться в Крыму. Хотя известно, что исторически этого так и не произошло, турецкое правительство отказывалось выдавать казаков, используя их военную силу в собственных интересах.

Одним из вопросов, который изучает Д. В. Сень в рамках некрасовского движения – это процесс адаптации казаков на территории Кубани³⁵⁷. По словам профессора, сам переход стал шоком для казаков, искавших убежища. С одной стороны, ясно, что при смене места проживания, некрасовцы испытали определённое эмоциональное потрясение. Но с другой стороны, вряд ли это был шок, скорее они должны были испытывать облегчение и радость, так как остались целы. Да и условия их поселения были более чем благоприятны. Д. В. Сень уверен, что первоначально некрасовцы расселились на месте проживания ранних переселенцев казаков-староверов. Это было безопасное место на окраине Крымского ханства. Постепенно положение некрасовцев стабилизировалось. Д. В. Сень видит это в том, что казаки участвовали в войне 1710–1711 гг. на стороне Крыма, принимали участие в дележе военной добычи, брали в плен русских, организовывали походы в Россию. В частности, то, что после заселения

³⁵⁷ Сень Д. В. Казаки-некрасовцы: некоторые аспекты адаптации на территории Крымского ханства в XVIIIв. [Электронный ресурс] // Казаки-некрасовцы: Сб. мат-в региональной научно-практической конференции «Казаки-некрасовцы на перекрестке культур (пос. Новокумский Левокумского р-на Ставропольского края, октябрь 2007 г.)» / Отв. за выпуск З. А. Белая. Ставрополь: ООО «Полиграфпром», 2008. С.47–54. Электрон. версия печат. публ. URL: http://www.cossackdom.com/articles/s/sen_kozaknekras02081.htm (Дата обращения 23.03.2016).

на Кубань игнат-казаки активно вторгались на территорию Дона, подтверждает материал статьи И. И. Дмитриенко. Он разобрал указы, которые предусматривали меры наказания для шпионов И. Некрасова при переходе через пограничные города. В этих указах, шпионам Некрасова придаётся статус государственных злодеев. Тех, кто не сообщил о шпионах, карали смертной казнью³⁵⁸.

Современный исследователь А. Г. Шкваров внёс свой вклад в изучение булавиинцев и некрасовцев. Уход отряда казаков-староверцев в мусульманскую Турцию исследователь считает парадоксом, хотя казаки себя всегда позиционировали как борцов с иноверцами, «рыцарями православия». Это противоречило духовной позиции, которую они занимали и отстаивали. Автор считает, что уход казаков после восстания К. Булавина был завершением ранее составленного плана, кроме того, были прецеденты (уход казаков с Дона после событий 1688 года). Поселились некрасовцы в междуречье Кубани и Лабы по согласованию с крымским ханом. Освоились достаточно быстро. Стали грабить русские окраины и брать пленных, которых потом продавали туркам. Под турецким флагом участвовали в походах. На обжитой территории некрасовцы строили церкви, монастыри, по словам А. Г. Шкварова «уже не Дон, а Кубань в глазах староверов становится оплотом православия и святым местом»³⁵⁹. Здесь же закладывается сакрализация самого Игната Некрасова – первого атамана этой казачьей республики. Кодекс общежития некрасовцев – «заветы Игната» А. Г. Шкваров называет полноценным законодательством казачьей республики. Историка привлекли не только действия И. Некрасова, но и его фигура. В большей части работ он назван атаманом Есауловского городка. Однако, автор указывает и на сведения о том, что И. Некрасов являлся уроженцем Голубинского городка (совр. – ст. Голубинская Волгоградской обл.). В итоге Игнат Некрасов представлен как человек, осуществивший план по переходу на Кубань. Благодаря ему казаки создали самостоятельное поселение, жители которого соблюдали ряд

³⁵⁸ Дмитриенко И. И. К истории Некрасовцев на Кубани // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 1. Екатеринодар, 1899. С. 66.

³⁵⁹ Шкваров А. Г. Петр I И Казаки. [Электронный ресурс]. СПб, 2010. 456 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «prgoza.ru».

правил – «Заветы Игната». Они также продолжили борьбу с царским правительством.

Скудость документальных источников о жизни казаков-некрасовцев вынуждает современных историков активнее использовать устные предания, предметы быта и одежды, топонимику. Современная историография личности Некрасова малочисленна. Хотя сегодня в пространстве социальных сетей некоторые потомки некрасовцев пытаются отыскать своих братьев по идее, чтобы восстановить историю игнат-казаков. В свете всего выше сказанного, современные историки могут составить лишь опосредованный образ И. Ф. Некрасова.

3.5 Постсоветская историография о Е. И. Пугачёве

После революции интерес к персоне Емельяна Ивановича не утих. Продолжают печататься сборники документов, уточняются факты его биографии, изменяются оценки событий. Историография вопроса представлена трудами следующего ряда авторов – Р. В. Овчинникова, Е. Н. Трефилова, В. Я. Мауля, а также, материалами современных издательств «Вече» и «Де Агостини».

В 1970-е гг. Реджинальд Васильевич Овчинников начал изучать и публиковать материалы, связанные со следственным делом о пугачёвщине. В 1995 г. он опубликовал источниковедческое исследование «Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками», в котором проанализировал огромный массив документов. Освещён следственный процесс над Пугачёвым в Яицком городке, Симбирске, Москве. Для установления достоверности или пробелов в показаниях Пугачёва исследователь прибег к перекрёстному анализу разных групп источников, поэтому этот труд является примером блестящей источниковедческой работы. У созданной секретной розыскной комиссии были определённые задачи, которые она решала – установление обстоятельств происхождения самозванства Пугачёва и выявление инициаторов восстания (подразумевалась связь с иностранцами или представителями знати)³⁶⁰.

³⁶⁰ Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками : Источниковед. исслед.

Достижения пугачёвцев секретная комиссия была склонна связывать с качествами личности самого предводителя восстания: ум, предприимчивость, актёрство³⁶¹. Исследователь уверен, что даже если бы восьмого сентября 1774 г. Пугачёв не был бы схвачен казаками, всё равно через несколько дней был бы взят правительственными войсками, так как они уже обступили отряды Пугачёва со всех сторон. Таким образом, его участь была неизбежна.

В 1997 г. состоялась первая публикация протоколов следственных показаний Е.И. Пугачёва в сборнике, подготовленном Р. В. Овчинниковым. Р. В. Овчинников, считает, что восстание Пугачёв готовил, оно не было спонтанным. Оценка Пугачёва не однобока, показаны как положительные, так и отрицательные его черты: «Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетённому народу. Но порою в поступках его проявлялось и плутовство, и коварство, и мстительность, и даже жестокость»³⁶². Людей в Пугачёве привлекала его энергия и страстная жажда лучшей жизни.

При анализе материала первого допроса Пугачёва произведённого следователем Мавриным, историк обратил внимание на то, что в нём не встречаются уничижающие характеристики Пугачёва и его соратников. Дознаватель проникся уважением к Пугачёву из-за его достойного и мужественного поведения во время допроса. Именно этот допрос исследователь считает наиболее достоверным. Материалы допросов в Симбирске основаны на ложных показаниях Пугачёва, так как его пытали. Допрашивал и пытал П. Потёмкин. Емельян Иванович оговаривал всех, кого только мог вспомнить под действием истязаний. Но из материалов этого допроса всё же можно почерпнуть информацию, соответствующую действительности с опорой на критический анализ. Удивляет феноменальная память мятежника, в которой сохранились множественные подробности его жизни.

М., 1995. С. 9.

³⁶¹ Там же. С. 16.

³⁶² Емельян Пугачев на следствии : Сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко]. М., 1997. С. 24.

Во введении указанного сборника подробно характеризуются личности дознавателей и лиц, которые прямо или косвенно принимали участие в следствии по делу Пугачёва. Состояние же самого Е. И. Пугачёва во время следствия было не самым лучшим. Уже в Москве возникли опасения за его жизнь.

Относительно следа старообрядцев в деле восстания, указано, что раскольники, имена которых называл Пугачёв на следствии, при допросах и очных ставках свою причастность к организации восстания отрицали. Учтена тенденциозность документов в оценках действий пугачёвцев, что выражалось «в чрезмерном внимании следствия к фактам расправ повстанцев со своими врагами, причём факты такого рода преподносились в протоколах дознания в извращённом виде»³⁶³. До сих пор, огромнейшая источниковедческая работа, проведённая Р. В. Овчинниковым по истории пугачёвщины, является единственной в своём роде.

В книге издательства «Вече»³⁶⁴ Пугачёв представлен безвольным и подконтрольным человеком. Он пустился в бега, укрываясь от армейской службы (эта же версия фигурирует в школьных учебниках по истории России). Лидерские качества и желание выделиться проявлялись в нём уже с юношеского возраста. Его самозванство являлось холодным расчётом. Касательно отношений, которые складывались между Пугачёвым и яицкими казаками, составитель издания высказывает мысль о том, что Пугачёв был не кем иным как заложником казаков, которые использовали его в своих целях – заменить собой дворянство. Но этот тезис опровергается исследователем Е. Н. Трефиловым.

Современный историк В. Я. Мауль подчёркивает, что становление Пугачёва происходило в переходный период – кризис традиционной идентичности: «В условиях социокультурного противостояния традиционализма и модернизации, когда привычный мир человека рушился буквально на глазах, идеализируемая простонародьем старина становилась символом спокойствия и благополучия»³⁶⁵.

³⁶³ Емельян Пугачев на следствии : Сб. док. и материалов... С. 53.

³⁶⁴ Муромов И. А. Сто великих авантюристов. М., 2003. 605 с.

³⁶⁵ Мауль В. Я. Штрихи биографии Е. И. Пугачёва в социокультурном контексте переходной эпохи: опыт нового прочтения // Вестник Томского ун-та, 2005. № 40. С. 45.

Для защиты традиционных ценностей был избран бунт. Идея поднять и возглавить восстание у Пугачёва созрела не сразу. Автор попытался выяснить, почему из множества других самозванцев, именно Е. И. Пугачёв смог реализовать идею бунта и увлечь за собой многотысячные массы людей. Во-первых, он обладал определённой харизмой, которой не было у других претендентов. Во-вторых, наличие высокой самооценки и особого психологического склада помогало Пугачёву. «Патриотизм, монархизм, православная религиозность при склонности к дохристианским суевериям, ненависть к врагу, но в тоже время – полная терпимость в своей среде к людям нерусской этнической и нехристианской религиозной принадлежности»³⁶⁶ – это те качества, которые были усвоены Пугачёвым с детства среди казачества. Из-за переходности периода у Пугачёва отсутствовали базовые установки, что способствовало тому, «что вся жизнь Пугачёва изобиловала многочисленными метаморфозами, не свойственными обычному рядовому простецу, принадлежащему к традиционному обществу»³⁶⁷. Его неутомимый нрав, жаждущий активности, проявлялся уже в детстве. Есть предположение, что героем его детства был Степан Разин, так как они происходили из одной станицы – Трёхизбянской. По крайней мере, знать о нём Пугачёв мог. Когда Пугачёв заболел и был вынужден вернуться с театра военных действий русско-турецкой войны, он не смог остаться на месте, из-за своего непомерного желания получить признание окружающих. С подобными запросами на реализацию своего потенциала, запало в память Пугачёву наказание (был побит плетью), учинённое над ним полковником И. Денисовым за потерю его лошади во время службы, что нанесло Пугачёву, по мнению исследователя, психологическую травму. Это мнение будет оспариваться другим современным историком Е. Н. Трефиловым. В. Я. Мауль подчёркивает, что не каждый мог так просто поменять имя, так как «человек, менявший имя, внешний вид, поведение тем самым фактически заявлял о разрыве со своим прошлым, разрывал все связи со священным миром усопших родственников, покидал пределы сакрального

³⁶⁶ Мауль В. Я. Штрихи биографии Е. И. Пугачёва... С. 47.

³⁶⁷ Там же. С. 48.

локуса»³⁶⁸. В этом проявилась переходность периода, когда буквально ломались старые традиционные установки. Назваться в конечном итоге императором, после примерки стольких образов, Пугачёва побудило его высокая самооценка.

Пугачёв подстраивался под стереотипный образ «хорошего» и «истинного» царя. В. Я. Мауль усматривает схожесть в линии поведения Е. И. Пугачёва в качестве Петра III с поведением предыдущих самозванцев, например, Лжедмитрием I и Лжедмитрием II. Он демонстрировал царские знаки на теле; обладал благочестием – приверженность православию, соблюдение придворных ритуалов и др.; прибегал к демонстративному узнаванию своей персоны. Непрерывные победы были признаком истинного царя: «Поэтому разочарование в «истинности» самозванных царей (царевичей) усиливалось по мере постигавших их поражений, в глазах их почитателей, явно обнаруживало незаконность претензий на высший титул»³⁶⁹. Использована была Пугачёвым и легенда о чудесном спасении – ещё один атрибут «истинного» избавителя. Исследователь проанализировал причину выбора Пугачёвым имени именно Петра III. Он заключает, что народ привлекало в нём непродолжительное время правления, а также, таинственные обстоятельства отстранения и смерти. В результате, сложился идеальный образ царя-защитника, который пострадал за своё заступничество в пользу простого народа. Но исследователь предостерегает читателя: «Речь могла идти не о точности зеркального отражения, а о символе монархической утопии»³⁷⁰. Таким образом, в работах В. Я. Мауля Е. И. Пугачёв – это уникальная личность, которая смогла сложиться в переходный исторический период. В силу сложившихся условий и своего особого желания выделиться, Пугачёв смог спланировать и учинить восстание. Образ императора Петра III Е. И. Пугачёв привёл в соответствие с народными представлениями о «хорошем» царе-защитнике.

Работы В. Я. Мауля ценны не только основательным подходом по изучению

³⁶⁸ Мауль В. Я. Штрихи биографии Е. И. Пугачёва ... С. 53.

³⁶⁹ Мауль В. Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачёвского восстания) // Вестник Томского ун-та, 2005. № 40. С. 14.

³⁷⁰ Мауль В. Я. Самозванные цари и царевичи.... С. 29.

пугачёвщины, но и потому что они содержат новые подходы в изучении восстания и личности Е. И. Пугачёва – психоанализ исторической личности³⁷¹. Пугачёв совсем не случайно стал во главе восстания, так как его личность стала зеркальным отражением переходного исторического периода, который спровоцировал кризис культурной самоидентичности. Имея возможность жить в соответствии с традиционным казачьим укладом, Пугачёв пренебрёг этим, решив реализовать своё непомерное желание выделиться с помощью новых, для своего времени, методов. Ещё одно перспективное направление в изучении исторической личности, которое разрабатывает В. Я. Мауль – история тела³⁷². Исследователь отвергает версии о том, что Пугачёв в 1771–1772 гг. перенёс «французское» заболевание (сифилис), туберкулёз кожи («золотуха») или чумную болезнь, так как эти заболевания не схожи с теми симптомами, которые указывал сам Пугачёв. Автор склоняется к тому, что Пугачёв болел одной из форм пиодермии*. Это заболевание относительно легко переносится, что подтверждается фактом отъезда Пугачёва к своей сестре. Это заболевание было для Пугачёва не столь тяжело, как стало предлогом не возвращаться в армию.

Обобщающая характеристика Е.И. Пугачёва дана в журнале «Наша история. 100 великих имён» за 2010 год. Журнал позиционирует себя как энциклопедическая коллекция. Издавался он в 2010–2012 гг. Номер издания полностью посвящён Е. И. Пугачёву. В небольшом вступлении он характеризуется следующим образом: «Донской казак, в силу стечения обстоятельств ставший бродягой, решил бороться с несправедливостью окружающего мира самым отчаянным образом – и превратился в самозванца». Описание происхождения атамана совпадает с работами предшествующих историков: начинается повествование с судьбы деда Емельяна Ивановича, от которого он перенял прозвище «Пугач»; описано его участие в семилетней войне;

³⁷¹ Мауль В. Я. Некоторые черты биографии Е. И. Пугачёва: социокультурный и психоаналитический подходы // В сб.: Историческая психология в XXI веке: теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований. Сб. ст. II Всероссийской заочной науч. конференции. редактор-составитель К. В. Скобелев. 2013. С. 20-27.

³⁷² Мауль В. Я. Загадка болезни Е. И. Пугачёва (об одном казусе из предыстории русского бунта) // Вестник Томского государственного ун-та. 2014. № 382. С. 113-118.

* Гнойно-воспалительные заболевания кожи

участие в отлове беглых людей в Польше; болезнь золотухой во время русско-турецкой войны. Слишком многое в биографии Пугачёва и его действиях отводится случайности: «Прожив в Черкасске около двух недель, Пугачёв принял роковое решение: он вздумал съездить в Таганрог, где жила сестра Федосья с мужем Симоном Павловым»³⁷³.

Сделано замечание, касающееся внешнего облика Пугачёва, на основе его паспорта, выданного на Добрянском форпосте в 1772 г. при переходе польско-русской границы: «Обратите внимание: 30-летний Пугачёв уже начал сесть. Десяток лет он, несомненно, добавил от себя, но характерно, что это не вызвало подозрений у пограничников. Видимо, потрясения последнего года сказались и на его внешнем облике»³⁷⁴. Замечание это связано с тем, что в выданном паспорте написано, что возраст Пугачёва примерно сорок лет.

Касательно полноты власти Пугачёва в своём войске, авторы издания подчёркивают, что она была больше демонстративной, нежели действительной. Так, например, когда Е. И. Пугачёв отлучился из Бердской станицы во время осады Яицкого городка, казаки расправились с его любовницей Татьяной Харловой. Хотя, Е. Н. Трефилов приводит ещё одну версию о судьбе Татьяны Харловой, которая состоит в том, что она была убита по указу самого Пугачёва³⁷⁵. Авторы видят связь между выдачей казаками Пугачёва правительству и их физической и моральной усталостью за время восстания.

Сегодня история пугачёвщины продолжает изучаться в рамках регионоведения. Поднимаются вопросы о причинах вступления той или иной категории населения в строй пугачёвцев³⁷⁶, об отношении к пугачёвщине современников (в том числе Екатерины II³⁷⁷), которое было неоднозначным.

³⁷³ Наша история. 100 великих имен: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО "Де Агостини". М., 2010. С. 8.

³⁷⁴ Там же. С. 10.

³⁷⁵ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 95.

³⁷⁶ Курьшев А. В. Волжское казачье войско и повстанческое движение под предводительством Е. Пугачёва // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2004. № 9. С. 54-73.

³⁷⁷ Кочережко С. С. Некоторые вопросы восприятия Екатериной II восстания Е. И. Пугачёва. 1773–1775 гг. // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 58-71; Кочережко С. С. Проблема подавления пугачёвского восстания 1773-1775 гг. в социальной психологии российского дворянства последней четверти XVIII в. // Вестник Самарского государственного экономического ун-та. 2014. № 1 (111). С. 94-100.

Новизну подходов в изучении темы можно усмотреть и в работе с источниками пугачёвщины – рассмотрение ранее изученных документов о пугачёвщине для изучения идеологии восставших³⁷⁸.

Попытку дать социально-психологическую характеристику личности Е. И. Пугачёва сделал А. А. Королев³⁷⁹. Эта комплексная характеристика складывается из анализа социально-экономической ситуации в стране на момент жизни Пугачёва, а также, из особенностей мышления людей того периода (например, вера в царя-избавителя). С другой стороны, в эту характеристику включены личные качества Пугачёва – уровень образования, лидерские качества, его умение играть на публике и др.

Ещё один интересный взгляд на личность и действия Е. И. Пугачёва выразил Ю. В. Микитюк³⁸⁰, который провёл правоведческий анализ пугачёвщины. С этой позиции, автор объявляет Пугачёва террористом, так как его действия соответствуют тем характеристикам, которые в источниках права трактуются именно как террористические. В первую очередь, речь идёт о нарушении общественной безопасности и использование устрашения с целью влияния на население и правительство. Но эти сведения, о том, что действия Пугачёва и его сообщников были противоправны, не были никогда спорным вопросом для историков всех периодом. Более примечателен другой аспект данной статьи. Ю. В. Микитюк уверен, что Пугачёв имел зарубежных спонсоров – Османская империя или Франция. Здесь нельзя не возразить, так как этот вопрос о возможном вмешательстве стран-противников в восстание Пугачёва интересовал императрицу и дознавателей перво-наперво надо было выяснить именно этот вопрос после поимки Пугачёва. По свидетельствам Р. В. Овчинникова и Е. Н. Трефилова во время следствия над Пугачёвым у дознавателей не было

³⁷⁸ Моршинина А. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва как источник изучения идеологии восставших в годы Крестьянской войны 1773-1775 годов // Студенческая наука и XXI век. 2005. № 2. С. 49-51; Кочережко С. С. Малоизученные дворянские воспоминания о «Пугачёвщине»: «Журнал из домашних записок» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14. № 4. С. 5-9.

³⁷⁹ Королев А. А. Самозванство в России в прошлом и настоящем: социокультурный и историко-психологический аспекты // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 118-137.

³⁸⁰ Микитюк Ю. В. Историко-правовой анализ признаков преступлений террористического характера в российском государстве (на примере бунта Емельяна Пугачёва) // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2017. № 1 (35). С. 109-114.

никаких сомнений об отсутствии иностранного вмешательства. Кроме этого, дознавателем над Пугачёвым во время третьего заключительного допроса Екатерина II назначила главу Тайной экспедиции С. И. Шешковского, который сыскал себе славу профессионала в своём деле. Какое впечатление производил на арестантов С. И. Шешковский иллюстрирует эпизод с арестом автора «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Когда к нему явились люди для произведения ареста и он узнал, что они от Шешковского, Радищев упал в обморок.

Своё видение личности Е. И. Пугачёва изложил современный профессиональный историк Евгений Николаевич Трефилов в книге «Пугачёв». Е. Н. Трефилов опирался не только на изданные источники, но и на неопубликованные архивные материалы. Автор уверен, что Пугачёв не был раскольников. В этом вопросе он ссылается на показания самого Пугачёва и его первой жены Софьи Недюжевой, которые никак не были связаны (показания его жены были получены до его ареста).

Е. Н. Трефилов считает несостоятельным утверждение В. В. Мавродина о том, что Пугачёв впервые испытал жестокость крепостной системы, когда был наказан плетью за то, что упустил лошадь полковника Денисова во время Семилетней войны. Подобная мера наказания не могла быть видена и испытана Пугачёвым впервые, так как казаки в своей среде также применяли телесные наказания: «эта версия несостоятельна хотя бы потому, что Пугачёв был наказан за оплошность своим же казачьим полковником»³⁸¹. Автор соглашается с мнением В. Я. Мауля, что самооценка Пугачёва была чрезмерно высока, что сказывалось на его восприятии происходивших событий. В том числе, это могло сказаться на том, что Е. И. Пугачёв запомнил эти побои и сам о них рассказывал на следствии.

Подвергнуты жёсткой критике показания Пугачёва на следствии на предмет достоверности событий, о которых говорил Пугачёв. Он выявил множественные разногласия в показаниях, пытаясь определить где правда, а где вымысел. Для этого исследователь предпринял параллельный анализ источников, сравнивая

³⁸¹ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 19.

показания Пугачёва и лиц, которых он упоминал в допросах. Например, в побеге во время его конвоирования из станицы Чирской в Черкасск в 1772 г., он оговорил Лукьяна Ивановича Худякова. Пугачёв утверждал, что именно Худяков спланировал и организовал его побег, но сам Худяков это отрицал на следствии. Автор склоняется к версии Худякова. С другой стороны, Пугачёв начал оговаривать других в тех или иных действиях после того, как на допросе в Симбирске к нему начали применять физические меры давления – пытки. Так на первом допросе Е. И. Пугачёв утверждал, что он по собственной инициативе принял имя покойного императора. Во время второго допроса после истязаний, он оговаривает в этом Логачёва и Кожевникова. Уже на третьем допросе в Москве, «Пугачёв превратил этот оговор в красочный рассказ»³⁸². Здесь явно прослеживается преемственность идей, высказанных Р. В. Овчинниковым.

Однозначно утверждается позиция об отсутствии заговора старообрядцев в рамках пугачёвщины, так как «заговорщики» «палец о палец не ударили для осуществления своего предприятия»³⁸³. Таким образом, исследователь заключает, что Пугачёв самостоятельно принял на себя имя Петра Фёдоровича: «И в этом поступке нет ничего удивительного, ведь он и раньше постоянно врал: то назывался благочестивым старовером, то богатым купцом. Причём перевоплощался Емельян, как правило, в людей, стоящих на социальной лестнице гораздо выше, нежели он сам. Объясняется это не только его богатой фантазией, но и непомерными амбициями»³⁸⁴. Историк отвергает идею советских исследователей о том, что целью деятельности Пугачёва было сострадание к простому народу. Но при этом, не исключено, что Пугачёв действительно испытывал подобные чувства.

Был поднят вопрос о разврате и пьянстве Е. И. Пугачёва. Сам Пугачёв на допросах показывал, что девки, которые допускались в его покои, только прислуживали ему. Это же подтвердила и его первая жена Софья Недюжева на допросе в сентябре 1774 г. С другой стороны, одна из таких прислужниц по имени

³⁸² Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 47.

³⁸³ Там же. С. 49.

³⁸⁴ Там же.

Авдотья рассказывала, что она и ещё одна девушка всегда спали в одной постели с «государем»³⁸⁵. По свидетельству Е. Н. Трефилова, наличие нескольких наложниц у Пугачёва подтверждают и другие источники. Что касается пьянства в лагере Пугачёва, то о нём рассказывали и сами пугачёвцы на следствии. Но были принимаемы меры, направленные против пьянства, правда, не всегда успешные. Сам Емельян Иванович в выпивке был умерен.

Е. Н. Трефилов первым из исследователей раскрывает причины создания Е. И. Пугачёвым «Военной коллегии». По его мнению, Пугачёв хотел сложить с себя часть управленческих полномочий касательно разбора жалоб и дел повстанческих командиров. Причина создания «Военной коллегии» Пугачёвым сегодня в историографии рассматривается как подражание устройству государственного управления времён Екатерины II. Поэтому официальной точкой зрения выступает положение, по которому Пугачёв не желал менять существующий строй, а хотел лишь заменить управленцев.

Жестоких расправ хватало как со стороны повстанцев, так и со стороны правительства. По сведениям Е. Н. Трефилова, Пугачёв не только мог наблюдать за казнью, но и руководить ею. Расправе пугачёвцы подвергали перебежчиков, шпионов, людей, заподозренных в сомнении по отношению к персоне «императора». Подчёркивается социальность жестокости пугачёвцев. Речь идёт о том, что Пугачёв руководствовался народными представлениями о справедливости. Не зря в мифах Е.И. Пугачёв предстаёт как воплощение народных представлений о справедливости³⁸⁶

Но ответственность за расправы Е. И. Пугачёв во время следствия, перекладывал на своих подчинённых – яицких казаков. Сами же казаки утверждали обратное. Есть свидетельства очевидцев, которые показывали, будто сподвижники Пугачёва трепетали от страха перед ним. В связи с этим, историк обращается к вопросу о том влиянии, которое оказывали на атамана яицкие казаки. Он справедливо заключает, что всё-таки Емельян Пугачёв являлся

³⁸⁵ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 126.

³⁸⁶ Голованов И. А. Народные заступники и цари-избавители в фольклоре Урала и Башкирии // Русская речь. 2011. № 5. С. 96-99.

фигурой самостоятельной. Это суждение подтверждено сюжетом о казни полковника пугачёвской армии – Дмитрия Лысова: «...самозванец без всяких последствий для себя мог казнить влиятельного яицкого казака»³⁸⁷. По вопросу о вероисповедании Е. И. Пугачёва высказано мнение о том, что старообрядцем он не был, но потакал казачеству в этом вопросе – в повстанческом лагере общепринятой религией являлась старая вера, а за разорение никонианских церквей, никто из пугачёвцев не подвергался наказанию или порицанию (хотя сами повстанцы отрицали разорения церквей и автор склонен доверять именно этим показаниям).

В самый разгар восстания важным событием явилась женитьба Пугачёва на Устинье Кузнецовой первого февраля 1774 года. Пугачёв показывал на следствии, что именно казаки предложили ему жениться. Старшины войска, в свою очередь, утверждали, что Пугачёв сам принял это решение и они даже отговаривали его от этой затеи. В итоге вопрос инициативы в этом деле остаётся открытым для исследователя. Сама Устинья была принуждена выйти замуж за «императора» и во время сватовства плакала от горя. У неё возникли сомнения о Пугачёве, так как её социальный статус не соответствовал его «императорскому» статусу.

Без сомнения, Пугачёв обладал определёнными воинскими навыками и познаниями. Но вряд ли Пугачёв был хорошим минёром, как о нём отзывались современники, так как во время осады Яицкого городка повстанцам пришлось повторно делать подкоп для закладки пороха, потому что в первый раз подвели расчёты, составленные именно Пугачёвым. Но надо учитывать, что о подкопе стало известно защитникам крепости. Также он обладал полководческим талантом. Это подтверждает тот факт, что самозванец реально возглавлял своё войско, а не номинально. Екатерининские полководцы тоже писали в своих рапортах о полководческом таланте Пугачёва. Подтверждает Евгений Николаевич и то, что Пугачёв был человеком храбрым, но не безрассудным: «Возможно, тот факт, что за все военные компании, выпавшие на долю Пугачёва, он был ранен всего лишь однажды, да и то легко, объясняется сохранением им присутствия

³⁸⁷ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 161.

духа и осторожностью»³⁸⁸.

Проведён анализ тех средств, которые Пугачёв использовал для «игры в царя»: «учредил гвардию, “Военную коллегую”, для своей жены Устины завёл “фрейлин” и т.д. Кроме того, чтобы походить на Петра III, самозванец частенько рассказывал о любви к “сыну” Павлу Петровичу и ненависти к “неверной жене” Екатерине Алексеевне. Весьма интересно и то, что, зная о существовании у реального Петра III любовницы (речь идёт о Елизавете Романовне Воронцовой), Пугачёв и эту информацию использовал в своей игре в царя»³⁸⁹. Пугачёв использовал и немецкое происхождение настоящего императора, делая вид, что пишет на немецком языке. Занятно замечание автора о том, что Пугачёв подражал не реальному образу Петра Фёдоровича, а тому образу, который составил народ. К этому относятся его рассказы о вынужденном бегстве и скитаниях. Здесь же всплывает легенда о посещении «императором» римского папы для получения благословения, уже упоминавшаяся в работе А. И. Дмитриева-Мамонова «Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири». Удивляет автора, что Пугачёв не прибегал к царской атрибутике – короне, например. Но, он старался выдерживать свою речь, что не всегда у него получалось.

Современная история много внимания уделяет изучению мировоззрения определённых групп населения в тот или иной исторический период. Это помогает лучше понять причины происходивших событий. Авторы книги «О воззрениях русского народа» (2000 г.) поставили перед собой задачу, которая состоит в том, чтобы рассказать «на профессиональном уровне, опираясь на многообразные и достоверные источники, о тех представлениях русских, которые наиболее характерны для них, как народа, органично присущи им, как русским»³⁹⁰. Основой повествования является рассказ о религиозной стороне жизни русских, так как православие являлось основой их жизни. Проведены аналогии с современностью. Две части книги из трёх посвящены именно религии и её восприятию народом. Третья часть представляет отношение русских к

³⁸⁸ Трефилов Е. Н. Пугачев. М., 2015. С. 213.

³⁸⁹ Там же. С. 228.

³⁹⁰ Громыко М. М. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 3.

отечеству и царю. По мнению автора, это отношение отчётливо видно в переломные моменты истории. Избирательность выступает как важнейшая особенность исторической памяти: «Народное сознание выделяет наиболее значимые эпохи и события»³⁹¹. Подобные труды могут помочь сформировать образ личности крестьянского вождя в народном представлении.

Вплоть до XIX века память о каких-либо событиях передавалась устно в виде исторического фольклора, в котором также содержалась оценка событий. При этом, все жанры народного творчества имели свои законы развития (былины, песни, предания). В книге содержатся сведения о таких личностях как К. А. Булавин, С. Т. Разин и Е. И. Пугачёв.

Фольклор, содержащий сведения о Пугачёве обычно разделяют на два блока: 1) повествования о Пугачёве-императоре Петре Фёдоровиче; 2) короткие рассказы об отдельных событиях восстания и о пугачёвских кладах. Сбор основного фольклорного материала по теме проходил в 60-70-е гг. XIX века. Историки подтверждают, что первым собирателем фольклора о Пугачёве был А. С. Пушкин, который совершил поездку по местам восстания. Удивительно, но по сравнению с объёмом материала о Разине, объём сведений о Пугачёве скуден и география распространения невелика. О восстании С. Т. Разина было известно даже жителям Сибири, что подтверждает работа С. Р. Хмыровой³⁹². Авторы утверждают, что скудость песен и преданий о Пугачёве не является показателем того, что их было мало и что они не пелись.

Основной мотив песен пугачёвского цикла - расправа пугачёвцев с господами-помещиками – «рассказы эти похожи один на другой, они вполне устойчивы и лишены фантастического элемента»³⁹³.

В крестьянской среде также встречались антипугачёвские песни и предания. Авторы приводят пример такой песни, суть которой сводится к тому, что при царице Екатерине жилось народу хорошо, но пришёл на землю Русскую Пугачёв

³⁹¹ Громыко М. М. О воззрениях русского народа. М., 2000. С.423.

³⁹² Хмырова С. Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII-конце XIX вв. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2006. 23 с.

³⁹³ Громыко М. М. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 473.

и стал нарушителем спокойной жизни народа и государства. В подобных песнях подвергается осуждению жестокости Пугачёва и его соратников. Крестьяне вспоминали, как пугачёвцы расправлялись со священниками, с господами, которым они сострадали в их положении. Есть предания, в которых говорится о том, как крестьяне вооружались и учились стрелять, чтобы отбиваться от пугачёвцев. Это не удивительно, так как такие отряды действительно создавались на территории уральских заводов. Хотя при всём этом, крестьяне не оспаривали масштабность событий пугачёвщины, что также отражается в преданиях. Например, некоторые губернии вели своё летоисчисление от восстания Пугачёва, когда соотносили то или иное событие с восстанием (было оно до, во время или после пугачёвщины).

Примечательно, что песни о народных вождях часто переплетались по сюжету. Так авторы книги приводят в пример песни, где в одном временном пространстве живут и содействуют Ермак Тимофеевич, Разин, Мазепа, Отрепьев. Или песни, в которых Разин переносится в XVI век, и помогает Ивану Грозному брать Казань, или даже сам берёт Казань: «На основе разинского репертуара довольно часто возникали песни о Пугачёве. Так была создана песня "Пугачёв в Астрахани"»³⁹⁴. В песнях встречалось и упоминание о Пугачёве как помощнике Разина. Приведены записи беседы Н. И. Костомарова со столетним стариком, который ещё видел Пугачёва. Старик показал следующее: «Тогда иные думали, что Пугачёв-то и есть Стенька Разин, сто лет кончилось, и он вышел из своей горы»³⁹⁵.

В рамках изучения локальных преданий о народных заступниках А. А. Биткина и В. И. Грубов³⁹⁶ разбирают образы атаманов Кузьмы (Василия) Рощина и Емельяна Пугачёва, которые бытовали в Арзамасском крае (ныне сёла Выксунского района Нижегородской области). Авторы делают вывод о том, что в преданиях образ народного героя предстаёт во множестве локальных вариаций.

³⁹⁴ Громыко М. М. О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 475.

³⁹⁵ Там же. С. 476.

³⁹⁶ Биткина А. А., Грубов В. И. Предания Арзамасского края о «народных заступниках» в XVIII веке // Молодой учёный. 2014. № 21.1. С. 39-41.

Обязателен трагический конец его жизни. Всегда используются общие сюжеты – защита простого народа и расправа над властью имущими.

Не обделяют исследователи сегодня и художественный образ Пугачёва, создаваемый авторами в различные исторические эпохи³⁹⁷. Эти образы подвергают сравнению и анализу на предмет источника вдохновения авторов. В. Я. Мауль придаёт огромное значение на сегодняшний день слиянию литературы и исторического знания для привлечения широких масс к историческим событиям³⁹⁸. Он выдвинул идею, что именно через художественное произведение можно раскрыть полностью личности участников восстаний, показать их эмоциональное состояние и переживания.

Исследователь оспаривает распространённое мнение о том, что русский бунт (и в частности пугачёвщина) является явлением стихийным. В. Я. Мауль убеждён, что бунт является механизмом защиты традиционализма, порождением кризиса идентичности в условиях модернизации. Поэтому, бунт можно предсказать – он проходит в переходный период, во время коренных изменений в обществе. Таким образом, бунт – явление закономерное.

В рамках рассмотрения духовной культуры кубанского казачества Н. А. Тернавский обращается к изучению песенного исторического фольклора. Исторические песни, по словам исследователя, являются коллективной памятью, с функцией патриотического воспитания³⁹⁹. Среди героев исторических песен на Кубани выделяются имена Разина, Некрасова, Пугачёва и Ермака.

Но надо учитывать, что фольклор пугачёвского цикла выражал мнение именно населения того или иного региона или сословия. Отсюда складывается и образ человека с одной стороны царственной особы, некоего небожителя, с другой – образ человека простого и понятного для народа, отстаивающего его права.

³⁹⁷ Евсина Н. А. Роман С. А. Ауслендера «Пугачёвщина» и пугачёвская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. 2013. № 2 (8). С. 59-64.

³⁹⁸ Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: [сборник историко-литературных произведений] / [сост.: Н. Е. Рудомазина]. М., 2007. С. 255-432.

³⁹⁹ Тернавский Н. А. Культура кубанского казачества в конце XVIII-начале XX вв.: общие черты, этнические и региональные особенности : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Адыг. гос. ун-т. Краснодар, 2004. С. 15.

Современные исследователи, изучая народные представления о крестьянских вождях, приходят к выводу, что часто образы разных персонажей сливались в умах народа, как это было со Степаном Разиным и Емельяном Пугачёвым. Это наталкивает на мысль, что в народном представлении существовал на протяжении очень долгого периода, некий идеальный образ героя и защитника всех нуждающихся. Поэтому, личность крестьянского вождя в фольклоре чаще всего соответствует определённому стереотипу: это человек честный, справедливый, с широкой душой, заступник всего народа от его сословного врага. Самым популярным песенным персонажем среди крестьянских вождей стал Степан Разин.

Историкам предстоит ещё большая работа в этой сфере, так как изучение фольклора даёт представление о складывании социальных воззрений.

На современном этапе развития исторической науки в рамках гносеологического плюрализма существует множество направлений. Очень распространена и популярна среди потребителей фолк-истори. Считается, что термин ввёл в научный оборот профессор исторического факультета МГУ, редактор журнала «Русское средневековье» Дмитрий Михайлович Володихин. Это слово было им употреблено по отношению к книгам Г. В. Носовского и А. Т. Фоменко по новой хронологии. Труды по фолк-истори создаются непрофессионалами как продукты для широких масс и нацелены они на создание фурора и конечно получение прибыли. С одной стороны, подобные работы подрывают результаты работы профессиональных историков. С другой же стороны, этот феномен заставляет активизироваться профессиональных историков, с целью доказать свою правоту, разоблачить беспочвенные притязания фолк-историков. В качестве примера, разберём работу петербургского журналиста Алексея Юрьевича Щербакова, который как раз попадает под разряд фолк-историков.

Его работа «Емельян Пугачёв. Изнанка Золотого века» пестрит массой предположений и её текст не отличается выдержанностью научной стилистики. Болотников представлен как обычный бандит, воспользовавшийся ситуацией:

«Формирования Болотникова являлись по сути бандой, разросшейся до огромного масштаба, которая занималась, в основном, грабежами»⁴⁰⁰. Разина Щербаков называет революционером, сравнивая его с Лениным, тщательно спланировавшим своё выступление⁴⁰¹. Поводом для бунта стала смерть старшего брата Степана. Но автор подталкивает читателя к мысли о том, что Разин-старший сам виноват в своей смерти, так как думал, что может служить только тогда, когда сам захочет. Зря Щербаков вменяет в вину Ивану Разину его самостоятельность в действиях. Ещё Я. Стрейс (современник событий) в своём труде «Три путешествия»⁴⁰² метко отметил, что донские казаки добровольно подчинялись великому царю, поэтому они считали себя вполне самостоятельными. Деятельность Степана Разина в Астрахани после каспийского похода автор называет PR-компанией, целью которой было продемонстрировать то, какой он замечательный человек, в отличие от представителей власти. При повествовании автор опирается на работы Н. И. Костомарова и С. Александровича. Он вставляет большие куски текста из их трудов. Затрагивая сюжет о персидской княжне, Щербаков пишет: «У Костомарова Разин вообще выглядит полным отморозком. Вот и тут он, дескать, напился и девку выкинул в воду. Но в это не слишком верится. Разин был умным человеком. Он отлично знал, что и когда делать»⁴⁰³. Пытаясь назвать причину этого поступка, Щербаков говорит о том, что Разин хотел укрепить дисциплину в своём лагере. Скорее всего, это не являлось причиной поступка, так как девушку можно было выменять на большие деньги, если бы она в действительности существовала.

Пугачёву Щербаков отказывает в наличии таланта военачальника, но представляет его как великого авантюриста, которому «даже не пришлось направлять движение бунта, он просто следовал ему». Это утверждение автора не соотносится с тем фактом, что Е. И. Пугачёв сам командовал войском и принимал многие решения единолично. Автор предположил, что Е. И. Пугачёв

⁴⁰⁰ Щербаков А. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века. М., 2014. С. 35.

⁴⁰¹ Там же. С. 36.

⁴⁰² Стрейс Я. Я. Три путешествия [Электронный ресурс]. Электрон. версия печат. публ. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A1/strejs-yan/tri-puteshestviya> (Дата обращения 15.04.2017).

⁴⁰³ Щербаков А. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века. М., 2014. С. 43.

передвигался по так называемым «дорогам». Под этим понятием, он подразумевает систему явок «при которых людей передают от одного к другому, им предоставляют кров и сообщают заодно местные особенности – куда стоит соваться, а какое место лучше обойти по широкому кругу – и так далее»⁴⁰⁴. Автор сообщает, что старообрядцы проложили такие «дороги» по всей территории вплоть до Алтая. Думается, что скорее автор такими трюками пытается привлечь читателей, выдумывая подобное.

А. Ю. Щербаков поднял вопрос о монете с портретом Петра III и надписью «Redivivus et uitor» («Воскрес и мщу»), чеканенной в лагере Пугачёва. Он отмечает, что этих монет никто не видел, хотя из материалов допроса Пугачёва видно, что его спрашивали о выпускаемых им монетах. Автор заключает, что монеты в лагере Е. И. Пугачёва всё-таки чеканились. Их выпустили в Алатыре. Приведено описание этой монеты современного нумизмата Евгения Арсюхина. Это были медные деньги с портретом Пугачёва и гербом Людовика XIV (в Поволжье было много жетонов с подражанием его герба). Автор сам себе противоречит, говоря сначала, что монету никто не видел, а затем приводя её описание. Ещё А. С. Пушкин в «Истории Пугачёва» писал о том, что никаких монет повстанцы не чеканили.

При описании действий пугачёвцев в Саранске, автор приводит материалы, собранные местным краеведом. Интересно, что, судя по этим материалам, все местные жители города прекрасно знали, что к городу приближается Пугачёв, который не является Петром III, но, тем не менее, его ждали с нетерпением и соблюдали все необходимые условности поведения при встрече «царской особы». Можно сделать вывод на основе этих материалов, что не вся масса народа наивно верила, что идёт сам царь Пётр III, чтобы перед ними предстать.

В книге А. Ю. Щербакова содержится странное предположение, что Екатерина II целенаправленно старалась сохранить память о Пугачёве, а не наоборот. Так как, переименования объектов и сожжение домов Пугачёва более его прославляло, чем делало забытым. Это делалось для устрашения помещиков,

⁴⁰⁴ Щербаков А. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века. М., 2014. С. 79.

чтобы они помнили, каким может быть гнев озлобленного народа. Подобные цели, по мнению автора, преследовал и Николай I, когда открыл доступ А. С. Пушкину к архивам пугачёвщины, так как хотел освободить крестьян. Но, увы, он натолкнулся на сопротивление дворян, которое преодолеть не смог. В итоге, образ Пугачёва как народного героя появился именно в среде фольклористов.

В итоге можно говорить о том, что Е. И. Пугачёв остаётся актуальным историческим персонажем до сих пор. В рамках изучения вопроса, историки углубились во всесторонний анализ документов, связанных с Пугачёвым и его действиями и достигли в этом деле определённых успехов. Подверглись изучению интимная сторона жизни Пугачёва во время восстания, его моральный облик. Окончательно разрешён вопрос об участии старообрядцев в восстании Пугачёва – они не были в нём задействованы.

Подводя итог главы можно говорить о том образе крестьянского вождя, который складывается в современной историографии. Освобождение от идеологических шор советского периода дало о себе знать. 1990-е гг. стали переходным периодом. Это прослеживается в том, что исследователи очень осторожно характеризовали деятелей крестьянских восстаний, но при этом отстранившись от вынужденного прежде восхищения этими персонажами. Продолжая традиции советской исторической науки, исследователи 1990-х занимались подготовкой и изданием документов. В 2000-х гг. такого числа публикуемых документов по данной тематике уже не наблюдается.

С конца 1990-х гг. прослеживается новый подход к изучению крестьянских войн – исследователи прибегают к изучению психологии толпы, глубже вникая в народные представления XVII–XVIII веков и пути их складывания.

Особым явлением в 2000-е годы стали работы коммерсантов от истории. Они сводят к нулю труды предшествующих историков и это серьёзная проблема. Восприятие личности крестьянского вождя XVII–XVIII веков чрезмерно упрощается. Теперь они предстают как авантюристы, промотавшие свою жизнь в разгулах. В такой характеристике упущен один из первостепенных принципов

работы историка – историзм. Стараются учитывать лишь запросы членов общества массового потребления, падких на сенсации. Из-за этого в их «трудах» присутствуют нелепые трактовки поведения исторических деятелей и надуманные причины событий. Аргументом в пользу мнения о коммерциализации данной темы являются броские названия, которые красуются на обложках книг: «100 великих авантюристов», «Емельян Пугачёв: изнанка золотого века».

На данном этапе развития исторической науки появились издательства, целью которых является популяризация исторических знаний, и это положительный момент. Некоторые исследователи с той же целью призывают к симбиозу исторического знания с художественными приёмами.

Наличие полярных оценок двух периодов – советского и постсоветского, приводит к выводу о том, что эти оценки не являются беспристрастными. Причины положительных оценок личностей крестьянских вождей советскими историками понятны, так как все сферы жизни общества, в том числе и историческая наука, были насквозь пронизаны классовой идеологией. Избавившись от одних идеологических ограничений в науке, нынешние исследователи добровольно ищут других, связанных с антикоммунизмом, антиреволюционностью. Это заказ нынешней бизнес- и политической элиты, сделавшей свою революцию и не желающей другой. Хотя стоит отметить, что есть небольшое число достойных современных историков, стремящихся к объективному изучению крестьянских восстаний и их вождей.

Заключение

В заключении приведены выводы, сделанные автором в результате исследования.

Были проанализированы работы историков дореволюционного периода и выявлены характеристики И. И. Болотникова, С. Т. Разина, К. А. Булавина, И. Ф. Некрасова и Е. И. Пугачёва. Основная часть историков дореволюционного периода выполняла государственный заказ. Суть этого заказа сводилась к осуждению любого антиправительственного действия и определении его как зловредного. Таким образом, крестьянские вожди выступали как государственные преступники и злодеи. Так И. И. Болотников, С. Т. Разин и Е. И. Пугачёв представлялись разбойниками, имевшими определённые воинские заслуги. Но исключением в историографии дореволюционного периода, стали оценки личностей крестьянских вождей казацкими историками, которые не попадали под действие официальной историографии. Поэтому они чаще позитивно характеризовали крестьянских вождей. Хотя этот феномен можно интерпретировать и как попытку казацких историков обелить борцов за казацкие вольности ценой измены отечеству в лице Булавина и Некрасова. Они получили негативные оценки со стороны историков государственной школы и позитивные оценки со стороны казацких историков как защитников исконно казацких прав.

Были проанализированы труды советских историков на предмет суждений о личностях крестьянских вождей. Необходимо отметить, что данный период можно разделить на более дробные. 1920-е гг. стали неким переходом, когда исследователи только осваивали исторический материализм. Но этот период отличается наличием художественных произведений, связанных с крестьянскими восстаниями и их вождями. Сталинский период (1930–1950-е гг.) отличается работами, авторы которых очень осторожно писали о событиях крестьянских войн, строго выдерживая идеологические рамки. Обязательно такие работы должны были содержать ссылки на труды Ленина, даже не всегда уместные, иначе работу просто не принимали к печати. Историки советского периода были

вынуждены подчиняться официальным распоряжениям, поэтому после Великой Отечественной войны исследователей призвали обратиться к изучению личностей С. Т. Разина и Е. И. Пугачёва. Имена этих людей, как и до революции, целенаправленно использовались в качестве орудия пропаганды. Вследствие чего, и в советский период образ личности крестьянского вождя был далёк от реальности. Уникальность личностей была смыта, был создан собирательный образ. Исследователи из Разина и Пугачёва с помощью различных приёмов (замалчивание фактов, домыслы, художественная литература и изобразительное искусство) сделали идеальных борцов за права угнетённых. Но и этот период имел свои особенности. Имена И. И. Болотникова, К. А. Булавина и И. Ф. Некрасова не стали средством пропаганды, их личности не подверглись таким явным искажениям.

Основной пик изучения крестьянских войн и их вождей пришёлся на 1950–1970-е гг. в период хрущёвской «оттепели». Стала появляться огромная масса работ. Ещё более активизировалась публикация источников. Стали привлекать новые виды источников, таких как фольклорные материалы. В этот же период оживляются научные дискуссии.

Были выявлены характеристики крестьянских вождей в работах постсоветского периода. Особенностью периода можно назвать поиск новой методологии изучения прошлого. Впервые можно говорить, что исследователи расширили методологическую базу исторического исследования. Стали использовать междисциплинарность, что является явным плюсом, так как появились работы, изучающие восприятие массами тех или иных образов (имагология), изучающие психологию личности исторических персонажей, историю тела, стали обращать внимание на фольклор как непосредственный источник исторических событий и зеркальный образ народного сознания (условия его складывания, ореол распространения, причины изменений сюжетов и т.д.). На сегодняшний день эти методологические поиски продолжаются, что проявляется в наличии большого числа публикаций и диссертационных работ, посвящённых этой теме. Но есть и другой аспект, который выявляет печальные факты. Лишь

небольшая группа исследователей серьёзно подходит к изучению личностей крестьянских вождей. Наблюдается исследовательское равнодушие. Наблюдается переориентация исследователей. Те, кто занимался в 1980–90-е гг. исследованием крестьянских войн, в 2000-х уже изучали особенности культуры того же периода. В качестве примера можно привести данные о В. М. Соловьеве, который в данное время преподаёт именно курсы по культуре России, хотя изначально его научные интересы затрагивали восстание С. Т. Разина и сама персона вождя. В связи с этим можно выделить некоторые тенденции в изучении периода XVII–XVIII вв. Это, во-первых, региональный аспект, во-вторых, культурологический и мировоззренческий. Бóльшая же часть нынешних «исследователей» являются лишь коммерсантами, которые пишут на потребу публике в рамках так называемой фолк-истории. Отсюда появляются надуманные сенсационные заявления. Опасность заключается в том, что подобные работы более активнее распространяются среди населения, а значит и укореняются в сознании. Поэтому и в современной историографии нельзя увидеть образ крестьянского вождя, который отражал бы реальность.

При анализе полноты информации о личности крестьянских вождей в трудах историков было обнаружено, что дореволюционная историография концентрировала внимание лишь на отрицательных качествах вождей. В советской историографии качества личности описывались, но при этом, они были слишком апологетичны, что никак не соответствовало настоящим людям, они были слишком идеальны — замечательные полководцы, предприимчивые, радеющие за обделённый народ, ненавидящие своих классовых врагов и т.п. Появилось описание физического облика вождей. Но и с этим тоже есть сложности, например, существует три портрета Разина, написанных современниками, никак не похожих друг на друга. Значит, рисовали не реального человека, а то, как его представляли авторы сочинений. Современные учёные к характеристике личности добавляют мотивы действий вождей как характеристику личности, что, хотя бы немного, приближает образы лидеров крестьянских войн к портретам реальных людей.

Основной вывод сводится к тому, что тема о личностях крестьянских вождей XVII–XVIII вв. слишком политизирована и всегда находилась в центре внимания правительств, которые диктовали как нужно относиться и расценивать деятельность этих людей. Этот факт также усугубляется недостаточностью источниковой базы для изучения личностей крестьянских вождей. Например, нам совсем мало известно о жизни И. Ф. Некрасова до начала восстания К. А. Булавина и совсем нет сведений о многих сподвижниках вождей. Поэтому по большей части, историки используют для характеристики И. Ф. Некрасова фольклор и воспоминания некрасовцев.

Личность каждого крестьянского вождя имела ключевую роль для развития событий. Так И. И. Болотников с большим энтузиазмом откликнулся на призыв Г. Шаховского и Д. Молчанова возглавить армию «царя Дмитрия Ивановича», или Е. И. Пугачёв, который своими целенаправленными действиями смог создать боевые отряды и направлять их.

Теперь обратимся к характеристикам отдельных вождей.

И. И. Болотников в дореволюционной историографии характеризовался как военный человек, достаточно популярный среди населения, но при этих качествах чрезмерно властолюбивый и пытавшийся реализовать в ходе движения свои, сугубо личные цели. В советский период его оценка меняется в положительную сторону, а его деятельность обрывается новыми спорными подробностями, которые решались в рамках дискуссий на страницах журнала «Вопросы истории» – его социальный статус, путь продвижения к Москве, роль в движении, наличие или отсутствие у него армии при выходе из Путивля. Современные исследователи Болотникову уделяли мало внимания.

С. Т. Разин изначально характеризовался как смелый разбойник, но всё изменилось в советский период. Он буквально, как и Е. И. Пугачёв, стал иконой классовой борьбы. Современные же исследователи возвращаются к образу Разина как государственного преступника. Видны схожие изменения в оценке личности в официальной историографии Разина и Пугачёва. Они даже в некоторых легендах фигурировали как один и тот же человек и их часто путали в простонародье. Как

и Разина, дореволюционные историки характеризовали Пугачёва вором и злодеем. Советские же исследователи отмечали его энергичность и целеустремлённость, но самое главное, его желание помочь угнетённому народу. Современные историки очень подробно проанализировали жизнь Пугачёва во время восстания. Основной его чертой на данном этапе историографии является то, что он сумел воспользоваться переходным периодом в истории России для достижения своих целей – получение наживы.

Особняком стоят фигуры К. А. Булавина и И. Ф. Некрасова. Их личностям давали оценки не только представители официальной историографии различных периодов, но и казацкие историки. Официальные оценки дореволюционной, советской и постсоветской историографии схожи с оценками личностей других крестьянских вождей. Но казацкие историки давали им свою оценку. Она была сочувственной к деятельности Булавина и Некрасова, так как те отстаивали права именно казачества, хотя советские историки объявляли их борцами за права всего угнетённого населения, т.е. крестьянства. Фольклорный образ этих людей совсем не соответствует документальным сведениям. Самой загадочной личностью в этом плане является Некрасов, так как некрасовцы в своих сказаниях всю деятельность Булавина приписывают Некрасову, например, убийство князя Ю. В. Долгорукого в Шульгинском городке. Сегодня движения Булавина и Некрасова изучаются, по большей части, в рамках региональной истории и истории семей переселенцев некрасовцев, которые вернулись в Россию. Отличительной особенностью в оценке личностей Булавина и Некрасова стало то, что их обошла чрезмерная идеологизация. Личность Булавина сегодня характеризуется достаточно объективно, с опорой на документы. Раскрываются побудительные мотивы его деятельности с точки зрения психологии. Булавин считал свои действия оправданными, так как он выполнял заказ казацкой старшины, которая затем отказалась от своей роли в этих событиях. Образ же Некрасова крайне опосредован из-за скудости источниковой базы.

Общий вывод автора далёк от оптимизма – историки не имели реальных шансов нарисовать портреты крестьянских вождей, хотя бы немного близкие к

действительным, вследствие скудости информации о них в исторических источниках, тенденциозности источников и самих историков. Все же следует признать, что постепенное накопление информации и совершенствование методов исследования способствуют более четкому представлению о портретах крестьянских вождей. Чтобы приблизить эти портреты к реальным необходимо отойти от идеологической интерпретации сюжета при анализе имеющейся информации о крестьянских вождях и дать ей более-менее объективную оценку. Эта работа еще предстоит историкам России.

Список использованных источников и литературы

Источники

Труды отечественных историков

1. Абилов Ш. Ш. Отражение пугачёвского восстания в татарской литературе и фольклоре // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань): тез. докл. – Казань, 1974. – С. 22–24.
2. Александров А. А. Гнев народа: К 200-летию Пугачевского восстания / А. А. Александров, М. А. Садаков. – Ижевск : Удмуртия, 1974. – 55 с.
3. Антипина З. С. Тема народной вольницы в творчестве В. В. Каменского // Вестн. Перм. ун-та. Российская и зарубежная филология. – 2012. – № 2. – С. 139–146.
4. Биткина А. А. Предания Арзамасского края о «народных заступниках» в XVIII веке / А. А. Биткина, В. И. Грубов // Молодой учёный. – 2014. – № 21.1. – С. 39–41.
5. Бочагов А. К. По следам минувшего. О работе экспедиций по местам Крестьянской войны 1773–1775 гг. в Оренбуржье / А. К. Бочагов // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург: [б. и.], 1973. – С.14–16.
6. Броневский В. Б. История Донского войска: описание Донской земли и Кавказских Минеральных Вод [Электронный ресурс] / В. Б. Броневский – СПб, 1834. – В 2 ч. – Ч.1. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://adjutant.ru/>».

7. Буганов В. И. Булавин [Электронный ресурс] / В. И. Буганов. – М. : Молодая гвардия, 1988. – 316 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека RoyalLib.com».
8. Буганов В. И. Крестьянские войны в России XVII- XVIII вв. / В. И. Буганов. – М.: Наука, 1976. – 223 с.
9. Буганов В. И. Об идеологии крестьянской войны 1773–1775 гг. / В. И. Буганов // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург, 1973. – С.10–12.
10. Буганов В. И. Разин и разинцы / В. И. Буганов. – М.: Наука, 1995. – 367 с.
11. Васильев П. П. Казань 12 июля 1774 года : [К столетию восстания Пугачева] / П. П. Васильев. – Казань: Унив. тип., 1874. – 8 с. Авт. установлен по изд.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов... М., 1957. – Т. 2. – С. 340.
12. Васильев Т. В. Мордовия / Т. В. Васильев. – М.: Центриздат, 1931. – 207 с.
13. Вейнберг Л. Б. Булавин Кондрат [Электронный ресурс] // Энциклопедический Словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. – Электрон. дан. – URL: <http://www.vhi.net/brokgauz/> (дата обращения: 12.01.16)
14. Водолазко В. Н. Старообрядчество на Дону: история и современность (поселения на реке Медведице, старообрядческие имена и говоры) // История и география русских старообрядческих говоров: сб. ст. // Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук. Ун-т г. Тромсё (Норвегия). – М., 1995. – С. 5–13
15. Вяткин М. П. Емельян Пугачев: Стенограмма публичной лекции ... / д-р ист. наук М. П. Вяткин ; Всесоюз. о-во по распространению полит. и науч. знаний. Ленингр. отд-ние. – Л., 1951. – 40 с.

16. Гераськин Т. В. Художественное осмысление крестьянской войны 1670–1671 гг. в романе К. Г. Абрамова «За волю»: научно-образовательный контекст / Т. В. Гераськин, Е. А. Шаронова // Интеграция образования. – 2015. – Т. 19, № 1 (78). – С. 141–148. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «cyberleninka.ru».

17. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенных по годам : монография в 15 т. / И. И. Голиков. – М.: Типография Николая Степанова, 1837. – Т. 2. – 550 с.

18. Голованов И. А. Народные заступники и цари-избавители в фольклоре Урала и Башкирии // Русская речь. – 2011. – № 5. – С. 96–99.

19. Готье Ю. В. Смутное время: очерк истории революционных движений начала XVII столетия / Ю. В. Готье. – М.: ГПИБ, 2010. – 188 с. (репринт. изд. 1921г.)

20. Граве Б. Б. Восстание Пугачева : Стенограмма лекции тов. Б. Граве, прочит. 23 июня 1936 г. / Б. Б. Граве. – Л.: [б. и.], 1936. – 29 с.

21. Громыко М. М. О воззрениях русского народа / М. М. Громыко, А. В. Буганов; Ин-т этнологии и антропологии Рос. Акад. наук. – М.: Паломникъ, 2000. – 541 с.

22. Дмитриев-Мамонов А. И. Пугачевский бунт в Зауралье и Сибири / А. И. Дмитриев-Мамонов. – М.: Вече, 2013. – 283 с.

23. Дмитриенко И. И. К истории Некрасовцев на Кубани // Известия общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1899. – Вып. 1. – С. 65–68

24. Дода Л. Н. Исторические параллели Фёдора Крюкова // Ф. Д. Крюков. Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова / Л. Н. Дода. – М.: АИРО-XX; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 7–14.

25. Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг.: По неизд. источникам :

монография в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. – СПб: тип. И. Н. Скороходова, 1884. – Т. 3 – 404 с.

26. Евсина Н. А. Роман С. А. Ауслендера «Пугачёвщина» и пугачёвская тема в советской литературе 1920-х годов // Мировая литература в контексте культуры. – 2013. – № 2 (8). – С. 59–64.

27. Евстратов Н. Г. «Набеглый царь» В. Г. Короленко // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 76–95.

28. Жижка М. В. Емельян Пугачев. / М. В. Жижка, под ред. проф. В. И. Лебедева. – 2-е изд. – М. : Учпедгиз, 1950 (Л. : тип. № 2 Упр. изд-в и полиграфии). – 216 с.

29. Зимин А. А. И. И. Болотников и падение Тулы в 1607 г. // Крестьянские войны в России XVII-XVIII веков: проблемы, поиски, решения : сб. ст. – М.: Наука, 1974. – С. 52–64.

30. Зимин А. А. Некоторые вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII века // Вопросы истории. – 1958. – № 3. – С. 97–113.

31. Изотов И. Т. Крестьянская война в Оренбуржье и её отображение в художественной литературе / И. Т. Изотов // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург, 1973. – С. 51–53.

32. Изотов И. Т. Достойное отображение // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 96–110.

33. Индова Е. И. Проблемы крестьянской войны 1773-1775 гг. в свете новых источников / Е. И. Индова, М. Д. Курмачева, Р. В. Овчинников, С. С. Дрейзен, Е. И. Самгина // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург, 1973. – С. 5–10.

34. История СССР с древнейших времён до наших дней в 12 т. – М.: Наука, 1967. – Т. 3. – 662 с.

35. Карамзин Н. М. История государства Российского: монография в 12 т. / Н. М. Карамзин. – Калуга : Золотая аллея, 1993. – Т. 12. – 592 с.

36. Каталог художественных открытых писем и художественных изданий / Музей революции СССР. – М.: 13-я типоцинография Мособлполиграфа, 1933. – 19 с.

37. Каштанов С. М. Ещё раз о месте захоронения останков Степана Разина [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал История – 2014. – № 8 (31). – С. 5. – Доступ из науч. электрон. б-ки «ELIBRARY.RU».

38. Ключевский В. О. Курс русской истории: монография в 9 т. / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 1988. – Т. 3. – 415 с.

39. Копылова Г. Г. Художники рисуют Пугачёва // Под знамёнами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 115–130.

40. Корецкий В. И. Болотникова восстание // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. – М.: Большая рос. энциклопедия, 1994. – Т.1: А–Д. – С. 262–263.

41. Корецкий В. И. Из истории Крестьянской войны в России начала XVII века // Вопросы истории. – 1959. – № 3. – С. 118–137.
42. Корецкий В. И. Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова (вступительная статья) // Вопросы истории. – 1971. – № 5. – С. 130–152.
43. Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. / В. И. Корецкий. – М.: Наука, 1975. – 372 с.
44. Королев А. А. Самозванство в России в прошлом и настоящем: социокультурный и историко-психологический аспекты // Знание. Понимание. Умение. – 2015 – № 4. – С. 118–137.
45. Короленко П. П. Некрасовские казаки. Исторический очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Известия общества любителей изучения Кубанской области. – Екатеринодар, 1900. – Вып. 2. – С. 1–74.
46. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей / Н. И. Костомаров. – М.: Эксмо, 2005. – 1024 с.
47. Костомаров Н. И. Смутное время в Московском государстве в начале XVII столетия / Н. И. Костомаров. – М.: Чарли, 1994. – 800 с.
48. Кочережко С. С. Малоизученные дворянские воспоминания о «Пугачёвщине»: «Журнал из домашних записок» // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2014. – Т. 14. – № 4. – С. 5–9.
49. Кочережко С. С. Некоторые вопросы восприятия Екатериной II восстания Е. И. Пугачёва . 1773–1775 гг. // Вестник архивиста. – 2013. – № 3. – С. 58–71.
50. Кочережко С. С. Проблема подавления пугачёвского восстания 1773–1775 гг. в социальной психологии российского дворянства последней четверти XVIII в. // Вестник Самарского государственного экономического ун-та. – 2014. – № 1 (111). – С. 94–100.

51. Краснов П. Н. Исторические очерки Дона [Электронный ресурс] / П. Н. Краснов – Берлин : На казачьем посту, 1943. – Ч. 1. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из электрон. б-ки «profilib.com».
52. Крюков Ф. Д. Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. / Ф. Д. Крюков. – М.: АИРО-XX; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – 208 с.
53. Курмачева М. Д. Крестьянская война 1773–1775 гг. в Нижегородском крае / М. Д. Курмачева. – Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1975. – 128 с.
54. Курышев А. В. Волжское казачье войско и повстанческое движение под предводительством Е. Пугачёва // Вестник Волгоградского гос. Ун-та. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2004. – № 9. – С. 54–73.
55. Ламбин П. П. Булавинский бунт // Русская старина. – СПб, 1870. – Т. II. – С. 1–13.
56. Лебедев В. И. Булавинское восстание 1707-1708 [Электронный ресурс] // В. И. Лебедев. – М.: Просвещение, 1969. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «eknigi.org».
57. Лимонов Ю. А. Емельян Пугачев и его соратники / Канд. ист. наук Ю. А. Лимонов. – Ленинград : О-во "Знание" РСФСР. Ленингр. орг., 1975. – 32 с.
58. Лимонов Ю. А. Пугачев и его сподвижники / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях ; Акад. наук СССР. Ленингр. отд-ние Ин-та истории. – М.; Л.: Наука. [Ленингр. отд-ние], 1965. – 140 с.
59. Лимонов Ю. А. Пугачев и пугачевцы / Ю. А. Лимонов, В. В. Мавродин, В. М. Панях. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 188 с.
60. Люшин И. Мы пошли к своему языку...: [Ист. очерк о дон. казачестве] / И. Люшин, А. Маслов // Вокруг света . – 11/1980 . – № 11 . – С. 40–45. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «www.vokrugsveta.ru».
61. Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. / В. В. Мавродин. – М.: Мысль, 1974. – 149 с.

62. Макаров А. Г. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова / А. Г. Макаров, С. Э. Макарова // Ф. Д. Крюков. Булавинский бунт (1707–1708). Этюд из истории отношений Петра Великого к Донским казакам. Неизвестная рукопись из Донского архива Фёдора Крюкова. М.: АИРО-XX; СПб: Дмитрий Буланин, 2004. – С. 15–39.

63. Матвиевский П. Е. К вопросу об идеологии примитивного демократизма в крестьянских войнах России XVII-XVIII вв. / П. Е. Матвиевский // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург : [б. и.], 1973. – С.12–13.

64. Материалы к теме "Крестьянские войны и восстание угнетенных народов в XVII веке" [Электронный ресурс] / под ред. проф. А. В. Шестакова. – Смоленск, 1938. (вып.3). – 68 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Президентская библиотека им. Б. Н. Ельцина».

65. Мауль В. Я. Штрихи биографии Е. И. Пугачёва в социокультурном контексте переходной эпохи: опыт нового прочтения // Вестник Томского ун-та. – 2005. – № 40. – С. 44–65.

66. Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия // Русский бунт: [сб. историко-литературных произведений] / [сост.: Н. Е. Рудомазина]. – М.: Дрофа, 2007. – С. 255–432.

67. Мауль В. Я. Загадка болезни Е. И. Пугачёва (об одном казусе из предыстории русского бунта) // Вестник Томского государственного ун-та. – 2014. – № 382. – С. 113–118.

68. Мауль В. Я. Некоторые черты биографии Е. И. Пугачёва: социокультурный и психоаналитический подходы // В сборнике: Историческая психология в XXI веке: теоретико-методологические проблемы и практика

конкретных исследований. Сб. ст. II Всероссийской заочной науч. конференции. Редактор-составитель К. В. Скобелев. – 2013. – С. 20–27.

69. Мауль В. Я. Самозванные цари и царевичи в социокультурной ретроспективе русского бунта (до пугачёвского восстания) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. Бюллетень оперативной информации. – 2005. – № 40 : Социокультурные аспекты изучения русского бунта. – С. 5–43.

70. Микитюк Ю. В. Историко-правовой анализ признаков преступлений террористического характера в российском государстве (на примере бунта Емельяна Пугачёва) // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. – 2017. – № 1 (35). – С. 109–114.

71. Морозов Б. Н. Болотников // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. – М.: БРЭ, 1994. – Т.1: А-Д. – С. 262.

72. Морозова Л. Е. Смута: её герои, участники, жертвы (сложные, трагические и запутанные события Смутного времени в истории Российского государства) / Л. Е. Морозова. – М.: Астрель, 2004. – 544 с.

73. Моршинина А. Манифесты и указы Е. И. Пугачёва как источник изучения идеологии восставших в годы Крестьянской войны 1773-1775 годов // Студенческая наука и XXI век. – 2005. – № 2. – С. 49–51.

74. Муратов Х. И. Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева / Х. И. Муратов. – М.: Просвещение, 1970. – 160 с.

75. Муромов И. А. Сто великих авантюристов. / И. А. Муромов. – М.: Вече, 2003 (ОАО Яросл. полигр. комб.). – 605 с.

76. Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. / Ин-т яз., литературы и истории им. Галимджана Ибрагимова Казан. филиала АН СССР. Татар. респ. совет Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. – Казань: [б. и.], 1974. – 46 с.

77. Наша история. 100 великих имен: еженедельное издание / издатель и учредитель: ООО "Де Агостини". – М.: Де Агостини, 2010.

78. Некрасовцы [Электронный ресурс] // Казачий словарь-справочник. Электронная версия. – Электрон. дан. [Б. м.]. – URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/encyclopedic.htm> (дата обращения: 23.01.2016)

79. Овчинников Р. В. Оренбургский край и Урал в крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачёва // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер : сб. ст. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 5–26.

80. Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами ("История Пугачева") / Р. В. Овчинников; АН УССР. Отд-ние литературы и языка. Пушкинская комиссия. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 274 с.

81. Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ / А. М. Панченко. – Л.: Наука, 1984. – 205 с.

82. Петров С. П. Пугачев в Пензенском крае / С. П. Петров, под ред. акад. А. М. Панкратовой. – 2-е изд., доп. – Пенза: Кн. изд-во, 1956. – 141 с.

83. Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С. Ф. Платонов. – Переиздание. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 499 с.

84. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. / С. Ф. Платонов. – СПб: Кристалл, 2000. – 838 с.

85. Подъяпольская Е. П. Новое о восстании К. Булавина [Электронный ресурс] // Исторический архив. – 1960. – № 6. – С. 119–142. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.vostlit.info>».

86. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке.: монография в 3 ч. / М. Н. Покровский. – М.: Полиграфкнига, 1934. – Ч. 1–2. – 259 с.

87. Попов А. Н. История возмущения Стеньки Разина. / А. Н. Попов. – М.: Типография Л. Степановой, 1857. – 132 с.
88. Пушкин А. С. История Пугачёва. Собрание сочинений в 10 т. – М.: ГИХЛ, 1962. – Т. 7. – 462 с.
89. Ригельман А. И. История или повествование о донских казаках. / А. И. Ригельман. – М.: Университетская типография, 1846. – 161 с.
90. Рубцова З. В. Одежда казачек-некрасовок // История и география русских старообрядческих говоров. : сб. ст. – Ун-т г. Тромсё (Норвегия). – М., 1995. – С. 102–112.
91. Савельев Е. П. Древняя истории казачества / Е. П. Савельев. – М.: Вече, 2007. – 480 с.
92. Сень Д. В. Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С. Т. Разиным // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2013. – № 5. – С. 90–97.
93. Сень Д. В. Казаки-некрасовцы: некоторые аспекты адаптации на территории Крымского ханства в XVIII в. [Электронный ресурс] // Казаки-некрасовцы: Сб. мат-в региональной научно-практической конференции «Казаки-некрасовцы на перекрестке культур (пос. Новокумский Левокумского р-на Ставропольского края, октябрь 2007 г.)» / Отв. за выпуск З. А. Белая. Ставрополь: ООО «Полиграфпром», 2008. С.47–54. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.cossackdom.com>».
94. Сень Д. В. Новые материалы о социально-политическом положении некрасовских казаков на Кубани в начале XVIII в. [Электронный ресурс] // Вопросы северо-кавказской истории: Сб. науч. ст. аспирантов и соискателей. – Армавир, 1998. – Вып. 3. – С.39–46. - Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.cossackdom.com>».
95. Скрынников Р. Г. 1612 год. / Р. Г. Скрынников. – М.: АСТ, 2007. – 798 с.
96. Скрынников Р. Г. Василий Шуйский / Р. Г. Скрынников. – М.: АСТ, 2002. – 400 с.

97. Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. «Смута». / Р. Г. Скрынников. – М.: Мысль, 1988. – 283 с.
98. Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. / Р. Г. Скрынников. – Л.: Наука, 1988. – 255 с.
99. Смирнов И. В. Исторические очерки. Некрасовцы. // Вопросы истории. – 1986. – № 8. – С.97–107.
100. Смирнов И. И. Восстание Болотникова 1606-1607 [Электронный ресурс] / И. И. Смирнов. – Л.: Политиздат, 1951. – 588 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «www.twirpx.com».
101. Смирнов И. И. Крестьянские войны в России в XVII-XVIII вв. / И. И. Смирнов, А. Г. Маньков, Е. П. Подъяпольская, В. В. Мавродин. – М.-Л.: Наука, 1966. – 327 с.
102. Смирнов И. И. О некоторых вопросах истории борьбы классов в Русском государстве начала XVII в. // Вопросы истории, 1958. – № 12. – С. 116–131.
103. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого, / Трудami тайного советника, губернатора Сибири и ордена святого Александра кавалера, Федора Ивановича Соймонова, выбранное из журнала его превосходительства, в бытность его службы морским офицером, ; И с внесением, где потребно было, дополнениями академии наук конференц-секретаря, профессора истории и историографа, Г. Ф. Миллера. / Ф. И. Соймонов. – СПб : При Имп. Акад. наук, 1763. – 680 с.
104. Соловьёв В. М. Степан Разин и его время / В. М. Соловьёв. – М.: Просвещение, 1990. – 96 с.
105. Соловьёв В. М. Современники и потомки о восстании С. Т. Разина / В. М. Соловьёв. – М.: Изд-во УДН, 1991. – 168 с.
106. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьёв. – М.: Соцэкгиз, 1963. – Кн. 9. – 700 с.

107. Соловьев С. М. История России с древнейших времён. [Электронный источник] / С. М. Соловьёв. – Т.11, Гл.5. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://militera.lib.ru>».

108. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: монография в 15 кн.– М.: Соцэкгиз, 1960. – Кн. IV. – 778 с.

109. Соловьёв С. М. Рассказы из русской истории XVIII века // Чтения и рассказы по истории России. – М.: Правда, 1989. – С. 590–604

110. Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории [Электронный ресурс] / А. Л. Станиславский. – М.: Мысль, 1990. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://annales.info>».

111. Сумароков А. П. Сокращенная повесть о Стеньке Разине. / А. П. Сумароков. – СПб: При Имп. Акад. наук, 1774. – 14 с.

112. Тернавский Н. А. Культура кубанского казачества в конце XVIII-начале XX вв.: общие черты, этнические и региональные особенности : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. А. Тернавский; Адыг. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 26 с.

113. Томсинский С. М. Под предводительством Пугачева: Повстанч. движение в Прикамье во время крестьянской войны 1773-1775 г. / С. М. Томсинский, [Лит. обраб. С. Ф. Николаева]; Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. Кафедра истории СССР. Гос. архив Перм. обл. – Пермь: Кн. изд-во, 1973. – 74 с.

114. Трефилов Е. Н. Пугачев / Е. Н. Трефилов. – М.: Молодая гвардия, 2015. – 398 с. – (Жизнь замечательных людей: серия биографий / основана в 1890 году Ф. Павленковым и продолжена в 1933 году М. Горьким; вып. 1732 (1532))

115. Тумилевич-Шишканов Ф. В. 250 лет антифеодальному движению на Дону и Кубани (1708) [Электронный ресурс]. – 1958. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://tumilevich.ru>».

116. Тюменцев И. О. Дневники, мемуары и письма иностранцев о событиях смутного времени в начале XVII в.: итоги и перспективы изучения

[Электронный ресурс] // Средние века. – 2011. – № 72. – С. 164–174. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из электрон. науч. б-ки «elibrary.ru».

117. Усенко О. Г. Социально-политические представления участников народных движений в России XVII–XVIII вв. (на примере восстания К. А. Булавина) [Электронный ресурс] : Автореф. дис. ... канд. ист. наук. / О. Г. Усенко – М.: МГУ, 1991. – 22 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из персонального сайта автора «<http://olegusenko1965.narod.ru>».

118. Усенко О. Г. Разин и разинщина // Родина. – 2006. – № 11. – С. 70-74.

119. Усенко О. Г. К уточнению биографии К. А. Булавина / О. Г. Усенко // Россия в XVIII столетии. – М.: Языки славянской культуры. – 2002. – Вып. 1. – С. 97-108.

120. Фирсов Н. Н. Разиновщина (Из книги «Разиновщина, как социологическое и психологическое явление народной жизни», 1900) // История России. От Смутного времени до царствования Николая II. II-ая часть. – Париж, 1935. – С. 85–96.

121. Хмырова С. Р. Историческое сознание русского населения Сибири во второй четверти XVIII-конце XIX вв.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Алт. гос. ун-т./ С. Р. Хмырова. – Барнаул, 2006. – 23 с.

122. Черная Л. А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: философско-антропологический анализ русской культуры XVII-первой трети XVIII века. / Л. А. Черная. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 304 с.

123. Чистов К. В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). / К. В. Чистов. – СПб: РАН, 2003. – 539 с.

124. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. / К. В. Чистов. – М.: Наука, 1967. – 341 с.

125. Чистякова Е. В. Разин и разинцы на мордовской земле / Е. В. Чистякова, В. М. Соловьёв. – Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1986. – 111 с.

126. Чистякова Е. В. Степан Разин и его соратники / Е. В. Чистякова, В. М. Соловьёв. – М.: Мысль, 1988. – 221 с.

127. Шаляпина Л. В. Социально-историческая концепция в романе В. Шукшина «Я пришёл дать вам волю» [Электронный ресурс] // Культура и текст. – 1998. – № 3 – С. 200–206. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки «<https://cyberleninka.ru>».

128. Шкваров А. Г. Петр I и Казаки. [Электронный ресурс]. – СПб: Алетейя, 2010. – 456 С. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.proza.ru>».

129. Щербаков А. Емельян Пугачев. Изнанка Золотого века / А. Щербаков. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. – 396 с.

Опубликованные документы и материалы

130. Алишев С. Х. Новые документы о крестьянской войне 1773–1775 гг. / С. Х. Алишев // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. – Казань: [б. и.], 1974. – С. 3–7.

131. Грот Я. К. Материалы для истории Пугачевского бунта: Бумаги, относящиеся к последнему периоду мятежа и к поимке Пугачева / Я. К. Грот. – СПб: тип. Имп. Акад. наук, 1876. – 144 с.

132. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773–1775 годов : Сб. док. / Архивный отд. Упр. внутр. дел Рост. облисполкома ; Под ред. А. П. Пронштейна. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1961. – 231 с.

133. Допрос Е. И. Пугачева в Тайной экспедиции в Москве 4 ноября 1774 г. / Предисл. С. Пионтковского // Красный архив. – 1935. – Т. 2–3. – С. 159–237 – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://annales.info>».

134. Емельян Пугачев в Нижнем Поволжье: [Документы]. – Сталинград: Обл. кн-во, 1937 (Саратов : тип. Сарат. облместпрома). – 134 с.

135. Емельян Пугачев на следствии : Сб. док. и материалов / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории, Рос. гос. арх. древ. актов; [Сост. Р. В. Овчинников, А. С. Светенко]. – М. : Языки рус. культуры, 1997. – 463 с.

136. Материалы отечественные. Допросы Пугачёву // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – 1858, Апрель-Июнь. – Книга вторая. – С.1–52. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из проекта «www.runivers.ru».

137. Мельгунова П. Е. Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век: Сб. отрывков из зап., воспоминаний и писем сост. П. Е. Мельгуновой, К. В. Сивковым и Н. П. Сидоровым. Ч. 1–2. – М.: Задруга, 1914–1923. – 4 т. – 447 с.

138. Мининков Н. А. Первое упоминание о Кондратии Булавине [Электронный ресурс] // Новый часовой, СПбГУ. –2002. – № 13–14. – С. 225–230. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.vostlit.info>».

139. Недосекин В. И. Новые данные о Булавинском восстании [Электронный ресурс] // Советские архивы – 1967. – № 3. – С. 107–111. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://www.vostlit.info>».

140. Овчинников Р. В. Документы свидетельствуют // Под знаменами Пугачева: К 200-летию Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. На обороте тит. л. сост.: Л. Н. Большаков, М. С. Клипиницер. : сб. ст. – Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1973. – С. 37–64.

141. Овчинников Р. В. Манифесты и указы Е. И. Пугачева: Источниковед. исслед. / Р. В. Овчинников. – М.: Наука, 1980. – 280 с.

142. Стрейс Я. Я. Три путешествия [Электронный ресурс] / Я. Я. Стрейс. – 1880. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из б-ки электрон. лит-ры «<http://litresp.ru>».

143. Усманов М. А. Источниковедческое значение документов на татарском языке времён крестьянской войны 1773–1775 гг. / М. А. Усманов // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под

предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. – Казань: [б. и.], 1974. – С. 8–11.

144. Фасеев Ф. С. Опыт анализа старотатарских документов деловой письменности времён крестьянской войны 1773–1775 гг. / Ф. С. Фасеев // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. – Казань: [б. и.], 1974. – С. 41–44.

145. Фомин Н. И. Стенька Разин: историческая повесть из времен царствования царя Алексея Михайловича, с приложением современных исторических актов и грамот / Н. И. Фомин. – М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Медико-Хирургической академии, 1836. – 65 с.

146. Шашкин С. Ф. Предание. Заветы Игната. [Электронный ресурс] / С. Ф. Шашкин. – 1940. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://tumilevich.ru>».

147. Лебедев В. И. О подавлении народного восстания 1707–1708 гг. // Исторический архив. – 1955. – № 4. – С. 179–195.

Фольклор

148. Ибрагимов Н. Ф. Татарские народные предания о пугачёвском восстании / Н. Ф. Ибрагимов // Научная конференция, посвященная проблемам историографии и источниковедения Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1974; Казань). Тез. докл. – Казань: [б. и.], 1974. – С. 35–37.

149. Климова М. Н. Из истории «русских мифов» («Стенька Разин и персидская княжна») // Исторические источники и литературные памятники 16-20 вв.: Развитие традиций: сб. науч. трудов Российской академии наук.: сб. ст. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2004. – С. 223–233. – (Археография и источниковедение Сибири; Вып. 23)

150. Кузнецов Б. В. События Смутного времени в массовых представлениях современников («видения» и «знамения», их значение в этот период) / Б. В. Кузнецов. – М., 2010.

151. Лозанова А. Н. Предисловие [Электронный источник] // Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях. Сост. Б. М. Добровольский и А. Д. Соймонов, общ. ред. и вступит. ст. А. Н. Лозановой, муз. редактор Ф. В. Соколов. М.-Л., Изд-во Академии Наук СССР, 1956. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «<http://a-pesni.org>».

152. Любеченко Б. Ф. Оренбургские предания о крестьянской войне 1773–1775 гг. / Б. Ф. Любеченко // Научная конференция, посвященная 200-летию крестьянской войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева (1973; Оренбург). Тез. докл. / Оренб. обком КПСС. Ин-т истории СССР АН СССР. Всерос. о-во охраны памятников истории и культуры. Науч. конф., посвящ. 200-летию крестьян. войны 1773–1775 гг. в России под предводительством Е. И. Пугачева. 15–16 окт. 1973 г. Оренбург. – Оренбург: [б. и.], 1973. – С.48–51.

153. Площук Г. И. Научный отбор и систематизация повествований пугачёвского цикла // Фольклор Крестьянской войны 1773–1775 годов : К 200-летию Пугачев. восстания : сб. ст. / Ред. коллегия: д-р филол. наук Л. С. Шептаев, канд. филол. наук Е. А. Маймин ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л.: [б. и.], 1973. – С.3–64.

154. Русские песни / Сост. проф. Ив. Н. Розанов. – М., Гос. изд-во худож. литературы, 1952 – 404 с.

155. Шептаев Л. С. «Разинские» песни в XVIII веке и после пугачёвского восстания // Фольклор Крестьянской войны 1773–1775 годов : К 200-летию Пугачев. восстания : сб. ст. / Ред. коллегия: д-р филол. наук Л. С. Шептаев, канд. филол. наук Е. А. Маймин ; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена. – Л.: [б. и.], 1973. – С.65–91.

Литература

156. Академики МГУ. Покровский Михаил Николаевич [Электронный ресурс] // Официальный сайт Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова. – Электрон. дан. – [Б.м.]. – Доступ из сайта МГУ «www.msu.ru».

157. Амадова Н. Е. Социокультурный подход как методология исследования общественных процессов в контексте развития конвергентных технологий / Н. Е. Амадова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история»: сб. ст. по материалам XLI–XLII международной научно-практической конференции. (27 октября 2014 г.). – Новосибирск: Изд. «СибАК», 2014. – С. 29–36.

158. Артизов А. Н. М. Н. Покровский: финал карьеры – успех или поражение? // Отечественная история. – 1998. – № 1. – С. 77–96.

159. Афиани В. Ю., Козлов В. П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н. М. История государства Российского в 12 т. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 514–551.

160. Базанов М. А. Александр Александрович Зимин : биография историка в контексте развития отечественной науки [Электронный ресурс]: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Базанов М. А. – Челябинск, 2014. – 283 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

161. Богомазова О. В. В.О. Ключевский : историко-научные и социальные практики увековечивания памяти об историке в XX - начале XXI века [Электронный ресурс] : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Богомазова О. В. – Челябинск, 2013. – 263 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

162. Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии / Под ред. М. А. Бойцова и Ф. Б. Успенского. – СПб., 2010. – С. 5–37.

163. Бочаров А. В. Историографические и методологические аспекты использования понятия «случайность» в изучении исторических альтернатив // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 297. – С. 111–121.
164. Бранденберг Д. Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Д. Л. Бранденберг. – Лондон, 2002. – 416 с.
165. Брачев В. С. Жизнь и труды С. Ф. Платонова // Платонов С. Ф. Сочинения в 2 т. – СПб.: Стройлеспечать, 1993. – Т.1. – С. 11–35.
166. Буганов В. И. Введение // Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1989. – С. 3–9.
167. Вадим Иванович Корецкий. Некролог // Вопросы истории. – 1985. – № 6. – С. 189.
168. Воробьев А. В. Делопроизводство разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половины XVII в. [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Воробьев А. В. – М., 2012. – 33 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».
169. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель; перевод А. М. Водена. – Наука, 2000. – 477 с.
170. Гринин Л. Е. Лекция: Роль личности в истории: история и теория вопроса // Философия и общество. – 2011. – № 4 (64). – С. 175–193.
171. Гулыга А. В. Ключевский – мыслитель и художник // Искусство истории. – М.: Современник, 1980. – С. 176–194.
172. Гусев А. В. Личность и мировоззрение царя Алексея Михайловича в отечественной историографии XIX–XX вв. [Электронный ресурс] : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Ин-т рос. истории РАН. – М., 2005. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».
173. Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 140–151.

174. Киприянова Н. В. Социокультурный облик провинциального российского купечества второй половины XVIII в. : по материалам Уложенной комиссии Екатерины II [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Киприянова Наталия Владимировна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. – СПб, 2016. – 45 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

175. Киреева Р. А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России. XVIII- начало XX вв. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 268–314.

176. Кобзарева Е. И. Рец. на кн.: Тюменцев И. О. Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия II // Отечественная история. – 2002. – № 3. – С. 170–171.

177. Комочев Н. А. Царские жалованные грамоты (1613–1696) светским лицам: источниковедческое исследование [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / Комочев Н. А. – М., 2010. – 26 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

178. Кристенсен С. О. История России XVII в. Обзор исследований и источников: Пер. с дат. / Вступ. ст. и общ. ред. В. И. Буганова. – М.: Прогресс, 1989. – 256 с.

179. Ляпин Д. А. Социально-политическая борьба на юге России в середине XVII в. [Электронный ресурс]: автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Ляпин Д. А. – Елец, 2015. – 51 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

180. Маджаров А. С. «Русская история» В. И. Сурикова и отечественная историография второй половины XIX в. (к 165-летию со дня рождения художника) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2013. – № 2. – С. 87–105.

181. Матвеева П. «Единой России» хоть с чёртом [Электронный ресурс] // Газета.ру. – 2008. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «www.gazeta.ru».

182. Мауль В. Я. Закономерность и случайность в истории и историографическом контексте // Гуманитарный вестник. – 2014. – № 3– С. 1–11.

183. Мауль В. Я. Историография отечественной истории (с древнейших времен до начала XX века). Курс лекций для студентов исторического факультета. – Комсомольск-на-Амуре: Изд-во гос. пед. ун-та, 1999. – 120 с.

184. Мауль В. Я. Намеренные «умолчания» как историографический приём (бунты и бунтари в «Курсе русской истории» В. О. Ключевского) // Вестник Томского гос. ун-та. – 2013. – № 369. – С. 81–83.

185. Мауль В. Я. Образ Емельяна Пугачёва на страницах книг серии ЖЗЛ: в зеркале сравнений // Новый исторический вестник. – 2016. – № 2 (48). – С. 180–199.

186. Мауль В. Я. Российская историография начала XXI века о пугачёвском бунте (некоторые аспекты проблемы) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4 (37). – С. 160–169.

187. Михайловский Н. К. Герои и толпа : Избр. тр. по социологии : В 2 т. / Н. К. Михайловский; Отв. ред. В. В. Козловский. – СПб. : Алетейя, 1998.

188. Морозова Л. Е. Смутное время начала XVII века в сочинениях русских современников [Электронный ресурс] : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09. – М., 2001. – 373 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

189. Мухин О. Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I) [Электронный ресурс] : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Мухин О. Н. – М., 2015.

– 645 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

190. Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками : Источниковед. исслед. / Р. В. Овчинников; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ, 1995. – 272 с.

191. Памяти Р. Г. Скрынникова // Российская история. – 2010. – № 1. – С. 203–205.

192. Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков [Электронный ресурс] // Голос минувшего. – 1913. – № 2. – С. 5–39. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из сайта Белорусского гос. ун-та «<http://elib.bsu.by>».

193. Поздняков Э. А. Что такое история и нужно ли её знать? / Э. А. Поздняков. – М.: Идея-Пресс, 2010. – 608 с.

194. Предводители крестьянских войн в России XVII-XVIII вв.: Рек. указ. лит. / Науч. ред. и вступ. ст. В. И. Буганова. – М.: Книга, 1979. – 55 с.

195. Пригожин И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс; Перевод с англ. Ю. А. Данилова; Общ. ред. и послесл. В. И. Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

196. Резник Ю. М. Социокультурный подход как методология исследования [Электронный ресурс] // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 2. – Вып. 1(2). – С. 305–328. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «iphras.ru».

197. Рогожин Н. М. Буганов Виктор Иванович // Историки России. Биографии. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 854–861.

198. Рощупкин А. Ю. Служилые казаки города Ельца и уезда в конце XVI – первой половине XVII вв. [Электронный ресурс]: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Рощупкин Алексей Юрьевич; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. – Елец, 2016. – 282 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

199. Сайнаков Н. А. Личность царя в контексте опричного времени: историографические и методологические аспекты исследования [Электронный ресурс] : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.09. – Томск, 2005. – 206 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».
200. Сидоренко О. В. Историография IX – нач. XX вв. Отечественной истории. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004. – 299 с.
201. Сиземская И. Н. Л. Н. Толстой об исторической необходимости как «равнодействующей множества волей» [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 2010. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из журнала «Вопросы философии» «<http://vphil.ru>».
202. Скрынников Р. Г. Введение // Р. Г. Скрынников. Россия в начале XVII в. «Смута». – М.: Мысль, 1988. – С. 3–5.
203. Соловьев В. М. Отечественная историческая мысль о восстании С. Т. Разина [Электронный ресурс]: диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09. – М., 1995. – 502 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».
204. Сукина Л. Б. Русское религиозное сознание второй половины XVI-XVII века: комплексное источниковедческое исследование [Электронный ресурс] : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Сукина Л. Б. – М., 2013. – 566 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».
205. Толстой Л. Н. Война и мир : В 4 т. / Л. Н. Толстой. – М.: Изд. центр "Терра", 1993. – Т. 3. – 506 с.
206. Тузанович Н. Б. Процесс формирования секулярной личности в российском обществе первой половины XVII века [Электронный ресурс]: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Тузанович Н. Б. – М., 2008. – 231 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из Российской государственной библиотеки «rsl.ru».

207. Цамутали А. Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьев // Историки России. XVIII-начало XX вв. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 215–243.
208. Шапиро А. Л. Марксистские взгляды и ошибочные положения в концепции М. Н. Покровского // Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. – Л.: Изд-во Ленингр. Ун-та, 1962. – С. 189–208.
209. Шаханов А. Н. Историческая наука в Московском университете во второй половине XIX-начале XX в. // Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX-начала XX века: Московский и Петербургский ун-ты. – М.: Наука, 2003. – С. 148–267.
210. Шмидт С. О. Костомаров Николай Иванович // Историки России. Биографии. – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 178–184.

Приложение А
(рекомендуемое)

Сюжетная схема легенд о «возвращающихся царях-избавителях» (Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XIX вв. – М.: Наука, 1967. – С. 30–32).

А. «Избавитель» намерен осуществить социальные преобразования (освободить крестьян или внести существенные изменения в их жизнь)

Варианты:

А1 – это намерение приписывается «природному» царю;

А2 – царевичу, который должен воцариться;

А3 – царевич намерен вернуть народу волю, которая была дарована царём, но скрывается крепостниками.

В. Отстранение «избавителя»

Варианты:

В1 – бояре (дворяне)-крепостники свергают царя-«избавителя» и хотят его убить (заточить в тюрьму, монастырь и т.п.);

В2 – на жизнь царевича-«избавителя» покушается правящий царь или придворные;

В3 – царевич-«избавитель» после рождения подменён царевной;

В4 – придворные демонстрируют чей-нибудь труп для того, чтобы провозгласить «избавителя» умершим;

В5 – крепостники скрывают завешание, согласно которому царевич-«избавитель» должен наследовать престол.

С. Чудесное спасение «избавителя»

Варианты:

С1 – верный слуга (солдат, казак, адъютант и т.п.) подменяет его и гибнет сам;

С2 – вместо «избавителя» хоронят куклу (восковую или металлическую статую и т.д.);

С3 – «избавитель» совершает побег из заточения.

D. «Избавитель» скрывается, странствует, или оказывается в заточении

Варианты:

D1 – скрывается в пещере (на острове, в горах, в далёком городе, на чужбине и т.п.);

D2 – странствует по Руси;

D3 – заточен в тюрьму («закладен в столб»).

E. Встречи с «избавителем» или вести от него

Варианты:

E1 – встречи с неузнанным «избавителем», его объявление и исчезновение;

E2 – встречи с вестниками или послами «избавителя», которые предвещают его появление;

E3 – «избавитель» рассылает указы с «золотой строчкой».

F. Правящий царь пытается помешать «избавителю» осуществить его намерения

Варианты:

F1 – преследует «избавителя»;

F2 – предлагает компромисс, который отвергается «избавителем».

G. Возвращение «избавителя»

Варианты:

G1 – «избавитель» должен вернуться в предсказанный час (через три, девять, двенадцать лет);

G2 – он явится после определённого события (когда восставшие войдут в Москву, Петербург);

G3 – он явится раньше времени, так как страдания народа очень тяжки.

H. Узнавание «избавителя»

Варианты:

H1 – по «царским отметинам» на теле;

H2 – по какому-либо предмету, который удалось сохранить;

H3 – «избавителя» узнают люди, которые знали его до устранения.

I. Воцарение «избавителя» (в Москве, Петербурге)

К. Осуществление «избавителем» социальных преобразований

Варианты:

К1 – «избавитель» освобождает крестьян (дарует свободы казакам, однодворцам, городскому люду и т.д.), наделяет их землёй, отменяет все повинности и т.п.;

К2 – превращает крепостных крестьян в «государевых» и облегчает повинности.

Л. Пожалование ближайших сторонников

М. Наказание изменников, незаконного царя, придворных, дворян и т.д.

Приложение Б

(справочное)

Изображение С. Т. Разина

Рис. Б. 1 – Гравюра работы Фюрста, напечатанная в газете Гамбурга в 1670 г.

Приложение В

(справочное)

Изображение С. Т. Разина

Рис. В. 1 – Гравюра неизвестного автора, вышедшая в 1671 г. в Европе

Приложение Г
(справочное)

Изображение С. Т. Разина

Рис. Г. 1 – Изображение 1672 г., вышедшее в издании Ф. Ньюкемба в
Великобритании

Приложение Д Песни о Степане Разине

(справочное)

По посаду городскому

(Слова Д. Н. Садовникова)

По посаду городскому,
Мимо рубленых хором
Ходит Стенька каждый вечер,
Переряженный купцом.

Зазнобила атамана,
Отучила ото сна
Раскрасавица Алена,
Чужемужняя жена.

Муж сидит в ряду гостином
Да алтынам счет ведет,
А жена одна скучает,
Тонко кружево плетет.

Стенька ходит, речь заводит,
Не скупится на слова;
У Алены сердце бьется,
Не плетутся кружева.

«Полюбилась мне ты сразу,
Раскрасавица моя!
Либо лаской, либо силой,
А тебя добуду я!

Не удержат ретивого
Ни запоры, ни замки...
Люб тебе я али не люб.
Говори мне напрямки!»

На груди ее высокой
Так и ходит ходенем
Перекатный крупный жемчуг
С золотистым янтарем.

Что ей молвить?.. Совесть зазрит
Слушать льстивые слова,

Страхом за сердце хватает,
Как в тумане голова...

«Уходи скорей отсюда! –
Шепчет молодцу она. –
Неравно старик вернется...
Чай, я – мужняя жена...

Нешто можно?» - «Эх, голубка,
Чем пугать меня нашла!..
Мне своей башки не жалко,
А его – куда ни шла!

Коль от дома прочь гоняешь,
Забегу через зады
В переулок, где разбиты
Виноградные сады...

Выйдешь, что ли?» - «Неуемный!
Говорю тебе – уйди!
Не гляди так смело в очи,
В грех великий не вводи!..»

- «Ну, коль этак, - молвит Стенька, -
Так на чью-нибудь беду,
Я, непрошенный, сегодня
Ночью сам к тебе приду!»

Отошел, остановился,
Глянул раз, пообождал,
Шапку на ухе поправил,
Поклонился и пропал...

Плохо спится молодежи;
Полночь близко... Чу!.. Сквозь сон
Половица закричала...
Неужели это он?

Не успела «ах» промолвить,
Кто-то за руки берет,
Горячо в уста целует,
К ретивому крепко жмет...

«Что ты делаешь, разбойник?
Ну, проснется, закричит!..»
- «Закричит, так жив не будет...
Пусть-ка лучше помолчит.

Не ошиблась ты словечком, -
Что вводить тебя в обман:
Не купец – казак я вольный,
Стенька Разин – атаман!

Город Астрахань проведать
Завернул я по пути,
Чтоб с тобой, моя голубка,
Только ночку провести!

Ловко Стеньку ты поймала!
Так держи его, смотри,
Белых рук не разнимая,
Вплоть до утренней зари!..»

Из-за острова на стрежень

(Слова Д.Н. Садовникова)

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись, сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет
Он, веселый и хмельной.

А она, потупив очи,
Ни жива и ни мертва,
Молча слушает хмельные
Атмановы слова.

Позади их слышен ропот:
«Нас на бабу променял,
Только ночь с ней провозжался,

Сам на утро бабой стал».

Этот ропот и насмешки
Слышит грозный атаман,
И могучею рукою
Обнял персиянки стан.

Брови черные сошлись,
Надвигается гроза.
Буйной кровью налились
Атамановы глаза.

«Ничего не пожалею,
Буйну голову отдам!» -
Раздается голос властный
По окрестным берегам.

«Волга, Волга, мать родная,
Волга – русская река,
Не видала ты подарка
От донского казака!

Чтобы не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На, красавицу прими!»

Мощным взмахом поднимает
Он красавицу княжну
И за борт её бросает
В набежавшую волну.

«Что ж вы, братцы, приуныли?
Эй ты, Филька, черт, пляши!
Грянем песню удалую
На помин её души!..»

Из-за острова на стрежень,
На простор речной волны
Выплывают расписные
Острогрудые челны.